

2019 / № 1 (13)

**ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г.

2019 / № 1 (13)

**THEORY
OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016

Теория государства и права

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

IV Международная научно-теоретическая конференция «Политика, власть, право в современном мире»

IV International Scientific Conference "Politics, power, law in the modern world "

**11-12 октября 2019 года, г. Москва,
Ленинградский проспект, дом 17**

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, Юридический институт (Санкт-Петербург), кафедра теории и истории государства и права Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», редколлегия журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Правовое государство: теория и практика», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Юридическая наука» 11-12 октября 2019 года проводят IV Международную научно-теоретическую конференцию **«Политика, власть, право в современном мире»** посвященную заслуженному деятелю науки и техники РСФСР, доктору юридических наук, профессору **ДЕНИСОВУ АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ**.

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты (адъюнкты) и соискатели, практикующие юристы.

Регистрация: 9.30-10.30, начало работы конференции: 10.30, перерыв: 13.00 – 14.00, окончание работы конференции: 17.00.

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции, пройдя электронную регистрацию до **01 октября 2019 года** на сайте: www.matgir.ru (Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права).

Тему выступления и тезисы доклада надо направить до **01 октября 2019 г.** В электронном виде по адресу: SVKomarov2008@yandex.ru (в печатном виде по адресу: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1, оф. 12).

Российский индекс научного цитирования

Информация о материалах, опубликованных в рамках конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ). Ссылки на сборник в системе РИНЦ.

Рассылка журнала и Сертификата участника конференции

Рассылка журнала авторам, заказавшим печатный вариант, вместе с сертификатом, будет производиться централизованно, посредством почты России, простой бандеролью после 10 декабря 2019 года.

Оформление материалов

1. Рукопись статьи должна быть отпечатана через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом, страницы пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15];
– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 9-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 506 с.

2. Объем статьи не должен превышать 10 машинописных страниц.

3. Статья(и) аспиранта(ов) должны быть согласованы с их научным руководителем (руководителями).

4. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте.

5. Статьи на русском (английском) языке можно направить также на электронный адрес редакции журнала «Теория государства и права» matgip2017@yandex.ru

6. Фотография автора (5 x 6 см.) – по желанию.

7. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS

for Manuscripts, submitted for publication

1. The text of article should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].
– In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. 9-th ed. – М.: Publishing House "Yurait", 2018. – 506 pp.

2. The paper should not exceed 10 printed pages.

3. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommended term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

5. Article sent by E-mail: matgip2017@yandex.ru

6. Photo of author 5 x 6

7. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Стандарты оформления материалов

1. Материал должен быть подготовлен и отправлен на модерацию в формате .doc либо .docx;

2. Языки материала – **русский** либо **английский**;

3. Размер страницы – А4, ориентация – «Книжная»;
4. Поля страницы: Верхнее – 20 мм, Нижнее – 20 мм, Правое – 20 мм, Левое – 30 мм.;
5. Отступ первой строки абзаца слева (красная строка) – 1,25 см;
6. Первый абзац – ФИО авторов (выравнивание по правому краю);
7. Второй абзац – Наименование организации, страна, город, электронный адрес (E-mail) (выравнивание – по правому краю);
8. Третий абзац – Полное название темы статьи (выравнивание по центру, начертание полужирное) на русском и английском языках;
9. Далее аннотация и ключевые слова на русском языке и английском языках;
10. Затем текст статьи (междустрочный интервал – 1,5 строки, выравнивание – по ширине, без переносов);
11. Во всем тексте статьи шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль;
12. Библиографический список используемой литературы: каждый источник должен быть написан с новой строки. Необходимо указать полное наименование источника и авторов. Как только статья будет проверена рецензентами и рекомендована к публикации, автор получит сообщение о принятии материала и стоимости организационного взноса с указанием на порядок и реквизиты оплаты.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Комаров Сергей Александрович** – председатель оргкомитета конференции, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории и истории государства и права, Действительный Государственный советник Российской Федерации, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

2. **Кари Сюнберг** – сопредседатель оргкомитета конференции, помощник члена парламента Финляндии, Президент географического общества Финляндии, Ph.D.Geography, Dr.h.c.of Law (г. Хельсинки, Финляндия).

3. **Малько Александр Васильевич** – директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, гл. редактор журнала «Правовая политика и правовая жизнь», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия).

4. **Хабибулин Алик Галимзянович** – сопредседатель оргкомитета конференции, заведующий кафедрой финансовых и экономических исследований ВШГА (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл. редактор журнала «Миграционное право», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

5. **Ревна Мария Борисовна** – ректор Юридического института (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Юридическая мысль», кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

6. **Груздев Владислав Владимирович** – проректор по науке Костромского государственного университета, гл. редактор журнала «Вестник Костромского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Кострома, Россия).

7. **Комаров Владимир Сергеевич** – главный редактор журнала «Теория государства и права», кандидат юридических наук (г. Москва, Россия).

8. **Ирошников Денис Владимирович** – оцент кафедры "Теория права, история права и международное право" Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

9. **Комарова Татьяна Львовна** – проректор по науке и инновациям Юридического института (Санкт-Петербург), ответственный секретарь Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, заместитель главного редактора журнала "Law and Power", кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

10. **Полищук Николай Иванович** – вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России, заместитель главного редактора журнала «Теория государства и права», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

11. **Крылова Елена Геннадьевна** – заведующая кафедрой публично-правовых и частно-правовых дисциплин Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

12. **Липинский Дмитрий Анатольевич** – профессор кафедры теории государства и права Института права Тольяттинского государственного университета, зам. гл. редактора журнала «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия).

13. **Мицкая Елена Владимировна** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан).

14. **Сальников Виктор Петрович** – Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

15. **Галиев Фарит Хатилович** – профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», гл. редактор журнала «Правовое государство: теория и практика», доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия).

16. **Ковальский Ежи Сергей Чеславович** – заведующий кафедрой российского права, профессор кафедры теории права и юридической логики, заместитель декана по науке Юридического факультета Лазарски университета (Республика Польша), кандидат юридических наук, доктор PhD Law, доктор honoris causa Юридического института, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

17. **Мартьянов Александр Геннадьевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

Теория государства и права

Информационные партнеры

Журнал «Теория
государства
и права»

Вестник Костром-
ского государствен-
ного университета

Журнал
«Юридическая
наука»

Журнал «Вектор науки Тольяттинского
государственного университета»
Серия: Юридические науки

Журнал «Правовая
политика и правовая
жизнь»

Журнал
«Юридическая
мысль»
Журнал «Право-
вое государство:
теория
и практика»

Журнал «Миграционное право»	 Компания «Консультант- Плюс»	 УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ РЕШЕНИИ. ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ Компания «Гарант»	Журнал «Law and Power»
-----------------------------------	---	---	---------------------------

На обложке Р.Л. Хачатуров

Theory of State and Law

**Материалы III Международной научно-теоретической конференции
«Политика, власть, право в современном мире»
(III Денисовские чтения)
12-13 октября 2018 года, г. Москва**

Содержание

	Стр.
Тирских М.Г. Прирастать Сибирью!	14
Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	
Анисимова А.С. Международный механизм правового регулирования интернет-отношений в условиях глобализации.....	15
Арзуманов И.А. К вопросу о методологических подходах исследования государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений.....	19
Бакарджиев Я.В. Детерминанты формирования компонентов правосознания в аспекте воздействия на право.....	26
Деревскова В.М. Роль судебной реформы 1864 г. в становлении независимой судебной власти (к вопросу о форме правления в Российской империи во второй половине XIX в.).....	32
Дружинин Г.В. Корпоративные общности и их роль в изменении социально-правового пространства.....	39
Евдокимов К.Н. Особенности государственно-правового регулирования информационных отношений в современном обществе.....	44
Ивлиев П.В. Роль СМИ в развитии человека.....	52
Кузьмин И.А. К вопросу о понимании норм юридической ответственности.....	57
Мушинский М.А. О соотношении доктрин правового и социального государства и их реализации в российской политико-правовой практике в контексте современных социальных и политических перемен.....	62

Теория государства и права

Резников Е.В.	Особенности правовой идентичности юриста.....	71
Решетникова С.Б.	Получение антимонопольным органом охраняемой законом тайны в контексте баланса публичных и частных интересов.....	79
Степушкина Е.И.	О моделях социальной государственности и содержании социальной функции государства.....	84
Тирских М.Г.	Правовые аспекты трансформации политических режимов в условиях социальных преобразований.....	89
Шабаетова О.А.	Информация как объект правоотношений.....	95
Юрковский А.В.	Субъективные размышления о когнитивных диссонансах студентов, изучающих теорию государства и права и учёных, её преподающих.....	100

Конституционное право, конституционный судебный процесс; муниципальное право

Гаипова В.Р.	Реализация права на питание на муниципальном уровне: теоретико-правовой аспект.....	110
Мизелифова Э.А.	К вопросу о новом порядке голосования по месту нахождения избирателя.....	115

Рецензии

Комаров С.А.	Рецензия на монографию С.М. Воробьева «Дискредитация России: сущность, распространение, предотвращение (историко-правовое исследование). – Рязань: Академия ФСИН России, 2018.....	120
--------------	---	-----

Theory of State and Law

Персоналии

Комаров С.А., Липинский Д.А.	Юбилей Рудольфа Левоновича Хачатурова.....	122
---------------------------------	--	-----

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	за 2018 год.....	127
------------------------	------------------	-----

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ревнова Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г. Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837

© Теория государства и права, 2019.

© Авторы, 2019.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/journal>).

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 38960.**

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте **www.matgip.ru**

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kholmna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Honorary worker of higher education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyevich, Editor in chief, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Moscow)

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Theory of State and Law

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Malinenko Elvira Vladimirovna, candidate of legal Sciences, associate Professor (Rostov-on-Don)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN: 2500-0837

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2019.

© Authors, 2019.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

***The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue
“Russian Press” (index 38960).***

You can subscribe to the magazine also on the website ***www.matgip.ru***

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Прирастать Сибирью!

Великий русский ученый и организатор науки и образования М.В. Ломоносов, писал, что могущество России прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном. Эти слова применимы как к экономическому, так и к научному могуществу. В ноябре 2018 года Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (МАТГиП) приросла очередным региональным отделением. Теоретики государства и права Иркутской области приняли решение создать региональное отделение МАТГиП, которое позволило бы объединить усилия ученых в организации научных мероприятий в области теории государства и права, наладить постоянное сотрудничество с коллегами из других регионов Российской Федерации. На собрании был избран состав Правления отделения и Председатель отделения.

Теоретики государства и права Иркутской области наметили основные направления своей деятельности в рамках ассоциации, форматы работы ассоциации, отметили важность и необходимость межрегионального сотрудничества, повышения активности специалистов-теоретиков в области популяризации теоретических знаний. В числе первоначальных приоритетных направлений исследований регионального отделения определены проблемы юридической ответственности, этноконфессиональные отношения в теоретико-правовом измерении, проблемы правовой стратификации и методологии государственного управления.

К настоящему моменту региональное отделение объединяет более 20 представителей теоретической науки из Иркутска, Красноярска и Омска, работает над реализацией ряда научных проектов, в том числе проведения нескольких научных круглых столов и конференций в 2019 календарном году.

Надеемся, что создание Иркутского областного регионального отделения МАТГиП, первого в Сибири и на Дальнем Востоке, станет первой ласточкой, вслед за которой на карте ассоциации появятся и другие региональные отделения, в том числе в тех регионах, где сложились творческие коллективы и имеются научные школы теоретиков государства и права. Пока же участниками отделения могут стать не только иркутские теоретики, но и коллеги из других регионов за Уралом.

Верим, что Иркутское региональное отделение ассоциации ждет длительная, плодотворная работа на благо укрепления научного сотрудничества теоретиков государства и права, развитие общетеоретической науки в Восточной Сибири.

Тирских Максим Геннадьевич,
председатель Иркутского отделения
МОО «Межрегиональная ассоциация
теоретиков государства и права»,
кандидат юридических наук,
доцент.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

А.С. Анисимова*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы кибербезопасности. Проводится анализ конвенций, которые были разработаны в целях борьбы с преступностью в Интернете. Отмечается, что глобальный характер Интернета требует международного взаимодействия, которое должно происходить в форме унификации нормативных правил для единообразной регламентации Интернета как международной компьютерной сети и установлении единого механизма юридической ответственности.

Ключевые слова: конвенция, кибербезопасность, глобализация, безопасность, механизм управления, Интернет, интернет-отношения.

INTERNATIONAL MECHANISM FOR LEGAL REGULATION OF THE INTERNET RELATIONS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Annotation. The article deals with cyber security issues. An analysis of the conventions that have been developed to combat crime on the Internet. It is noted that the global nature of the Internet requires international interaction, which should take place in the form of unification of regulatory rules for the uniform regulation of the Internet as an international computer network and the establishment of a single mechanism of legal responsibility.

Keywords: convention, cyber security, globalization, security, control mechanism, Internet, Internet relationships.

Развитие Интернета не только в России, но и в глобальном масштабе, ставит перед мировым сообществом много вопросов, решение которых до сих пор найти не получается. Самый непростой выбор – между свободой виртуального пространства и ее регулированием со стороны государств. Инструменты такого управления необходимы, но, при этом важно соблюдать баланс между свободным доступом к информации и законными требованиями, которые обеспечивают безопасность граждан и их фундаментальные права. Правы те авторы, которые считают, что «информационные ресурсы, становясь основой не только для общения людей, но и одновременно средством воздействия на них, должны также обеспечиваться защитой и безопасностью» [7].

* **Анисимова Алина Сергеевна**, младший научный сотрудник Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права» Российской академии наук. E-mail: saninp@rambler.ru

Anisimova Alina Sergeevna, Junior Researcher, Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. E-mail: saninp@rambler.ru

Масштабный характер Интернета все больше подчеркивает значимость мирового сообщества в управлении им и разработке глобальной политики в этой области. Сообщество объективно нуждается в универсальных «правилах поведения» в киберпространстве, что может быть выражено в таком документе как конвенция, которая будет посвящена вопросам кибербезопасности и проблемам ликвидации угроз и рисков, связанных с Интернетом.

На сегодняшний день можно выделить ряд конвенций, которые были разработаны мировым сообществом, среди которых «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации» (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [1].

На сегодняшний день она является единственным имеющим обязательную силу международным инструментом в этой области. Конвенция представляет собой набор основных принципов для любой страны, разрабатывающей всеобъемлющее национальное законодательство по киберпреступности, а также рамки для международного сотрудничества между странами-участницами. Конвенция дополняется протоколом об уголовной ответственности за акты ксенофобии и расизма, совершенные при помощи компьютерных систем. К концу 2005 г. ее подписали 38 стран-членов Совета Европы, в том числе, США, Канада, Япония и ЮАР. Изначально, Россия также подписала эту Конвенцию, но в марте 2008 г. В.В. Путин распорядился признать (Распоряжение от 22 марта 2008 г. № 144-рп) утратившим силу Распоряжение Президента от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» [2].

В соответствии с этим распоряжением, Россия оставляла за собой право определяться с участием в Конвенции при условии возможного пересмотра положений пункта «b» статьи 32, которые «могут причинить ущерб суверенитету и безопасности государств-участников конвенции и правам их граждан». Пункт гласит: «Сторона может без согласия другой стороны получать через компьютерную систему на своей территории доступ к хранящимся на территории другой стороны компьютерным данным или получить их, если эта сторона имеет законное и добровольное согласие лица, которое имеет законные полномочия раскрывать эти данные этой стороне через такую компьютерную систему» [3]. Этот пункт действительно представляется спорным.

Конвенция ООН об обеспечении международной информационной безопасности, предложенная Россией в 2011 г. и направленная на решение проблемы недостаточности понятийного аппарата и его несоответствия существующим угрозам в Интернет-пространстве, предполагала закрепление на международном уровне ряда понятий – информационная война, информационная безопасность, информационное оружие, терроризм в информационном пространстве и других, которые пока не стали категориями международного права. В российском проекте Конвенции прописаны вопросы сохранения суверенитета государства над его информационном пространством, а также, положения, направленные на защиту от действий в информационном пространстве с целью подрыва политической, экономической и социальной систем другого государства, психологической обработки населения, дестабилизирующей общество.

Российский проект Конвенции явился противовесом Будапештской конвенции (Конвенции Совета Европы по киберпреступности), которая рассматривается западными странами в качестве документа глобального характера в вопросах кибербезопасности. Однако, широкой мировой поддержки документ не получил.

В 2017 г. Россией был разработан и представлен «Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности» [4]. Документ предусматривает широкий понятийный аппарат, криминализацию ряда противоправных деяний – новые составы преступлений, техническое содействие, порядок оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам в данной области. Положения документа при реализации их в разных странах позволят, например, передавать осуждённых преступников из одной страны в другую, даже в том случае, если между государствами нет профильных двусторонних соглашений. Всего Конвенция криминализирует 14 различных видов преступных деяний, среди которых неправомерный доступ к компьютерной информации и ее перехват, создание и использование вредоносных программ, спама, преступления, связанные с детской порнографией. Пока концепция так и находится в рамках проекта.

В стадии разработки находится «Уголовно-правовая конвенция по кибербезопасности». Ознакомиться с документом пока нет возможности, однако известно, что текст будет неким альтернативным вариантом «киберкодекса» для государств [5].

Обзор международных документов позволяет сделать вывод, что действующая Конвенция о киберпреступности, принятая в 2001 г. не предусматривает должных мер в отношении современных киберугроз, таких как спамерская деятельность, сетевое мошенничество, кибертерроризм и т.д. Данная Конвенция была подготовлена во времена, когда большинство киберпреступлений оставались незафиксированными, либо были маловажными. Кроме того, Конвенция содержит всего четыре термина: компьютерная система, компьютерные данные, поставщик услуг и данные о потоках; отсутствует определение Интернета; не установлены виды киберпреступлений, которые могут быть совершены и т.д.

Исходя из сказанного, считаем, что международный механизм необходим для координации сотрудничества государств по формированию правовой основы отношений в глобальном виртуальном пространстве. Разработка Конвенции по регулированию Интернета является идеальной основой для унификации норм различных государств, а ее подписание со стороны стран, в конечном счете, будет способствовать прогнозированию проблем и их решению, а также совместной работе по обеспечению безопасности для граждан как одной страны, так и за ее пределами.

Однако, документ должен быть полным, всесторонним, включать в себя широкий круг вопросов: определение Интернета, международной информационной безопасности, виды субъектов киберпреступления, установление средств борьбы, а также, мер по предупреждению и противодействию преступлениям и иным противоправным деяниям в виртуальном пространстве.

За основу конвенции можно брать уже разработанные и представленные конвенции (несмотря на то, что российские инициативы остались без широкой поддержки мирового сообщества, все-таки некоторые положения из разработанных конвенций приняты другими странами [6]), объединив как терминологию, поскольку в документах имеются различные понятия, начиная от компьютерных систем и заканчивая киберпреступлениями и санкциями, так и иные положения, затрагивающие интересы государств (содействие дальнейшему развитию интернета, повышение безопасности сети и обеспечение гарантий прав и свобод ее пользователей, обеспечение безопасности, целостности, стабильности и устойчивости интернета, создание международных правовых и организационных основ управления ин-

тернетом и др.) Только объединяя усилия государств можно бороться с киберпреступностью и решать реальные угрозы в глобальной безопасности.

Библиографический список

1. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) (по состоянию на 21 февраля 2018 г.).
2. Распоряжение Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 47. – Ст. 4929.
3. Путин отказался подписать Конвенцию о киберпреступниках // Издание о высоких технологиях. URL: <http://www.cnews.ru/Nºews/top/index.shtml?2008/03/27/293913> (дата обращения 13.11.2018).
4. Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 11 октября 2017 года на имя Генерального секретаря. URL: <http://www.mid.ru/documents/10180/3024875/Проект+конвенции+по+преступности+с+правками+секр+ООН.pdf/c93e68c9-9994-4769-951d-057c4881b8fd> (дата обращения 01.01.2018).
5. РФ предложит на Генассамблее ООН уголовно-правовую конвенцию по кибербезопасности. URL: <http://tass.ru/politika/5342231> (дата обращения 05.09.2018).
6. Как Россия предлагает ООН обезопасить интернет. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4672302> (дата обращения 01.11.2017).
7. См.: *Комаров С.А., Мицкая Е.В.* Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных: монография [Текст] / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2018. – С. 5.

И.А. Арзуманов *

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуются методологические аспекты исследования государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений в России. За основу взяты философско-мировоззренческие подходы и их функциональные проекции в общей структуре методологии правовой науки.

Ключевые слова: методология, право, регулирование, этнос, конфессия, общественные отношения, государство.

ON THE ISSUE OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF STATE-LEGAL REGULATION OF ETHNO-RELIGIOUS PUBLIC RELATIONS

Annotation. The article examines the methodological aspects of the study of state-legal regulation of ethnic and religious social relations in Russia. The philosophical and ideological approaches and their functional projections in the general structure of the methodology of legal science are taken as a basis.

Keywords: methodology, law, regulation, ethnos, confession, public relations, state.

Проблемы методологии исследования государственно-правового регулирования общественных отношений как ключевой фактор социального управления занимали, занимают и будут занимать одно из центральных мест в общих теоретико-правовых, государствоведческих и прикладных исследованиях российской и мировой юриспруденции. Как видится, данная тенденция будет решительно усиливаться вследствие фрустрации ряда государственных функций на современном этапе развития российской государственности. Вопрос о природе государственно-правового регулирования, его структуре и эффективности ставится, во-первых, в ракурсе правовопонимания и его философско-мировоззренческих оснований. Во-вторых, в силу того, что право в его общесоциальном и позитивно-правовом смыслах, являясь одним из основных регуляторов общественных отношений, имеет цивилизационно-культурные истоки. К базовым методологическим макро-подходам, в рамках которых осуществляется анализ сущности правовых явлений и их историко- и политико-правовых модификаций, необходимо отнести общие философско-мировоззренческие подходы – *диалектический* в его материалистической и идеалистической формах, а также, сопряженный с параметрами идеалистической диалектики – метафизический подход.

* **Арзуманов Игорь Ашотович** – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры конституционного права и теории права. Юридический институт Иркутского государственного университета. E-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor A. Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law. Law Institute of Irkutsk State University.

Последний обусловлен необходимостью вычленения базовых ценностей и смыслов национального бытия в исторической ретро- и перспективе.

Метафизический подход позволяет выявить смысловые концепты соотношения различных подходов к пониманию, в частности, природы биосоциальных механизмов регуляции общественных отношений. В круге проблем этноконфессиональных отношений обращение к возможностям метафизического подхода обосновано необходимостью функционального соотношения доктринального и обыденного уровней религиозно-конфессионального сознания. Данное соотношение выявляет предельные основания мотивации возможного социального поведения личности, что позволяет спрогнозировать его модели в соотношении с заданностью естественно-правовой нормативности. Взаимосвязанность данных подходов со структурно-функциональным определяет рассмотрение объекта исследования в свете происходящих процессов и составляющих его функциональных структур.

Это позволяет рассмотреть культур-религиозные явления с позиций их объективных взаимосвязей различного уровня: во-первых, личностных (индивидуальных), во-вторых, моральных (общественное сознание), в-третьих, в идеологической структуре ценностей политического, правового и морально-этического характера.

В рамках диалектического подхода, рассматриваются общие закономерности возникновения, развития и функционирования политико-правовых явлений социального пространства – государства и права, в котором, в той или иной степени, отражается специфика идеологической сферы общественных отношений. Проекцией диалектического является культур-социологический подход, в рамках которого рассматривается соотношение понятий «цивилизация» и «культура». Данное соотношение принципиально важно для определения ракурса рассмотрения собственно проблемы правового регулирования сфер, определяющих саму природу базовых категорий права: «истины», «справедливости», «блага», безусловно имеющих свое онтологическое основание в аксио-метафизических проекциях общественного сознания.

Есть два основных подхода к дифференциации данных понятийных соотношений. В рамках первого из них, понятие цивилизации рассматривается как стадия определенного уровня социальности во всемирно-историческом процессе, а культура – как комплекс духовно-нравственных детерминант, которая противопоставляется цивилизации, трактуемой в технократическом смысле. Второй подход рассматривает цивилизацию уже как общество в его временной и пространственной локализации. И в этом случае, культура становится атрибутивным свойством цивилизации и социально-общественных институтов. При этом, общество рассматривается в качестве целостной системы и представляет синергетический комплекс подсистем экономического, политико-правового, духовно-культурного порядка. Позитивное право как основной компонент социально-нормативного комплекса формируется в рамках правовой политики государственно-организованных сообществ, подчас существующих в параллельных культурно-исторических процессах [2].

С данными характеристиками связано понимание политики государства имперского типа [12, с. 91-97] как определенной качественной полноты реализации его интеграционной и унификационной функций в условиях полиэтноконфессиональности его состава и соответствующих цивилизационным типам культурно-правовых укладов. В данном ключе возможно рассматривать правовую политику как сознательно волевою, последовательную деятельность соответствующих субъектов правовой действительности, обусловленной системой основополагающих политико-

правовых идей и принципов в целях организации жизни общества [9, с. 7-8, 19; 18, с. 10; 11, с. 156; 3, с. 207].

В связи с этим все слышнее голоса тех исследователей, которые ставят вопрос о необходимости трансляции проектов национальной идентификационной матрицы в политико-правовой сфере, встроенной в комплекс национальной правовой и политической культур. Данный ракурс детерминирует полидисциплинарную природу подходов к методологическому спектру теоретико- и политико-правовых исследований.

С одной стороны, и в этом нельзя не согласиться с М. Н. Марченко, эти исследования основаны на анализе объективных, никем не инспирированных «извне», естественных процессов глобализации [8, с. 13]. С другой стороны, как опять же отмечает М. Н. Марченко и ряд других авторов, нельзя не учитывать сопряженность геоэкономических доминант глобализма с вопросами культурно-цивилизационной маркировки национально-правовых институтов [8, с. 20]. Не случайно в традиционных формах политико-правовых механизмов адаптации интеграционных процессов все большую роль начинают играть идеологические компоненты политико-правового сознания. В их основе лежат метатрадиции культурно-религиозных и политико-правовых форм общественного сознания.

Таким образом, культурно-правовые основания исследования государственного регулирования этноконфессиональной сферы общественных отношений сопрягаются с имперским характером политико-правовой системы России как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе.

Роль государства в регулировании процессов интеграции автохтонных этносов в имперский период заключалась в постепенном введении этносов, находящихся на стадии родоплеменной организации социальной жизни (или раннефеодальных отношений) в общий политико-правовой строй империи. Интеграционная и унификационная доминанты имперской государственной политики чрезвычайно интересны в области правотворчества, правоприменительной практики – особенно в контексте реализации глобально-имперских принципов социального управления и контроля. Именно в имперский период российской истории национальная политика базировалась на конфессиональной маркировке этнического спектра [5, с. 45-51].

Имперский характер советского периода проявлялся, прежде всего, в унификационных процессах, целевыми установками и базовыми критериями которых было уже не этноконфессиональное, а социально-политическое единство страны. Интеграционными скрепами при этом выступали внеконфессиональные факторы экономики и партийной идеологии. По сути, в советский период были прерваны процессы формирования дуплетной (этнической и конфессиональной) конструкции методологии государственного регулирования процессов общенационального строительства.

Проблема методологии государственно-правового регулирования этноконфессиональных отношений, безусловно, представляет собой комплекс теоретико-правовой проблематики, касающейся вопроса социально-нормативного регулирования общественных отношений. Взаимосвязь религиозных и позитивно-правовых норм, как отмечает Ю. В. Сорокина, носит ментальный характер и связана с процессами появления и функционирования норм социального управления, регулирования и контроля, порождающих все многообразие видов социальных норм (религиозных, этических, моральных, корпоративных, позитивно-правовых) в их взаимодействии [14, с. 82; 17, с. 430; 1, с. 176]. В силу зависимости эффективности позитивно-

правового регулирования от гармонизации его взаимодействия с иными социально-регулятивными системами, обусловленными культурно-религиозным фактором [8], проблема методологии правового регулирования имеет ряд особенностей, связанных с процессами правообразования, нормотворчества и правореализации.

При выстраивании методологического соотношения дедуктивно-интегрирующего и индуктивно-структурирующего блоков исследования социального пространства, философско-мировоззренческий компонент определяется в качестве методологической базы в процессе рассмотрения религиозно-обусловленных факторов культуры в целом. В числе базовых подходов, непосредственно увязанных с философско-мировоззренческими дискурсами, в качестве методологически основополагающего, выделяется антропологический подход. Он является имплицитным интегратором философско-мировоззренческих подходов, в том числе, и в их религиозной детерминации. Философско-мировоззренческий аспект теоретико-правовых проблем государственного регулирования обусловлен природой философского подхода, дающего общее видение социально-правового мира, на основе которого строятся концепции общенаучного, частнонаучного (в том числе, теоретико-правового) характера, как структурные элементы целого – в нашем случае – философско- и культурно-правового осмысления социальной реальности. Именно в этом, проявляется методологическое значение философско-мировоззренческого подходов в процессе научного познания [15, с. 81; 7, с. 201].

Вопрос о соотношении философии и юридического знания имеет свои четкие доктринально-методологические основания. Как отмечают В. М. Сырых, Е. Н. Яркова, В. Г. Графский, Ю. Е. Пермяков и ряд других авторов, философско-гносеологический уровень научной методологии включает в свою структуру мировоззренческие, онтологические, гносеологические, аксиологические аспекты научного метода [21, с. 126; 16, с. 68]. В. Г. Графский, размышляя по вопросам, связанным с проблемами теории и методологии изучения историко-юридических наук, отмечает интегральную, философскую природу «общей юриспруденции», ориентирующей «в природе и назначении права в социокультурном мире человека, семьи, общества, государства, разных цивилизаций, а также в мире морали, религии, других областей общественного сознания и цивилизационной культуры» [4]. В. Г. Графский, по сути, определяет структурную дифференциацию философии права, опираясь на предметный ряд, который достаточно четко был отмечен еще Г. Ф. Шершеневичем, писавшим о том, что «среди юридических наук философия права призвана играть в миниатюре ту же роль, какая выпала на долю философии в отношении всего человеческого знания... Философия права должна ставить своей задачей то же, что составляет предмет изучения отдельных юридических наук» [19, с. 20].

Ценность философии, по мнению В. М. Сырых, определяется рядом положений, среди которых основными являются фундаментальные (имеющие всеобщий характер) знания о роли права и государства в процессах организации, функционирования общества; антропологические основания социального и правового статуса человека в системе взаимодействия с индивидами социума; гносеологические характеристики собственно процессов познания всеобщих закономерностей развития общества и соотношения научного знания, (например, с религиозным и другими видами ненаучного знания) [16, с. 71, 72].

В итоге, вопрос ставится о природе научного знания, лежащей в области объективного. И в этом разница научного знания и философии, предмет которой в основе

своей имеет субъективный характер в силу антропологической детерминации системных связей «мир – человек». В данном объект-субъектном зазоре философии и науки, по мнению Ю. Е. Пермякова, лежат истоки методологической апории современной российской юриспруденции. Ю. Е. Пермяков, размышляя о философских основаниях юридической науки, отмечает, в частности, тенденцию десубъективации научно-правового знания, вызревшую в течение XX столетия. В основе его посылов лежит утверждение о том, что собственно философия (и, как следствие, макро-методологические параметры подходов к правовым исследованиям. – И. А.) обращена к субъекту. Философия, выясняя отношение субъекта к бытию и располагая возможностями обоснования права как одного из модусов должностования, дает возможность для современной юриспруденции преодолеть утрату критериев должного вследствие предельно широкого понимания правовой формы. Последнее при потере, формализации лежащих в основе мировоззренческих основ аксиологических критериев правосознания, правового понимания и правотворчества приводит к санкционированию праворазрушительной деятельности государства с последующей его делегитимацией [10, с. 8].

Данное замечание как нельзя лучше иллюстрирует метафизический – базовый характер этико-нравственного комплекса, продуцируемого этно-конфессиональными системами (для которых свойственна устойчивость структуры ценностных параметров моделей социального бытия). Именно в силу этого обращение к философско-мировоззренческим основаниям юридических исследований, в рамках отечественной правоведческой парадигмы, наиболее полно проявило себя с эпохи начала возрождения философско-правовых изысканий (особенно в так называемый постперестроечный период).

В силу недостаточности существующих гносеологических подходов и возникшей макрометодологической «пробельности» исследования системных процессов правообразования и правового понимания с преимущественных позиций нормативизма, в современной правоведческой парадигме вызывает дискурс, связанный с проблемами методологии и теоретического применения синергетического подхода в исследовании правовых явлений.

Методы синергетики основаны на понимании социальных систем в качестве сложных и открытых для взаимодействия. В области правоведения это касается проблем осмысления многих факторов правовой реальности, которые ранее не входили в объект юридических исследований (например, в рамках позитивистской теории права).

Гносеологический плюрализм, характерный для синергетического подхода, дает эффект расширения предметного поля исследований за счет включения в него «таких элементов социальной практики, которые непосредственно задействованы в механизмах управления и самоорганизации правовой жизни» [20, с. 45].

Синергетический подход детерминирует макрометодологические модусы интегральной юриспруденции, выраженные в культурологической и философско-правовой парадигмах верификации процессов социальной регуляции общественных отношений. Синергетический и интегральный подходы снимают догматизацию философских методов с позиций жесткой социальной феноменологизации. Они дают эвристическую возможность включать в анализируемый спектр внутренне противоречивые процессы, свойственные любой системе, в том числе, и правовой. К таковым, по мнению К. В. Шундикова, относятся «противоречия между постоянно меняющимися общественными отношениями и их устойчивыми моделями, формали-

зованными в нормативных положениях, между реальной сложной и противоречивой системой интересов субъектов и абстрактно выраженной в законодательстве коллективной волей общества, между уровнями развития правовых конструкций и правовой культуры индивидов и т. п.» [20, с. 45].

Не последнюю роль в этом играет социально-адекватный мониторинг общественных отношений, подлежащих регулированию. Этно-конфессиональная сфера общественных отношений имеет свою, только ей присущую специфику, определяемую самой этимологией термина «этноконфессиональное».

Подводя итоги необходимо отметить: основная проблема, выявленная при анализе макро-методологических подходов исследования государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений возникает из-за отсутствия идеальной модели соотношения позитивно-правового регулирования, правоприменительной и управленческой деятельности, всей совокупности юридических средств воздействия на общественные отношения в условиях полиэтничности и поликонфессиональности России.

Основанием для последующего анализа путей решения существующей апории логики регуляции этноконфессиональной сферы является обоснование их взаимосвязи и взаимодействия в ключе ряда актуализацией. Во-первых, в рамках диалектического подхода - актуализация вопроса государственно-правового регулирования обусловлена общей трансформацией традиции нормативистского типа правовопонимания в отечественном правоведении. Во-вторых, глобальная вестернизация идеологического компонента правовой системы РФ, радикальная деконструкция методологии регулирования общественных отношений XIX – нач. XX в., деидеологизация и «дестабилизация» правовой системы РФ актуализирует обращение к цивилизационно-культурным (метафизическим) основам методологии теоретико-правовых исследований.

Библиографический список

1. Введение в общее религиоведение: учебник / под ред. И. Н. Яблокова. – М.: Кн. дом «Университет», 2001. – 176 с.
2. Генрих Р. Науки о природе и науки о культуре [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Rikert.html>.
3. Гойман, В. И. Соотношение права и государства // Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – Тема 7. – С. 81-94.
4. Графский, В. Г. На пути к общей (интегральной) юриспруденции / В. Г. Графский // Теория, методология и методика изучения и преподавания историко-юридических наук: Уральские историко-юридические чтения (Всерос. науч. конф.) третья сессия. 18-19 мая 2003 г. / [отв. ред. С. В. Кодан, А. С. Смыкалин]. – Екатеринбург, 2003. – С. 3–7.
5. Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: сб. док. / авт.-сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. – М.: Гардарики, 2000. – 345 с.
6. Костылева, Т. А. Право и религия как регуляторы социальных отношений // Онтология и аксиология права: тез. докл. и сообщений Второй междунар. конф. (октябрь 2005 г.) / отв. ред. Т. А. Костылева. – Омск, 2005. – С. 186–189. – С. 186.
7. Кохановский, В. П. Философия и методология науки / В. П. Кохановский. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. – 450 с.

8. *Марченко, М. Н.* Государство и право в условиях глобализации / М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 400 с.
9. *Муромцев, Г. И.* Правовая политика: специфика понятия и ее преломление в постсоветской России // Правовая политика и пути совершенствования право-творческой деятельности в Российской Федерации: монография / Н. В. Варламова [и др.]; под ред.: Н.С. Соколова. – М., 2006. – С. 7-68.
10. *Пермяков, Ю. Е.* Философские основания юридической науки: монография / Ю. Е. Пермяков. – Самара: Самар. гум. акад., 2006. – 248 с.
11. *Приходько, И. М.* Роль юридических ограничений в осуществлении правовой политики в России / И. М. Приходько // Изв. вузов. Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 156-157.
12. *Пьянов, Н. А.* Консультации по теории государства и права: учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. – 571 с.
13. *Рудковский, В. А.* Правовая политика и осуществление права / В. А. Рудковский; под ред. Н. Н. Вопленко. – Волгоград: ВА МВД России, 2009. – 336 с.
14. *Сорокина, Ю. В.* Право и религия как социальные регуляторы // Политика и общество. – 2005. – № 11-12. – С. 82-88.
15. *Степин, В. С.* Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. – М., 1992. – 181 с.
16. *Сырых, В. М.* История и методология юридической науки: учебник / В. М. Сырых. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 464 с.
17. *Тойнби, А. Д.* Постигание истории: сборник / А. Д. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова; сост. А. П. Огурцов; вступ. ст. В. И. Уколовой; закл. ст. Е. Б. Рашковско-го. – М.: Прогресс, 1996. – 608 с.
18. *Хохлов, В. А.* Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву / В. А. Хохлов; Волжск.ун-т им. В. Н. Татищева. – Тольятти: ТолПИ, 1997. – 318 с.
19. *Шершеневич, Г. Ф.* Общая теория права (по изд. 1910-1912 гг.): в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич; вступ. ст. М. Н. Марченко. – М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. – Т. 1, вып. 1. – 308 с.
20. *Шундигов, К. В.* Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения: монография / К. В. Шундигов. – М.: Юр-литинформ, 2013. – 256 с.
21. *Яркова, Е. Н.* История и методология юридической науки: учеб. пособие / Е. Н. Яблокова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. – 459 с.

Я.В. Бакарджиев*

ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ ПРАВОСОЗНАНИЯ В АСПЕКТЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВО

Аннотация. В статье изложено авторское видение основных детерминантов формирования компонентов правосознания в контексте их воздействия на право. Автор приходит к выводу, что базой для светского государства является претворяемая в жизнь правовая идеология, гармонизирующая право и оказывающая на него стабилизирующее воздействие.

Ключевые слова: правосознание, право, правовая идеология, социальные нормы, религия.

Annotation. Determinants of formation of components of legal consciousness in terms of impact on the law. The author comes to the conclusion that the basis for a secular state is a legal ideology that is being implemented, harmonizing the law and exerting a stabilizing effect on it.

Key words. law conscience, law, law ideology, social rules, religion.

Социальная власть, государственная власть и религия – три основополагающих источника регулирования общественных отношений. Общество устанавливает социальные нормы (табу, традиции, обычаи, нормы морали), государство создает (оформляет, закрепляет, защищает) право, церковь формирует религиозные стереотипы и догмы. Все эти социальные институты призваны воздействовать на поведение людей и, следовательно, на их сознание. В психологии под сознанием принято понимать сформированную в процессе общественной жизни высшую форму психического отражения действительности в виде обобщенной и субъективной модели окружающего мира в форме словесных понятий и чувственных образов [1].

Одной из форм сознания является правосознание, то есть субъективное восприятие права и правовых явлений, выраженное в системе правовых взглядов, теорий, представлений, убеждений, оценок, настроений, эмоций, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп или всего общества как к существующему, так и к желаемому праву, правовому поведению и иным правовым проявлениям в общественной жизни.

Ключевое слово в понятии «правосознание» – восприятие. Можно выделить две формы восприятия права – рациональное (осознание и познание с позиций разума и законов логики) и иррациональное (восприятие с позиций интуиции, эмоций и чувства необходимого и должного, справедливого и несправедливого).

Основной тезис вытекает из вопроса – какая форма восприятия права влияет на его формирование, прежде всего, рациональная или иррациональная? Вроде бы

* **Бакарджиев Ян Владимирович**, Председатель правления Омской региональной общественной организации по защите прав потребителей "Юриском", кандидат юридических наук, доцент. E-mail: janb10@mail.ru

Bakargiev, Jan Vladimirovich, Chairman of the Board of Omsk regional public organization for the protection of the rights of consumers "Yuriskom", candidate of law Sciences, associate Professor.

ответ очевиден, что первая. Действительно, право как система регулирования общественных отношений по своей природе рационально, разумно. В ходе правотворчества роль логических, рациональных, интеллектуальных элементов, свойств и качеств правосознания несоизмеримо выше, чем значение эмоциональных и интуитивных механизмов духовного освоения юридического бытия. Подразумевается, что первоначально под влиянием правосознания происходит формирование идеальных моделей и схем допустимого или необходимого общественно значимого поведения, обусловленного социально-экономическими, политическими, идеологическими и иными потребностями, с последующим их оформлением в юридические нормы.

Тогда возникает второй вопрос – а что влияет на само рациональное восприятие действительности и особенно будущности социальных отношений, которые правотворец намеревается урегулировать при помощи права? И вот здесь на первый план выходит иррациональная составляющая правосознания. Рациональные суждения, ведущие к выработке тех или иных норм и моделей социального поведения, обусловлены во многом иррациональным восприятием общественных процессов. Особенно это характерно для нашей страны, где способности рационального восприятия социальных явлений в массовом сознании находится на достаточно низком уровне.

Эта иррациональная составляющая правосознания начинает превалировать и при реализации права, когда существенное воздействие на юридическую реальность оказывают эмоционально-чувственные структуры правосознания. Прежде всего, это обусловлено тем, что управленческо-правовая деятельность государства должна быть культурологически принята массовым сознанием на уровне иррационального восприятия. Иррациональная часть правосознания – одно из немногих правовых явлений, которое развивается и изменяется только эволюционным путем. Это можно объяснить тем, что общество на рациональные тактические и стратегические приемы и средства юридической политики реагирует больше эмоциональным образом, чем логическим. Что вполне естественно, так как массовое правосознание есть, в конечном итоге, обыденное, эмпирическое сознание.

Из всего вышесказанного вытекает, что для успешной выработки, а особенно реализации права необходимо воздействовать именно на иррациональные компоненты правосознания.

Что же оказывает воздействие на эти компоненты? В начале статьи были названы три институционализированных источника социального регулирования – общество, церковь, государство. Каждый из них обладает своими механизмами, воздействующими на иррациональное восприятие действительности. Общество внедряет различные социальные нормы – табу, мораль, традиции, обычаи через социокультурное взаимодействие населения, что, в конечном итоге является основным фактором формирования совокупности этнокультурных и морально-этических навыков, общественных духовно-психологических установок и стереотипов поведения. То есть то, что в социологии и философии принято называть менталитетом личности, социальной группы или общества в целом.

По отношению к обществу в определенный исторический период его развития, чаще употребляется иной термин – «ментальность». Мы не будем вдаваться в различные трактовки и тонкие различия между терминами «менталитет» и «ментальность». Тем более, что значение обоих терминов в современной философии и социологии до конца еще не устоялось и для целей нашего исследования вполне допустимо использование этих терминов в качестве синонимов.

Церковь через богословские книги и проповеди, религиозные догматы и культы, создает веру в высшие силы, где вера уже сама по себе представляет иррациональное проявление нашего сознания.

Следует особо оговориться в отношении государства. Выше уже отмечалось, что государство формирует право, которое по своей природе рационально и, следовательно, воздействует на рациональные компоненты правосознания. Как же государство воздействует на иррациональную составляющую? С позиций государства – через официальную правовую идеологию, способами внедрения которой выступают – правовая пропаганда и правовое просвещение. Следует отметить, что правовое просвещение не есть профессиональное юридическое образование. Его цель – привить дух правомерного поведения без рационального объяснения, с позиций должного или необходимого, социально полезного, что, в большей степени, воздействует именно на иррациональные элементы правосознания.

Социальные регуляторы, религиозные стереотипы и правовая идеология – три фактора, которые, безусловно, взаимодействуют и взаимно дополняют друг друга во влиянии на иррациональные компоненты правосознания. В тоже время, следует отметить, что, как и любая иная сила, влияющая на социум, каждый из указанных элементов не только взаимодействует, но и конкурирует, стремясь преобладать над другими в своем влиянии над обществом, а, в конечном итоге, над государством. Что особенно заметно, если другие элементы системы взаимодействия начинают ослабевать.

Применительно к России, наиболее слабым звеном во взаимодействии трех подсистем, определяющих развитие правосознания является официальная правовая идеология государства. На уровне пропаганды официальные власти декларируют борьбу с коррупцией, построение демократического, правового, социально ориентированного государства, гражданского общества. Однако, социальная реальность иная. Слова, не подкрепленные делами, перестают восприниматься населением. Официальная пропаганда становится эфемерным явлением, игнорируемым населением, т.е. полностью теряет свое функциональное предназначение.

Правовое просвещение населения также находится в России в зачаточном состоянии. Достаточно упомянуть, что в школе нет такой дисциплины как основы правовых знаний (и даже не обсуждается в свете реформы образования), что является нормой во многих западных странах. А ведь отношение к праву, внедрение в сознание человека установок на правомерное поведение должно прививаться как можно раньше. Изменить правосознание в зрелом возрасте при высокой степени социализации очень сложно.

Вакуум, созданный слабым воздействием правовой идеологии государства на общество, начинают занимать социальные стереотипы, обусловленные ментальностью общества и религиозные установки. С точки зрения формирования правовых регуляторов и особенно реализации права, ни то, ни другое не является приемлемым.

Казалось бы, что плохого в том, что на формирование права и его реализацию будет оказывать влияние социальная среда. Мечта либералов в экономике, демократов в политике, сторонников социопозитивизма в праве. Все они исходят из постулата, что государство лишь инструмент, который оформляет и защищает право, а формируется оно в результате развития социально-экономических отношений на основе потребностей общества. Но следует отметить, что такая модель, все же, справедлива лишь при условии наличия в государстве развитого гражданского общест-

ва, то есть общества, в котором большинство граждан обладают стабильным социально-экономическим статусом, высоким уровнем правовой культуры и развитым правосознанием. Только в этом случае, можно либерализировать государство, регулятивная функция которого будет сводиться, в основном, к регламентации и защите деятельности различных субъектов права, к стимулированию общественных отношений, а не к их ограничению, поскольку таковое будет обеспечиваться правосознанием большинства граждан.

В России гражданское общество только начинает формироваться и не имеет детерминирующего значения в развитии политических и правовых процессов. Правовой менталитет российского социума далек от западноевропейских ценностей. Преобладание установок «не пойман – не вор», «не украдешь – не проживешь» и т.д. все еще имеют сильное влияние на отношение населения к праву и дают возможность говорить не о низком уровне правосознания, а о преобладании в значительной части общества антипода правовой культуры – правового нигилизма.

Необходимо заметить, что социальная реальность, обусловленная сложившейся в России ментальностью, постоянно вынуждает правоприменителя сталкиваться с дилеммой – право или справедливость. По мнению автора, такой дилеммы быть не должно. Право в западноевропейских правовых системах романо-германской правовой семьи и есть справедливость, возведенная в закон воля общества. А если общество классовое, и в закон возводится воля господствующего класса или социальной группы, это уже в большей степени социальная проблема, а не правовая.

В романо-германской правовой семье с российской спецификой взаимодействия право-общество-справедливость превращается в логический модус: если социум на стороне справедливости, то против права, т.е. отрицает право, что опять же есть правовой нигилизм как деструктор правового регулирования, а, следовательно, и общественных отношений.

Единичные проявления правового нигилизма не несут общественной опасности в масштабах государства, но массовый нигилизм опасен. Правовой нигилизм – это отрицание регулятивных свойств и ценностей права. Если право утрачивает свою основную функцию – регулирование общественных отношений, ее утрачивает и государство. Оно становится неспособным не только управлять общественными процессами, но даже и контролировать их. В этом случае, общество начинает функционировать на основе самоорганизации, т.е. независимо от государства руководствуясь существующими в социуме правилами поведения, основанными на понимании справедливости, криминальных «понятиях», коррумпированном мышлении и др. В условиях отсутствия гражданского общества они выступают суррогатами права. Основная опасность данной ситуации в том, что эти внеправовые установки со временем могут трансформироваться в само право, т.е. привести к правилам поведения, официально санкционированных государством и закрепленных в нормативных правовых актах.

Что касается религии, то она иррациональна по своей природе. Это, по сути, вера в сверхъестественные силы, основанная на эмоциях, вызываемых культами. Она догматична и оперирует абсолютизированными категориями добра и зла, праведного и неправедного, справедливого и несправедливого. Догматизм и абсолютизация категорий, которые необходимо использовать, не применимы к диалектическим по своей природе социальным явлениям, к которым относится и право. Что для одного богоугодно, для другого таковым не является, что для одних неприемлемо, для

других в порядке вещей [2]. И золотой середины быть не может. Религиозные подходы к сути вещей, явления и отношений формируют такое явление в обыденном правосознании как правовой идеализм – вера в возможность правовыми средствами разрешить все проблемы. И когда «чуда» не случается, идеалисты превращаются в нигилистов.

Религия, в отсутствии официальной правовой идеологии, начинает внедряться в правосознание. И если на формирование права это может оказать благотворное влияние (например, большинство религиозных заповедей стали нормами права), то на его реализацию во многом негативное. Субъект права будет исходить не из воли государства, а из воли Бога. Бог выше государства, значит и «юридическая сила» его постулатов выше, что опять же является оправданием нигилизма, или даже религиозного анархизма, который можно наблюдать в радикальных исламистских течениях. Религия в этом смысле опасна для государства, является фактором, разрушающим систему государственно-правового управления. Вот почему в светском государстве власть всегда стремилась либо отдалить религию от государства, либо подчинить ее, либо даже уничтожить. «Религия есть опиум народа» [3], т.е. отдушина, создающая чувство защищенности, безопасности, освобожденности от «земных» норм поведения, что в конечном итоге может служить оправданием, «легализующим» неподчинение власти государства и его официальным представителям.

Возрождение в России новой «государственной» религии и внедрение ее в государственные и социальные институты связано именно со слабостью официальной правовой идеологии. Не случайно, как только идеология набирает силу, религия отходит на второй план, что можно наблюдать в современный период даже в такой религиозно протекционистской стране, как Италия или такой религиозно толерантной стране, как Франция [4].

Приведенные выше размышления можно свести в следующую схему:

Итоговый вывод, который напрашивается из всего вышесказанного, – в условиях светского государства всегда необходима четкая, понятная и главное, претворяемая в жизнь, а не только декларируемая, правовая идеология. Без этого право как основа системы регулирования общественных отношений не займет присущего ему места, выступит дестабилизирующим фактором государственного порядка управления, а в правосознании укрепятся установки чуждые праву.

Библиографический список

1. См.: *Щербатых Ю. В.* Общая психология. – СПб: Питер, 2008.
2. Оставим в стороне вопросы мусульманского права, далекого для осознания человеком с «немусульманским» правовым менталитетом.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике Гегелевской философии права. Введение // Собр. соч. – Т. 1. – С. 415.
4. Имеется в виду судебные процессы, связанные с религиозной атрибутикой в светских школах этих стран.

В.М. Деревскова*

**РОЛЬ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г.
В СТАНОВЛЕНИИ НЕЗАВИСИМОЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
(к вопросу о форме правления в Российской империи
во второй половине XIX в.)**

Аннотация. В статье рассматриваются различные точки зрения на влияние судебной реформы 1864 г. на изменение формы правления в России во второй половине XIX века. Степень ограничения судебных прерогатив монарха связывается многими учеными с осуществлением монархом правосудия, верховного надзора, права помилования, назначения судей, утверждения приговоров и предания суду. Автор считает, что для решения вопроса о степени ограничения власти монарха в судебной сфере недостаточно лишь рассмотрения указанных вопросов, необходимо учитывать то, что в 1870–1880-х гг. корректировке подверглись сами Судебные уставы, а при их распространении на территории Российской империи менялись принципы, организация и полномочия судов. В связи с этим, независимость суда в России во второй половине XIX века связана с провозглашением и реализацией судебной реформы (*de jure et de facto*), а также с тем, что предполагалось судебной реформой в классическом варианте для европейских губерний и последующее ее распространение на окраины («статика и динамика» реформы).

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г.; независимость судебной власти; форма правления; судебные полномочия российского монарха.

**THE ROLE OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864
IN THE ESTABLISHMENT OF AN INDEPENDENT JUDICIARY
(on the question of the form of government in the Russian
Empire in the second half of the 19th century)**

Annotation. The article discusses various points of view on the impact of the judicial reform of 1864 on the change in the form of government in Russia in the second half of the XIX century. The degree of restriction of the judicial prerogatives of the monarch is associated by many scholars with the exercise of justice by the monarch, supreme supervision, the right to pardon, the appointment of judges, the approval of sentences and trial. The author believes that to address the issue of the degree of restriction of the monarch's power in the judicial sphere, it is not enough just to consider these issues, it is necessary to take into account the fact that in the 1870–80s. the Judicial statutes themselves were adjusted, and

* Деревскова Валентина Михайловна, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиал) ФГКОУ ВПО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: vderevskova@mail.ru

Derevskova Valentina Mihailovna, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Institute of Law (branch) FSBEI HPE "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", candidate in Law, Associate Professor.

when they were distributed throughout the territory of the Russian Empire, the principles, organization and powers of the courts changed. In this regard, the independence of the court in Russia in the second half of the XIX century is associated with the proclamation and implementation of judicial reform (de jure et de facto), as well as with what was supposed to be a judicial reform in the classical version for European provinces and its subsequent extension to the outskirts ("static and dynamics" of the reform).

Key words: *judicial reform 1864 year; independence of the judiciary; form of government; judicial powers of the Russian monarch.*

Во второй половине XIX в. российское правительство стояло перед выбором: либо империя перестанет быть великой державой, либо, встав на путь реформ, будет пытаться догнать передовые страны Запада, которые встали на путь капиталистического развития и построения буржуазного государства в виде ограниченной монархии или республики. Стремление Александра II и его окружения было направлено с одной стороны на обеспечение поступательного развития страны, выравнивание уровня развития со страны Запада, а с другой стороны сохранение исторически сложившегося уклада и сословного строя, формы правления и политического режима, поскольку дворянство не собиралось добровольно отказываться ни от экономического, ни от политического господства. Следовательно, при проведении реформ, необходимо определить меру уступок, которые бы радикальным образом не меняли господствующего положения дворянства. В связи с этим одной из важнейших реформ являлась судебная реформа.

Проведение судебной реформы в XIX в. в России связано с принятием Судебных уставов 20 ноября 1864 г., включавшие Учреждение судебных установлений (УСУ), Устав уголовного судопроизводства (УУС), Устав гражданского судопроизводства (УГС) и Закон о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В ст. 1 УСУ было записано, что «власть судебная принадлежит мировым судьям, съездам мировых судей, судебным палатам, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату в качестве верховного кассационного суда» [1, с. 13]. В статье не указывается, что монарх является высшей судебной инстанцией. Дореволюционные юристы по-разному решали вопрос о судебных прерогативах российского императора. А. Д. Градовский считал, что правосудие монарх уже не осуществлял с 1718 г., но подчеркивал, что вершится правосудие именем монарха, монарх осуществлял верховный надзор, имел право помилования и т.д., суд самостоятелен только в применении права, в пределах своей компетенции [2, с. 145, 148]. Н. А. Захаров подчеркивал, что Судебные уставы окончательно освободили русского монарха от исполнения судебных обязанностей и признали понятие судебной власти разделенными между судебными установлениями и император выступал как единый глава судебной власти, но не в форме юрисдикции, а в форме общего высшего руководства [3, с. 145, 150].

Профессор А. С. Алексеев проводил различие между верховенством в судебной области и судебным верховенством, указывая на то, что, не являясь высшей судебной инстанцией и не осуществляя непосредственно правосудие, тем не менее, в судебной области оставался таким же верховным органом, как и в других областях: верховный надзор за отправлением правосудия, суд совершался от имени Императора, назначение судей, помилование и смягчение наказания, утверждение некото-

рых приговоров, право разрешать или не разрешать предавать суду лиц первых трех классов [4, с. 285–286]. С этим также соглашался А. В. Романович-Славатинский, указывая на то, что суды независимы в отправлении судебных функций, но «верховное право суда все-таки концентрируется в особе самодержавного монарха, который делегирует его Им учрежденным судебным местам» [5, с. 254].

Острую дискуссию среди дореволюционных юристов вызывала ст. 945 УУС. В соответствие с этой статьей приговоры, вступившие в силу, прежде чем должны были быть исполнены, передавались на усмотрение монарха, в случаях, когда дворяне, чиновники, священнослужители или лица, имеющие ордена и знаки отличия, снимаемые только с Высочайшего соизволения, присуждались к лишению всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ или когда суд ходатайствует о смягчении наказания подсудимому в размере, выходящему за пределы санкций, или о помиловании преступника [6, с. 335]. Профессор Алексеев считал, что поскольку речь шла о приговорах, вступивших в силу, то ни о каком пересмотре приговора речи быть не может, но принятие решения императором связано с тем, что он осуществляет награждение и поэтому только он может этих наград лишить, а дворяне, чиновники и священнослужители пользовались сословными привилегиями, а император мог утвердить приговор о лишении этих привилегий или помиловать, оставить их [4, с. 186].

Н. И. Лазаревский считал это формальностью, поскольку не происходил пересмотр принятого решения [7, с. 155]. С подобным мнением категорически не соглашался П. Е. Казанский, который считал, что в этой статье не идет речь о помиловании, нормативное закрепление которого было в главе XIII Свода законов Российской империи, а судебной привилегии дворян, и император может осудить и может оправдать приговоренного, и ничто не мешает Верховной власти пересмотреть дело, поскольку она выше и судебных приговоров [8, с. 65].

В юридической научной литературе во второй половине XIX –XX в. обозначились три подхода к решению рассматриваемой проблеме. Первый заключался в категорическом отрицании принадлежности судебной власти монарху (Н. И. Лазаревский) [7, с. 132]. Второй подход был связан с тем, что у монарха была изъята функция правосудия, но при этом он сохранял судебное верховенство (А. С. Алексеев, Н. А. Захаров, А. В. Романович-Славатинский), суд от имени Императора (А. С. Алексеев, А. Д. Градовский, Н. А. Захаров), право надзора (А. С. Алексеев, А. Д. Градовский, Н. А. Захаров), назначения судей (А. С. Алексеев, А. Д. Градовский, Н. А. Захаров). Таким образом, вторая позиция допускала самостоятельность судебной власти с оговорками. Третья точка зрения сводилась к тому, что хотя монарх и не осуществлял правосудие, но оставил за собой весьма важные функции в судебной власти, такие как осуществление правосудия от имени монарха и на основании законов им принятых, а потому, считал В. В. Сокольский, власть судам не принадлежит, а делегирована императором [9, с. 96].

С ним был солидарен П. Е. Казанский который указывал на то, что по отношению ко всем служащим судебных мест монарху принадлежит то же самое право служебного верховенства, которое принадлежит ему и по отношению ко всем лицам, состоящим на государственной службе, а также императору принадлежит верховный надзор, поскольку министр юстиции обязан подавать отчеты о деятельности всего министерства юстиции. Кроме того, он мог и помиловать и пересматривать решения, а также судить членов Императорского Дома за неповиновение [8, сс. 61,

65, 66]. Таким образом, Сокольский и Казанский, основываясь, как и их оппоненты на рассмотрении власти монарха в судебной сфере, в том числе, подчеркивая право судить от имени монарха, права надзора, назначения судей, помилования, отрицают самостоятельность судебной власти.

Следовательно, в дореволюционный период существовали различные точки зрения относительно самостоятельности судебной власти в России после проведения судебной реформы: одни считали полностью ее самостоятельной, не только от административной, но и самодержавной власти, вторые считали, что монарх не осуществлял правосудие, но сохранял за собой определенные права в судебной сфере, третьи указывали, что судебная власть по-прежнему оставалась в руках монарха.

Аналогично решается данная проблема и в современной историографии. Некоторые указывают на то, что реальная власть, в том числе и судебная, оставалась, как и раньше в руках монарха [10, с. 124] или считают, что суд не приобрел своей независимости [11, с. 40]. Другие, напротив, так не считают. Н. Н. Ефремова указывает, что Судебные уставы стали правовой основой для создания и оформления независимой судебной власти от законодательной и исполнительной и это положило начало разделению государственной власти и структурному и функциональному обособлению одной из ветвей власти – судебной, вмешиваться в применение которой император уже не мог [12]. На факт отделения судов от администрации и самостоятельности судебной власти после принятия Судебных уставов указывала Т. А. Хамченко. Основными ее аргументами были следующие: 1) Министерство юстиции как орган исполнительной власти в отношении судов осуществлял организационное руководство, не вмешиваясь в отправление правосудия, а император в отношении министерства осуществлял руководство и контроль как носитель исполнительной, а не судебной власти; 2) назначение судей – это прерогатива большинства глав государств, независимо от формы правления, будь то монарх или президент, в этом проявляется один из элементов системы сдержек и противовесов в системе разделения властей, когда власть самостоятельна, но в ее формировании участвует исполнительная власть [13, с. 24].

С нашей точки зрения, прежде всего, необходимо доказать, что суд был отделен от администрации структурно и функционально. С самого начала в рамках концепции судебной реформы («Основные положения преобразования судебной части в России» от 29 сентября 1862 г.) провозглашался этот принцип. Это означало, что они должны были осуществлять правосудие, при этом не заниматься никакой управленческой деятельностью, а правосудие должно было осуществляться только судом, при этом никакие административные органы не только были осуществлять правосудие. Мировые судьи избирались и финансировались земствами. Кандидатов в судьи министру юстиции представляли общие собрания окружных судов и судебных палат, а назначались императором. Сенаторы и обер-прокуроры назначались именными указами императора. В отличие от других чиновников, судьи обладали определенными правами, которые ставили их в независимое положение. В частности, ст. 243 УСУ провозглашался принцип несменяемости судей: они не могли быть уволены без прошения об отставке и переведены в другую местность без их согласия. Судьям запрещалось совмещать должность с какой-либо ещё, за исключением почетных и бесплатных должностей, а также возмездное участие в торговых и промышленных предприятиях (ст. 246 УСУ). По этой же причине, чтобы не подчинять судей исполнительной власти награждение осуществлял император (ст. 248 УСУ)

[6, с. 107–109]. Предусматривался особый порядок привлечения судей к дисциплинарной и уголовной ответственности. Дисциплинарное производство могли осуществлять высшие в порядке подчиненности суды. Помилование, как указывалось в ст. 170 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., не зависело от суда и непосредственно исходит от верховной самодержавной власти, аналогичным образом, была сформулирована ст. 72 Уголовного уложения 1903 г. [14, с. 208; 15, с. 293].

В ст. 495 УУС все же речь идет о помиловании, поскольку приговор уже вступил в законную силу, а необходимость обращения к императору связана с тем, что он осуществлял награждение и сословными привилегиями дворянства, которые продолжали сохраняться. Таким образом, можно было бы констатировать факт, отделения судебной власти от административной, а монарх выполнял функции присущие главе государства, такие как назначение судей, право помилования. Однако, необходимо учитывать то, что судебная реформа продолжалась вплоть до 1900 г. и по мере своего продвижения на окраины Российской империи теряла свой первоначальный вид, классический вариант реформы был реализован для 37 губерний Европейской части страны, но кроме того, в 1870–1880-х гг. корректировке подверглись сами Судебные уставы, что в литературе получило название «контрреформ».

Некоторые авторы считают, что новеллы в судебно-правовой сфере 70–80-х гг. XIX в. нельзя расценить как контрреформу, так как судебная реформа 1864 г. и последовавшие изменения являют собой пример двух взаимосвязанных процессов, включающих радикальное реформирование судебной системы под влиянием «правового романтизма», не соответствующее самодержавной монархии, и приведение в соответствие государственному строю наиболее диссонирующих институтов, а затем и всей судебно-правовой системы в целом [16]. С введением Уставов 1864 г. сложилась ситуация, когда суд не только опережал в своем развитии основные политические институты самодержавия, но государственно-правовое развитие отдельных регионов и народов, вступил с ними в противоречие. Так, например, 20 мая 1885 г. был принят закон «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства», ограничивший судебскую несменяемость, поскольку в Сенате было учреждено Высшее дисциплинарное присутствие для рассмотрения дел о дисциплинарных проступках лиц судебного ведомства, и оно могло освободить любого судью, давшего повод сомневаться в дальнейшем беспристрастном исполнении обязанностей [11, с. 43]. Постоянное недовольство деятельности мировой юстиции высказывали губернаторы как представители местной администрации, в основе которого, лежало нежелание признать новые реалии жизни. Крайнее недовольство вызывало обязанность полиции передавать в мировой суд дела, которые ранее рассматривались в административном порядке и доказывать вину обвиняемого. Губернаторы требовали отменить право «предостережений», которые мировые судьи делали полиции за «ненадлежащее» исполнение своих обязанностей, право мировых судей освобождать лиц, взятых полицией под стражу.

В 1875 г. по распоряжению императора было создано Особое совещание под председательством П. А. Валуева, которое обсудило проблему взаимоотношений между административной и судебной властью и приняло 10 февраля 1876 г. решение «об освобождении губернаторов в качестве свидетелей на суде», о предоставлении показаниям полиции на суде «силы доказательств» и отменило право мировых судей и чинов прокурорского надзора делать предостережения полиции [17, с. 26].

12 июля 1889 г. институт мировых судей в земских губерниях был упразднен, за исключением столиц и некоторых крупных городов. Ей на смену пришли судебно-административные установления: земские участковые начальники и городские судьи в качестве первой инстанции. Они, в отличие от мировых судей, не избирались, а назначались губернатором по согласованию с губернским либо уездным предводителем дворянства и с утверждения министра юстиции [18, с. 84]. Губернаторы приветствовали введение института земских начальников. Таким образом, ликвидировалось выборное начало и произошло соединение административной и судебной власти в одних руках. Одной из причин ликвидации выборного мирового суда была в глубоком неприятии частью местной и центральной администрации и самим императором Александром III независимого местного суда и принципов, на которых проводились судебные преобразования 1864 г.

В Сибири изначально при проведении судебной реформы 1896 г. мировые судьи назначались министром юстиции. Несменяемость судебных следователей министр юстиции К. И. Пален заменил на замещение открывающихся вакансий исполняющими должность судебного следователя, но при этом не утверждались в ней. Следователя, таким образом, в любой момент можно было сменить, и они превращались в полностью подконтрольных министерству чиновников. В 1878 г. из общего числа судебных следователей только 6% были утверждены в должности [19, с. 60].

Демократические принципы и институты судостроительства и судопроизводства – всесословный характер суда, независимость суда от администрации, несменяемость судей, равенство всех перед законом, гласность, состязательность, право на защиту, участие общественности в отправлении судопроизводства – утвердились в обществе с сословным строем, внедрились в государственность с абсолютистской формой правления, политической властью, сосредоточенной в руках дворян-помещиков, иерархической подчиненностью бюрократического аппарата [20, с. 65]. В. Гессен писал в 1906 г., что принцип разделения властей является чуждым государственному строю абсолютных монархий, хотя при этом признавал, что он зарождается еще в условиях абсолютизма [21, с. 26–27].

Переход от абсолютной монархии к ограниченной в исторической ретроспективе происходило с издания конституции, появления парламента, а уже потом создания независимой судебной власти. В России движение в сторону ограничения абсолютизма началось именно с судебной власти. В результате судебной реформы 1864 г. была декларирована независимая судебная власть, однако, ее практическое построение пришло в противоречие с государственной действительностью.

Библиографический список

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений на коих они основаны. – Изд. 2-е, доп. – СПб., 1867. – Ч. 3. – 567 с.
2. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. – СПб., 1875. – Т. 1. – 436 с.
3. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. – Новочеркасск, 1912. – 324 с.
4. Алексеев А.С. Русское государственное право. – М., 1892. – 473 с.
5. Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. – СПб., 1886. – Ч.1. Основные государственные законы. – 307 с.

6. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений на коих они основаны. – Изд. 2-е, доп. – СПб., 1866. – Ч. 2. – 504 с.
7. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. – СПб., 1910. – Т. 1. – 276 с.
8. *Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права. – Одесса, 1913. – 950 с.
9. *Сокольский В.В.* Русское государственное право. – Одесса, 1890. – 236 с.
10. *Душа В.В.* Судебная власть в России: генезис и эволюция // Закон и право. – 2018. – № 7. – С. 123–127.
11. *Тиганов А.И.* Организационные и нормативные основы правового иммунитета должностных лиц судебного ведомства (судей) при привлечении их к дисциплинарной ответственности в российском законодательстве второй половины XIX века // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 4. – С. 37–47.
12. *Ефремова Н.Н.* Судебные реформы в России: пути утверждения идей и ценностей правосудия // Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М., 2000. – С. 226–256.
13. *Хамченко Т.А.* Судебная власть по Основным государственным законам Российской империи от 23 апреля 1906 года // История государства и права. – 2008. – № 10. – С. 24–25.
14. Российское законодательство X – XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – М., 1988. – 432 с.
15. Российское законодательство X – XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. – М., 1994. – 352 с.
16. *Воронин И.В.* «Контрреформы» 80–90-х гг. XIX в. в административной и судебной сферах в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011 [Электронный ресурс] URL.: <http://www.dissercat.com/content/kontrreformy-80-90-kh-gg-xix-v-v-administrativnoi-i-sudebnoi-sferakh-v-rossii#ixzz3EmgURy72>.
17. *Горская Н.И., Козлов О.В.* Административная и судебная власть в России второй половины XIX в.: история противостояния // История государства и права. – 2009. – № 13. – С. 24–26.
18. *Шаркова И.Г.* Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 79–84.
19. *Клименко А.* Контрреформаторы // Российская юстиция. – 1996. – № 9. – С. 59–62.
20. *Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. – Саратов, 1999. – 254 с.
21. *Гессен В.* О правовом государстве // К реформе государственного строя России. – СПб., 1906. – Вып. II – С. 26–27.

Г.В. Дружинин*

КОРПОРАТИВНЫЕ ОБЩНОСТИ И ИХ РОЛЬ В ИЗМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В настоящей статье анализируется роль корпоративных общностей в изменении социально-правового пространства. Автор показывает, что корпоративная общность может выступать своеобразным индикатором, детектирующим будущее изменение социальной формации на свойствах характерных для свойств корпоративной общности. Делается акцент на роль корпоративных принципов, существующих в корпоративной общности и которые выступают фундаментальными принципами будущей социально-экономической формации.

Ключевые слова: корпоративные общности, корпорация, социально-экономическая формация, социально правовое пространство.

CORPORATE COMMUNITIES AND THEIR ROLE IN CHANGING THE SOCIAL AND LEGAL SPACE

Annotation. This article analyzes the role of corporate communities in changing the social and legal space. The author shows that the corporate community can act as a kind of indicator that detects the future change in the social formation on the properties characteristic of the properties of the corporate community. Emphasis is placed on the role of corporate principles that exist in the corporate community and which are the fundamental principles of the future socio-economic formation.

Keywords: corporate communities, corporation, socio-economic structure, social and legal space.

Общество представляет собой динамично меняющуюся систему, в которой постоянно протекают различные социальные процессы, и в которой возникают, видоизменяются и прекращаются множество социальных связей. Одним из элементов социальной системы являются субъекты, к которым относятся личность, социальная группа, корпоративные и иные общности.

Своими действиями субъекты формируют вокруг себя некоторое социальное поле, в котором формируются определенные социальные связи, в том числе, закономерности, характерные именно для этого социального поля. Указанное социальное поле выступает частью социального пространства.

По смыслу французского социолога Пьера Бурдьё, социальное пространство есть абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала: оно может вос-

* Дружинин Глеб Викторович, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета. E-mail: druzhinin93@mail.ru.

Druzhinin Gleb Viktorovich, Lecturer, Department of State and Municipal Administration, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University.

приниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях [1].

Структурировано-выстроенное социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различного вида благ и услуг, а также распределение социальных субъектов, групп и общностей, путем определения их места и позиций в структуре. К различным полям, которые выделил в свое время французский социолог, можно отнести также этническое, культурное, религиозное, правовое и другие виды полей.

Социально-правовое пространство является социальным пространством, в рамках которого появляется ещё один элемент как правовое поле или правовая материя. Правовая материя предполагает под собой совокупность таких элементов, как правовая доктрина (учения о праве), правовые ценности, правовые принципы, действующее законодательство, структура правоохранительных органов, система государственных органов власти, правосознание.

Развитие общества меняло саму социальную структуру, что повлекло за собой изменение социально-экономических отношений, о чем в своей работе описал немецкий экономист Карл Маркс. Немецкий ученый не констатировал, что вопрос общественно-экономических формаций окончательно решён и выделял в разных трудах разные формации. В предисловии к своей работе «К критике политической экономии» автор перечислял «прогрессивные эпохи экономической общественной формации», которые определялись по общественным способам производства, в числе которых были указаны: азиатский, античный, феодальный, капиталистический [2].

Хотя завершённой теории общественно-экономических формаций Карл Маркс не сформулировал, тем не менее, можно обобщить его идеи и предположить, что выделялись пять формаций в соответствии с доминирующими производственными отношениями и формами собственности: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная (буржуазная), капиталистическая и коммунистическая.

Поскольку, на изменение социально-правового пространства оказывают влияние корпоративные общности, представляется интересным выявить и проанализировать такие закономерности.

Корпоративная общность выступает в первую очередь общностью социальной, т.е. это объединение людей, для которого характерно наличие ряда признаков, позволяющих обособить такой вид общности от иных социальных общностей.

Социальной общностью можно назвать реальное объединение людей, объективно заданное способом их устойчивой взаимосвязи, при котором они выступают (проявляют себя) как коллективный субъект социального действия.

Корпоративные общности обладают устойчивостью, т.е. может существовать достаточно длительный период времени, что обусловлено наличием целей у такого вида общности, а также наличием членства. Члены корпоративной общности имеют двойную устойчивую корпоративную связь, т.е. связь членов корпоративной общности между собой и связь члена корпоративной общности с самой корпоративной общностью посредством взаимодействия с органами корпоративного управления.

Корпоративная общность стремится к структурированности, что проявляется в создании управленческих органов такой общности. Органы корпоративного управления выступают от лица корпоративной общности, и выражает общекорпоративную волю. Управление в корпорации строится на корпоративных началах, т.е. определенных ценностях, принципах идеях, которые определяют способ управления.

Для корпоративной общности может быть также характерно наличие материального и иного ресурса (денежных средств, движимого или недвижимого имущества, нематериальных благ). Одной из причин создания корпоративной общности может послужить эффективное управление имуществом такой общности, а также, извлечением прибыли из такого имущества.

Действуя в социально-правовом пространстве, любая корпоративная общность обладает либо деструктивной, либо конструктивной функцией по отношению к любой социальной структуре. Другими словами, корпоративная общность укрепляет основы и структуру социально-правового пространства или стремится изменить эти структуры, тем самым её разрушая.

В тоже время корпоративная общность может выступать своеобразным индикатором будущих социально-экономических изменений. Те принципы, на которых построены корпоративные отношения, или другими словами корпоративные начала, показывают тенденции к изменению.

Корпоративная общность детектирует будущее изменение социальной формации на свойствах характерных для свойств корпоративной общности. Рассмотрим на конкретных примерах.

В период рабовладельческого строя в Древнеримском государстве существовали клиентелы. Так, обедневшие или утратившие родовые связи и нуждавшиеся в покровительстве люди привлекались в качестве патриархально-зависимых лиц в семьи богатых и влиятельных патрициев. Зависимые люди назывались *клиентами*, а их покровителей именовали *патронами*. Здесь оказал влияние один фактор, что римская община, основанная на общественном землепользовании и натуральном хозяйстве, была организована по схеме *curia-gens-familia*, и чтобы пользоваться землёй либо просто иметь заработок, необходимо было быть частью этой системы.

Отличительной чертой клиентелы является отсутствие формализованных отношений, а в качестве главного скрепляющего фактора выступает традиционная, ценностная или эмоционально-психологическая ориентация членов клиентелы на своего патрона [3].

Таким образом, под клиентелой понимается форма социальной зависимости, существовавшая в Древнем Риме и предполагавшая наличие взаимные правовые, социальные и экономические обязательства между патронами и клиентами [6, 151-152; 8, 16-18]. Во многом принципы, которые легли в основу отношений в клиентеле, выступили базовыми в будущей социально-экономической формации феодализма, где существовала система сюзеренитета – вассалитета. Так, «патрон» (лицо, которое имело властные полномочия по отношению к клиенту) в феодальных отношениях именовалось сюзерен. Под сюзереном понимался тип крупного феодального правителя, власть которого была основана на вассальном подчинении. В свою очередь, вассал выступал ни кем иным, как клиентом по отношению к сюзерену.

Средневековые являются одним из интересных периодов, поскольку именно в этот период было активное развитие корпоративных общностей. Корпоративные общности средневекового периода были представлены в основном средневековыми корпорациями, к которым относились средневековые университеты, торговые гильдии и цеха [4].

Указанные корпоративные общности строились на автономных и демократических началах, это проявлялось во взаимоотношениях между учредителями корпоративной общности, а также, между учредителями и участниками корпоративной

общности, что подтверждается договорной основой многих корпоративных общностей. Автономные и демократические начала очень сильно проявились в большей степени в области корпоративного управления организацией, так в торговых корпорациях стали проводиться общие собрания участников, целью которых было принятие решения путем согласования единичных волей участников корпорации. Появляется институт выборных лиц, когда в корпорации избирали какую-либо должность, наделенную властно-управленческими функциями. Впоследствии многие явления, которые появились в средневековых корпоративных общностях, будут являться фундаментом в капиталистической формации: выборность лиц, преобладание принципов координации отношений, договорных начал.

Во многом автономные и демократические начала были противовесом существовавшего в то время средневековой государственности и феодального строя, ввиду чего, в последствие принципы построения взаимоотношений между субъектами в средневековых корпоративных общностях стали основой для будущей капиталистической (буржуазной) формации.

В капиталистической формации также появлялись корпоративные общности, в которых формировались идеи и начала отличные от идей средневековых корпоративных общностей, к таковым относятся профсоюзные организации.

Профсоюз являлся одной из разновидностей корпоративной общности, в которой отношения строились на принципах коллективизма, братства, равенства и свободы [5]. Эти идеи будут в последствие взяты в качестве основополагающих идей революции и будущей социалистической формации.

Социализм можно рассматривать как доктрину, полагающей целью которой являются идеи справедливости, свободы и равенства, или другими словами общественный строй, в котором воплощаются эти принципы.

Подводя итог, можно отметить, что для каждой социальной формации характерно наличие тех или иных корпоративных общностей, которые в определенной степени отражают в себе принципы и начала будущих социальных формаций: клиентелы в период рабовладельческих государств – феодальный строй, средневековые корпорации в период средневековья – капиталистический строй, профсоюзные организации [6] в буржуазный период – социалистический (коммунистический) строй.

Появление таких начал обусловлено тем, что социальная формация во многом выражается в государственном строе и является структурой более «костной», устойчивой и консервативной, чем само общество и его элементы, поскольку корпоративные общности более гибкие и динамичные элементы. Динамичность корпоративной общности позволяет участникам корпорации наиболее оптимальным образом удовлетворить свои потребности и соответствовать ожиданиям в период социальных перемен. Поэтому, в том случае, когда государственный строй и социальная формация общества уже не устраивает субъектов общества, эти субъекты начинают формировать уже новую структуру удобную для них, тем самым задавая фундамент новых социальных связей, который перерастет, в последствии, в социально-экономическую формацию.

Библиографический список

1. Бурдьё П. Социология социального пространства. – СПб: Алетейя, 2007. – 288 с.
2. Маркс К.К критике политической экономии. – М.: Госполитиздат, 1949. – 272 с.

3. Харитонова В.Н. Клиентела как неформальный институт государственного управления России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 2. – С. 253-257.

4. Сванидзе А. Средневековые корпорации // Неприкосновенный запас. Дебаты о культуре и политике. – 2006. – № 4-5. – С. 55-67.

5. Мяч В.Я. Ограниченность социалистической идеи и общественно-экономические процессы // Мир политики и социологии. – 2011. – № 6. – С. 118-123.

6. Lemarchand R., Legg K. Political Clientelism and Development: A Preliminary Analysis // Comparative Politics. – 1972. – Vol. 4. – № 2. – Pp. 149-178.

7. Taffani P. Le Clienteles politiques en France / P. Taffani. – Paris: Editions du Rocher, 2003. – 336 p.

К.Н. Евдокимов*

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу современного информационного общества и государственно-правовому регулированию информационных отношений. Автором делается вывод, что в настоящее время информационные отношения выходят из-под контроля общества и государства.

Ключевые слова: государственно-правовое регулирование, информационное общество, информационные отношения, интернет-преступность, информационная преступность, киберпреступность, компьютерная преступность.

FEATURES OF STATE-LEGAL REGULATION OF INFORMATION RELATIONS IN MODERN SOCIETY

Annotation. The article is devoted to the analysis of modern information society and state-legal regulation of information relations. The author concludes that currently information relations are out of control of society and the state.

Key words: state legal regulation, information society, information relations, Internet crime, information crime, cybercrime, computer crime.

Современное общество характеризуется стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, а также средств создания, хранения, накопления, обработки, передачи больших объемов информации. Информационные отношения охватывают практически все значимые сферы жизни общества: науку, образование, культуру, промышленность, финансово-банковский сектор, энергетику, транспорт и т.д.

Информационно-телекоммуникационные сети объединили миллионы людей, предоставив возможность социального общения без учета географического фактора и государственных границ.

По данным международного аналитического агентства WeAreSocial и крупнейшей SMM-платформы Hootsuite, количество пользователей сети «Интернет» в 2018 году достигло 4,021 млрд. человек, что на 7% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Аудитория социальных сетей в 2018 году насчитывает 3,196 млрд. человек – это плюс 13% к прошлогоднему показателю. Мобильными телефонами в 2018 году пользуются 5,135 млрд. человек – на 4% больше, чем год назад [1]. При этом, большинство мобильных устройств предоставляют доступ в сеть «Интернет» и являются средствами социальной коммуникации.

* **Евдокимов Константин Николаевич**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru.

Evdokimov Konstantin Nikolaevich, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of legal Sciences, associate Professor

Поскольку, информационные отношения составляют огромный и важный сегмент общественной жизни, то данная сфера требует государственно-правового регулирования и пристального внимания со стороны контролирующих (надзорных) органов государственной власти. «Исходя из общих положений правового режима любого объекта правовых отношений, правовой режим информации будет включать в себя правомочия обладания информацией на правах либо собственника, либо пользователя; право пользование информацией и ее распространение любым не запрещенным законом способом. Соответственно этому, правовой режим информации, гарантируемый государством, представляет собой совокупность законодательно предоставляемых правомочий лица по совершению с ней (с информацией) определенных фактических действий, основанных на законодательно установленных дозволениях, запретах и обязываниях» [2, с. 31].

Международные принципы создания информационного общества и развития информационных отношений определены Окинавской хартией глобального информационного общества (2000 год), Декларацией принципов «Построение информационного общества - глобальная задача в новом тысячелетии» (2003 год), Планом действий Тунисского обязательства (2005 год).

В свою очередь, в Российской Федерации указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы».

Данная Стратегия основывается на таких ключевых понятиях, как «безопасные программное обеспечение и сервис», «индустриальный интернет», «интернет вещей», «информационное общество», «информационное пространство», «инфраструктура электронного правительства», «критическая информационная инфраструктура Российской Федерации», «Национальная электронная библиотека», «облачные вычисления», «обработка больших объемов данных», «общество знаний», «объекты критической информационной инфраструктуры», «сети связи нового поколения», «технологически независимое программное обеспечение и сервис», «туманные вычисления», «цифровая экономика», «экосистема цифровой экономики».

Между тем, одной из главных угроз современному информационному обществу, ставящим под вопрос возможность его дальнейшего безопасного существования и развития, в настоящее время является информационная преступность (компьютерная преступность, киберпреступность, интернет-преступность, преступность в сфере высоких технологий и т.д.), причиняющая колоссальный вред правам и законным интересам личности, общества, государства.

Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 была утверждена «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», где под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее - сеть «Интернет»), сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также, совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые государством меры по обеспечению информационной безопасности, защите информационных отношений от различных внешних и внутренних угроз, ситуация остается критической.

Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на заседании коллегии ФСБ России указал, что в 2015 году было зафиксировано более 24 миллионов кибератак на официальные сайты и информационные системы органов власти России. Пресечено функционирование более 1,6 тысячи интернет-ресурсов, деятельность которых наносила ущерб безопасности нашей страны, в том числе, террористической и экстремистской направленности [3].

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2017 году число преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий увеличилось с 65 949 до 90 587, а их удельный вес от числа всех зарегистрированных в России преступных деяний составил 4,4%, т.е. почти каждое 20-е преступление [4].

В свою очередь, заместитель министра внутренних дел РФ Игорь Зубов заявил, что в России с начала 2018 года зарегистрировано около 40 тыс. преступлений в сфере информационных технологий, большинство из которых совершено в банковской сфере [5].

Согласно результатам совместного исследования Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ) и международных компаний Group-IB, Microsoft, ущерб экономике России от киберпреступности в 2015 году превысил 200 миллиардов рублей, что составляет 0,25% от ВВП Российской Федерации [6].

В 2017 году ущерб мировой экономики от участвовавших кибератак, по прогнозам Сбербанка, превысил 1 трлн. долларов, а через три года – вырасти до 2 трлн. долларов [7].

В 2017 году в Иркутском юридическом институте (филиале) Академии Генеральной прокуратуры, автором, было проведено анкетирование 2-х групп респондентов: экспертов (209 прокурорских работников) и компьютерных пользователей (239 студентов юридических ВУЗов г. Иркутска).

На вопрос: «Считаете ли Вы, что компьютерная преступность постепенно выходит из-под контроля правоохранительных органов и гражданского общества (искусственный интеллект, компьютерные вирусы, вирусные эпидемии компьютерных устройств, шпионские компьютерные программы и т.д.)?» утвердительно ответили 82,8% прокурорских работников, выступивших в качестве экспертов и 76,2% компьютерных пользователей (студентов).

С учетом сказанного, полагаем возможным сделать вывод о том, что современные информационные отношения выходят из-под контроля личности, общества и государства, в силу своей социальной латентности, технической сложности и многогранности.

Данный научный вывод основывается на следующих фактах и аргументах.

1. Как уже было сказано выше, современное общество является информационным, т.е. зависимым от техники, основанной на использовании IT-технологий: компьютеров, информационно-коммуникационных сетей, мобильных компьютерных устройств, интернет-вещей и иных средств создания, хранения, обработки, передачи компьютерной информации. Однако, при этом большинство людей слабо представляют принципы и способы их работы, не обладают специальными техническими познаниями и навыками компьютерного программирования, сетевого администрирования, защиты компьютерной информации, выявления преступных действий и обнаружения противоправного контента. Поэтому «информационная» безграмотность населения, отсутствие индивидуальной и общественной культуры «информационной безопасности», высоклатентный характер компьютерных преступлений, тех-

ническая сложность их обнаружения приводит к неконтролируемости информационных отношений обществом и отдельными индивидуумами.

2. Латентность компьютерных преступлений, сложность их выявления, раскрытия и расследования правоохранными органами, привели к тому, что количество раскрытых преступлений и уголовных дел, направленных в суд из года в год сокращается. Так, например, по данным ГИАЦ при МВД России, из находившихся в производстве следователей уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 273 УК РФ, расследовано и направлено в суд с обвинительным заключением: в 2010 году из 1066 уголовных дел направлено в суд 914, в 2011 году из 754 уголовных дел в суд направлено 558, в 2012 году соответственно 953 уголовных дел и направлено в суд только 664, в 2013 году из зарегистрированных 764 уголовных дел в суд направлено с обвинительным заключением 575 уголовных дел, в 2014 году из зарегистрированных 665 уголовных дел в суд направлено 344, в 2015 году из 1056 уголовных дел в суд направлено 369, в 2016 году из 1124 уголовных дел с обвинительным заключением в суд направлено 299, в 2017 году из 1192 уголовных дел в суд направлено только 281 дело [8].

Таким образом, данные официальной статистики показывают, что до 75% находящихся в производстве у следователей уголовных дел прекращаются, либо приостанавливаются на стадии предварительного следствия. Анализ судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации позволяет сделать вывод, что, в большинстве случаев, к уголовной ответственности привлекаются неопытные компьютерные преступники, а профессиональные хакеры и вирусмейкеры остаются вне поля зрения правоохранительных органов, что подтверждает теорию о неконтролируемом характере компьютерной преступности.

3. Профессиональные компьютерные преступники образуют «теневую» технократию, не контролируемую государством, но оказывающую на общество и его институты сильное воздействие (Anonymous, Wiki Leaks, Chaos Computer Club, LulzSec и т.п.).

4. В рамках так называемых «информационных войн», происходит симбиоз преступной компьютерной технократии с государственными спецслужбами, для осуществления последними кибершпионажа, киберсаботажа, кибершантажа и других компьютерных преступлений с целью оказания политического, экономического, финансового давления на критическую инфраструктуру государств-соперников (Китай, США, Россия, ЕС, КНДР и др.). Тем самым, компьютерные преступники, работая по найму, выполняют «государственный заказ» спецслужб, который в силу действия режима государственной тайны является «секретным» для общества, а следовательно, неконтролируемым.

5. Дальнейшая эволюция IT-технологий, привела к разработке новых квантовых компьютеров, успешным результатам в области «искусственного интеллекта» (суперкомпьютеров, работающих в автономном режиме и режиме «самообучения»). Исследования осуществляются на принципах секретности и конспиративности. Применение данных технологий военными, сотрудниками спецслужб, должностными лицами, научными работниками в противоправных целях, также создает условия неконтролируемости компьютерной преступности институтами гражданского общества и государства.

Кроме того, дальнейшее бесконтрольное развитие «искусственного интеллекта» (самообучаемых суперкомпьютеров), может привести к необратимым для человеческой цивилизации вредным последствиям.

6. По мнению экспертов в области антивирусной защиты и компьютерной безопасности (Лаборатория «Касперского», Symantec и др.) [9, 10, 11], если ранее вредоносные компьютерные программы создавались вирусописателями индивидуально или в соавторстве с другими вирусмейкерами, то в настоящее время компьютерные вирусы создаются целыми семействами (штаммами) и моделируются не человеком, а специальными компьютерными программами - «генераторами». Тем самым, указанный процесс становится полностью автоматизированным и осуществляется без вмешательства человека, что также подтверждает нашу научную теорию о неконтролируемой технотронной преступности.

Вместе с тем, вирусмейкеры (вирусописатели), создавшие вредоносные компьютерные программы-генераторы, знают только основной код исходной вредоносной компьютерной программы, часто не представляя всех функциональных свойств модификаций основной программы, а также не всегда обладают знаниями по уничтожению созданных компьютерных вирусов. Это приводит к выходу последних из-под контроля социума и как результат, возникновению глобальных компьютерных эпидемий, причиняющих обществу огромный материальный ущерб (компьютерные вирусы Brain, CIH, Melissa, Blaster, Sasser, Zotob, StormWorm, Conficker, Mariposa, Zeus, Bredolab, TDSS и др.)

Примером, может служить случай с тайваньским студентом Чэнь Инхао, который в июне 1998 года написал компьютерный вирус CIH, или «Чернобыль» (Virus.Win9x.CIH), распространив его в сети «Интернет». После чего, 26 апреля 1999 года, в годовщину Чернобыльской аварии вирус активизировался и уничтожил данные на жёстких дисках полумиллиона инфицированных компьютеров по всему миру, причинив материальный ущерб от 20 до 80 млн. долларов. Поскольку Чэнь Инхао не знал, как остановить компьютерную эпидемию и боялся наказания, то еще до окончания университета он написал официальное извинение в Интернете, в котором публично попросил прощения у жителей Китая, компьютеры которых пострадали [12].

7. Переход от контролируемой государством и обществом глобальной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» к анонимным информационным сетям и системам мгновенной передачи сообщений (мессенджерам), также ускорил процесс выхода компьютерной преступности из-под контроля общества и государства.

В настоящее время компьютерные преступники массово используют анонимные информационно-коммуникационные сети (Tor, Freenet, Zeronet, Virtual Private Network и др.), мессенджеры (Brosix, Wickr, Jabber и др.) для совершения противоправных деяний (незаконный оборот наркотиков, оружия, детской порнографии; проституция, продажа похищенной информации, незаконная организация и проведение азартных игр; терроризм, экстремистская деятельность; легализация доходов, полученных преступным путем и т.д.).

Так, например, 3 июля 2017 года приговором Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 30, п. п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы на срок 6 (шесть) лет, с отбыванием наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, со штрафом в размере 30000 (тридцать тысяч) рублей был осужден гр. Пинчук П.А.

Судом было установлено, что Пинчук П.А., действуя в составе преступного сообщества, в 2015 году осуществлял незаконный сбыт наркотических средств на тер-

ритории Республики Мордовия с использованием сети «Интернет» и мессенджеров Brosix, Wicr, Jabber. Денежные средства, полученные им за продажу наркотических средств от неустановленных следствием лиц в виде криптовалюты – Биткоин – Пинчук П.А., через онлайн Интернет-биржу переводил в российские рубли, после чего переводил на заведенный им обезличенный «Qiwi – кошелек» в АО «КИВИ-Банк» под номером №, с которого впоследствии путем совершения неоднократных финансовых операций по переводу денежных средств, перечислял их на счет банковской карты № открытой в ПАО АККБ «КС Банк», оформленный на его имя, а затем посредством банковской карты денежные средства Пинчуком П.А. обналичивались через банкоматы, установленные на территории г. Саранска и использовались им на личные нужды [13].

8. Финансовая основа современной преступности в последние годы формируется за счет криптовалют (наиболее известными из которых являются Bitcoin, Litecoin, Ethereum), которые являются анонимными средствами платежа и способом легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. При этом, государственные органы не контролируют оборот криптовалют, в силу сложности их цифровой природы; анонимности создания, использования и распространения; отсутствия единых международных правил обращения криптовалюты в финансово-валютной, налоговой, банковской, коммерческой сферах.

Между тем, «биткоин» как средство платежа признается в США, Японии, Сингапуре, Таиланде и странах ЕС (в России использование криптовалют запрещено), что, безусловно, способствует развитию неконтролируемых государством и обществом информационных отношений в коммерческой, финансово-банковской сферах [14, с. 36-39].

Резюмируя вышесказанное, автор, полагает, что для эффективного государственного контроля за развитием информационных отношений противодействия «Анекселенктотичной технотронной преступности» требуется комплекс политических, юридических, технических и иных мер. В частности, на международно-правовом уровне следует принять Конвенцию Организации Объединенных Наций, определяющих основные правила глобальной информационной безопасности, проект которой был внесен в Совет Безопасности ООН Российской Федерацией в 2011 году. На государственном уровне следует ввести разрешительный, а не уведомительный характер создания, использования и распространения новых компьютерных программ, т.е. обязать Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) вести реестр разрешенных компьютерных программ.

В свою очередь, предусмотреть в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», КоАП РФ, УК РФ, что использование и распространение компьютерных программ, незарегистрированных Росстандартом, повлечет для виновных лиц наступление юридической ответственности (для юридических лиц – административной ответственности, а для физических лиц – уголовной ответственности). Кроме того, следует поставить под жесткий государственный и общественный контроль все научные разработки в сфере создания искусственного интеллекта, создав специальный совет при Президенте Российской Федерации, так как компьютер не должен принимать самостоятельные решения, а должен выступать только в качестве «консультанта» при принятии человеком управленческих решений [15, с. 62-63].

Библиографический список

1. Интернет 2017–2018 в мире и в России: статистика и тренды [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/> (дата обращения 27.11.2018).
2. Комаров С.А., Мицкая Е.В. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных: монография [Текст] /Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2018. – 168 с.
3. Выступление Владимира Путина на коллегии ФСБ России [Электронный ресурс]. – URL: <http://путин.ru-an.info/новости/выступление-владимира-путина-на-коллегии-фсб-россии/> (дата обращения: 27.11.2018).
4. Генпрокуратура рассказала о росте числа киберпреступлений в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/russia/news/545081-genprokuratura-rasskazala-o-roste-chisla-kiberprestupleniy> (дата обращения: 27.12.2018).
5. В МВД рассказали об уровне киберпреступлений в России с начала года [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/russia/news/533810-mvd-kiberprestupleniya-rossiya> (дата обращения: 27.11.2018).
6. Ущерб экономике России от киберпреступности превысил 200 млрд рублей [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/economy/20160413/1409855094.html#ixzz45jCApNtn> (дата обращения: 27.11.2018).
7. Идет кибервойна народная [Электронный ресурс]. – URL: <http://expert.ru/expert/2017/05/idet-kibervojna-narodnaya/> (дата обращения: 27.11.2018).
8. Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации (Ф-615 кн.1.) Преступления в сфере компьютерной информации (Ф-491 кн.1.) Сводный и сборник по России за январь-декабрь 2010-2017 гг. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://mvd.ru> (Дата обращения 7.11.2018).
9. Kaspersky security bulletin 2016: статистика [Электронный ресурс]. – URL: https://press.kaspersky.com/files/2016/12/KASPERSKY_SECURITY_BULLETIN_2016_статистика.pdf.
10. Отчет Symantec (Internet Security Threat Report. April 2017. Volume 22) об угрозах безопасности в Интернете за 2016 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://book.itep.ru/depository/surveys/ISTR22_Main-FINAL-APR24.pdf (дата обращения: 27.11.2018);
11. Интервью Натальи Касперской телеканалу Россия 24. Программа «Мнение»: мировая кибервойна [Электронный ресурс]. youtube.com 27 июля 2015 – URL: <https://yandex.ru/video/search?p=1&filmId=16857534384968030677&text=интервью%20натальи%20касперской%20вести%20в%202015%20году&noreask=1&path=wizard&reqid=1497359146781708-11595359543072615808309838-vla1-2180-V> (Дата обращения: 11.06.2017).
12. Описание вируса virus.win9x.cih на сайте Лаборатории Касперского [Электронный ресурс]. – URL: <https://threats.kaspersky.com/ru/threat/Virus.Win9x.CIH> (дата обращения: 11.11.2018).
13. Уголовное дело № 1-125/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия за 2017 год.
14. Евдокимов К.Н. Анекселентотичная технотронная преступность (частная теория) // Российский судья. – 2018. – № 4. – С. 35-39.

15. *Евдокимов К.Н.* Новые угрозы информационной безопасности России: от компьютерной преступности к анекселентотичной технотронной преступности (частная научная теория) // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности Материалы международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е.М. Якимова. – М., 2018. – С. 57-65.

П.В. Ивлиев*

РОЛЬ СМИ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы воздействия СМИ на все сферы жизни человека. Ставится вопрос о том, какую роль играют СМИ на развитие человека. Рассматриваются особенности влияния СМИ на развитие человека в различные исторические этапы времени, а также особенности методов этого влияния при разных политических режимах.

В статье анализируются разные виды СМИ с точки зрения масштаба и эффективности их влияния на саморазвитие личности, а также ставится вопрос о последствиях такого воздействия, освещаются особенности видов систем СМИ с точки зрения осуществления управления в социуме, затрагиваются вопросы о трудностях ориентации в постоянно меняющемся информационном пространстве.

Ключевые слова: СМИ, государственная пропаганда, цифровая эра, информационное пространство, ценностные ориентиры, влияние информации, электронно-цифровые технологии, радиосвязь, Интернет, спутниковое телевидение, информационные ресурсы, манипулирование, информационное насилие, инструмент управления, СМИ как проводник интересов, медиа, гаджеты.

THE ROLE OF MEDIA IN HUMAN DEVELOPMENT

Annotation. This article discusses the impact of the media on all spheres of human life. The question is raised about the role of the media in human development. Features of influence of mass media on development of the person in various historical stages of time, and also features of methods of this influence at different political regimes are considered.

The article analyzes different types of media in terms of the scale and effectiveness of their impact on the self-development of the individual, and raises the question of the consequences of such impact, highlights the features of types of media systems in terms of management in society, raises questions about the difficulties of orientation in the ever-changing information space.

Keywords: mass media, state propaganda, digital era, information space, value orientations, influence of information, electronic digital technologies, radio communication, Internet, satellite television, information resources, manipulation, information violence, management tool, mass media as a conductor of interests, media, gadgets.

В современном мире средства массовой информации (далее – СМИ), являются неотъемлемой частью жизни человека, оказывая огромное воздействие на всё сфе-

* **Ивлиев Павел Валентинович**, кандидат юридических наук, ст. преподаватель Академии права и управления ФСИН России. E-mail: ivliev_pv@mail.ru

Ivliev Pavel V., candidate of legal Sciences, senior lecturer of the Academy of law and management of the FSIN of Russia.

ры его жизни. Сила этого воздействия является предметом многих дискуссий, но нельзя не признать тот факт, что оно способно изменить мнение и поведение людей [9]. В связи с этим, влияние СМИ становится предметом исследований различных дисциплин, включая и теорию государства и права, так как существует проблема оценки такого воздействия.

Развитие человека следует рассматривать с различных позиций: в социологическом аспекте – личностное развитие, является длительным процессом, конечный результат которого, порой и вовсе не достижим, но, тем не менее, те изменения, которые претерпевает человек, влияют на него. В теории государства и права считается, что личность, как и человек, является продуктом общества, его исторического развития. Личность отражает более высокий уровень познания сущности человека, это, прежде всего, определенный социальный тип человека. Каждый относительно устойчивый человеческий конгломерат, каждый класс, каждая социальная группа вырабатывают в своей среде специфические социальные черты, типичные для человека, принадлежащего к этой группе [10, с. 180].

Изменяется восприятие действительности, появляются новые интересы, претерпевает изменение личностная ориентация, появляются новые потребности и возможности, а также методы и формы их реализации. В нашей действительности цифровой эры, такое развитие напрямую связано с информацией, ее получение, анализом и восприятием. Без влияния источников информации, которыми сегодня обогащена жизнь человека, не возможно, говорить о каком либо развитии личности, но зачастую, такая информация не способствует развитию, а скорее, наоборот, направляет человеку в особую замкнутую сферу информационного пространства, где он становится заложником ложных представлений о действительности, неверных ценностных ориентиров, неправильного понимания своего места в этом мире, что приводит в конечном итоге к деградации личности, что не способствует развитию общества в целом, а без такого развития невозможно добиться гармоничного движения человечества вперед.

Влияние информации на личность изменялась с течением времени, постоянно возрастая, сформировалась система государственной пропаганды - правящие элиты, всегда стремились контролировать остальное население, путем подачи нужной и выгодной информации, для достижения своих целей, или же наоборот замалчивания и скрывании невыгодной. Цели эти также простирались и за пределы государства, распространение сведений пропагандистского характера приводило к возникновению настоящих информационных войн между странами, наиболее характерно это проявилось уже в период Первой Мировой Войны [7].

С развитием электронно-цифровых технологий, появлением телефонной и радиосвязи начала и меняться форма развития личности. Ключевым образом изменились его границы, они значительно расширились, порой просто стерлись. С появлением телевидения воздействие СМИ становится куда более значимым, эффективность его возросла, это привело к тому что, человеку открылась возможность познания мира опосредованно, но без потери информационной составляющей, а также экономии времени, что в свою очередь способствовало увеличению объема получаемой информации. Зарождение интернета, связь персональных компьютеров в локальных сетях, и появление цифрового спутникового телевидения дало начало нового этапа развития личности - саморазвития, когда человек получает, почти не ограниченный доступ к различного рода информационным ресурсам, и где человек сам выбирает, как к ней относиться.

В этих условиях, однако, начинает иметь место и так называемое информационное насилие, результат манипулирования общественным мнением, со стороны государства. Со времени своего появления СМИ, является сложной структурой, распространяющей идеи, установки, ценности и цели общества в целом или отдельных его групп. С древнейших времен и до наших дней они являлись инструментом управления, и в итоге, сегодня мы имеем общество с достаточно ограниченной сетевой свободой, как пишет Л.А. Мясникова: «Вместо общества информационной свободы, знание все больше и больше становится товаром, происходит сетевое отчуждение труда, которое приводит к отчуждению человека от человека» [4]. И.С. Кон утверждал, что средства массовой информации (радио, телевидение, печать и т.д.) важнейший институт социализации, с постоянно увеличивающимся значением, но вместе с тем ставит под сомнение их всемогущество [3].

В философии СМИ рассматривается с точки зрения общения, но в отличие от непосредственного личностного, оно не носит конкретный, обобщенный характер. Развитие личности, тогда полноценно, когда оно использует все формы и возможности, находя наилучший баланс их взаимодействия. Раймонд Уильямс разработал теорию, суть которой в том, что существует несколько различных систем СМИ, различающихся по своему содержанию в зависимости от государства, в котором оно функционирует [8]. Он выделяет следующие системы: авторитарную, демократическую, коммерческую и патерналистскую.

В авторитарных системах, передача информации, есть форма воздействия правящей элиты, путем подачи своих идей и подходов, эта система схожа с патерналистской, с тем лишь исключением, что в последней у правящих элит сохраняется ответственность перед обществом, помимо простого удержания власти. Коммерческая система подразумевает, свободу подачи информации, до тех пор, пока это не влияет на прибыли и интересы крупных корпораций. Демократическая же система, и вовсе представляется автору идеализированной системой, не имеющей реализованного воплощения, это скорее совокупность принципов, которые не являются достигнутыми, но являются достижимыми. Основной посыл, в том, что СМИ не выступает как проводник, чьих либо интересов, а телевидение дает возможность человеку самому выбирать на основе своих предпочтений и самому для себя решать о значимости той или иной информации, самому делать выводы. Такая идеалистическая модель, тем не менее, вряд ли возможна в классовом обществе, где существует социальное неравенство. От СМИ в первую очередь требуется быть оперативным и правдивым источником информации, вместо того чтобы выражать мнения и установки тех кому эти СМИ принадлежат.

Очень важно, чтобы медиа объективно и беспристрастно воздействовало на группы населения, в целях развития качественных и положительных ценностных ориентаций, предоставляло им всеобъемлющие и обширные возможности для избрания взглядов и убеждений, что в конечном итоге, должно вести к целостному развитию личности. Предполагается, что активная и развитая личность, которая способна осуществлять выбор из широкого спектра, должна ориентироваться на те источники, которые наиболее обширны и современны.

Информация, является основой развития личности, частично впитываясь и интегрируясь с внутренним миром человека, и потребности в такой информации носят объективный характер, основываются на занимаемом в обществе положении. Как уже говорилось, существенное влияние СМИ оказывает на интересы личности, зада-

вая новые, и постепенно приуменьшая старые, такая манипуляция зачастую, приводит к тому, что человек теряет баланс между потенциалом возможностей и уровнем потребностей, что в конечном итоге вырабатывает повышенный уровень притязаний, и если такие притязания не моделируются в окружающей социальной среде индивидуума (семья, друзья, учебный или рабочий коллектив), то способы их реализации могут получить крайне неприемлемые формы (не только с моральной стороны, когда пропадают традиционные ценности в общении и взаимодействии людей, но и в правовой: прямое нарушение закона, приводящее к совершению преступлений, распространению коррупции и т.д.).

Ярким примером негативного воздействия медиа, на личностное развитие, психику человека, можно назвать рекламу, несмотря на заявленное стремление дать человеку выбор (ключевой демократический принцип), зачастую она просто создает условия, когда человеку перестает быть необходимым, принимать осмысленные решения самостоятельно, полностью полагаясь на мнение рекламодателя, что приводит к снижению, как внутренней, так и внешней активности.

Начиная с конца 80-х годов прошлого столетия (в России на десятилетие позже) серьезное значение как источник информации приобретает и Интернет. В настоящий момент по уровню воздействия на молодое поколение он вышел на первое место, опередив телевидение. Вообще, компьютеризация, развитие современных технологий цифрового общения, крайне широкое распространение различных гаджетов, сделало современную молодежь очень уязвимой [1]. Стал явно заметен переход от так называемого ограниченного выбора к неограниченному, появилось целое поколение людей страдающее сетевой зависимостью [5]. Естественно, в подобных условиях психология, мировоззрение, поведение и восприятие меняет человека таким образом, что ценностные ориентиры начинают задаваться виртуальным информационным пространством, реальная действительность перестает быть для них актуальной, желанной, появляющееся ощущение вседозволенности в сетевой среде, перетекает в реальность, приводя к необратимым последствиям [4].

Не менее важным препятствием для развития личности в современную эпоху, постоянно совершенствующихся СМИ, можно считать и массовую культуру. Само понятие массовой культуры, которое зародилось в 40-х годах XX века, а затем развивалось под влиянием франкфуртской социологической школы (Хоркхаймер, Адорно, Фромм и др.), предполагает приобщение индивидуума к культурологическим процессам определенных групп населения, основными критериями которых являются: общедоступность (увлечение книгами известных писателей, слушание популярной музыки, просмотры фильмов), занимательность (происходит обращение к таким сторонам жизни и эмоциям, которые вызывают неизменный интерес и понятны большинству людей), пассивность восприятия (процесс приобщения не должен требовать больших усилий, серьезной подготовки), коммерческий характер (продукт, создаваемый массовой культурой, становится товаром, который успешно продается в обществе тотального потребления) [2]. Эрих Фромм и вовсе утверждает, что: «личность, приобретает черты товара, предлагая свои достоинства (красоту, молодость, ум, обаяние) в обмен на различные блага (общественное положение, престиж, дружбу любовь)» [6]. Такая личность становится «приспособленческой», теряет внутреннюю целостность, появляется противоречивость и поверхностность взглядов.

Из всего вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы: средства массовой информации в современном мире, ключевой инструмент, помогающий че-

ловеку, начиная с детского возраста, последовательно выстраивать систему социальных отношений, совершенствовать и развивать её. Получение информации стало куда более доступно, чем ранее, это создает элемент ответственного выбора, основанного на внутренних ценностных установках, моральном, интеллектуальном уровне. При этом, важно понимать что, слепое и некритическое потребление информации из различных источников, крайне опасно и нежелательно.

Общество потребления ставит новые вызовы перед человеком, становится всё труднее и труднее ориентироваться в постоянно меняющемся информационном пространстве, все это создает серьезную проблему взаимодействия СМИ и личности как сейчас, так и в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Бароло, Э. ТВ и компьютеры – угроза интеллекту // Литературная газета, 1983.
2. Глазычев Л. А. Проблема массовой культуры. – М., 2005.
3. Кон, И. С. Эстафета поколений // И.С. Кон /Коммунист. – 1987. – № 4. – С. 99.
4. Мясникова, Л. А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Л.А. Мясникова /Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 12.
5. Разлогов, К. Э. Глобальная и/или массовая // ОНС. – 2003. – № 2. – С. 151.
6. Фромм, Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики // Э. Фромм. – Минск, 1992. – С. 144.
7. Sturminger, A. 3000 Jahre Politische Propaganda. – München, Wien, 1960. – 468 S.
8. Williams, R. Communications. – London: Penguin, 1962. – P. 89-92.
9. Рубчевский К.В. СМИ и проблема развития личности //Философия и общество. – 2006. – № 1. – С. 117-132.
10. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 504 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

И. А. Кузьмин*

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ НОРМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: В статье предложено авторское понимание норм юридической ответственности в широком и узком смысле. Раскрывается роль, которую выполняют нормы юридической ответственности в системе права. Разграничены категории «нормы юридической ответственности» и «нормы системы юридической ответственности».

Ключевые слова: юридическая ответственность, нормы права, нормы юридической ответственности.

ON THE ISSUE OF UNDERSTANDING THE NORMS OF LEGAL LIABILITY

Annotation. The article proposed the author's understanding of the norms of legal liability in a broad and narrow sense. The role of legal liability, which the norms of legal liability perform in the legal system, is revealed. The categories «norms of legal liability» and «norms of a system of legal liability» are delimited.

Key words: legal liability, legal norms, norms of legal liability.

Системная организация юридической ответственности в ее объективно-правовом выражении заключена в кооперации норм, закрепляющих наказания и обуславливающих деление ответственности по видам и типам, предложили именовать такую организацию нормативной подсистемой ответственности. Нормативной единицей, фиксирующей те или иные элементы системы ответственности, является **норма юридической ответственности**. Совокупность норм права, обеспечивающих статику и динамику юридической ответственности, роднит общая сущностно-функциональная направленность и отдельные содержательные особенности.

Норма юридической ответственности – это весьма условная правовая категория, вызывающая множественные вопросы, прежде всего, с точки зрения общих признаков и основных классификаций норм права, а также «необъятности» всей системы юридической ответственности. Ранее мы предложили рассматривать систему норм юридической ответственности и, соответственно, сами нормы в двух смыслах: узком и широком [1, 70-72].

Нормы юридической ответственности в **узком смысле** – это *нормативно-правовые предписания, закрепляющие противоправные деяния и меры ответственности (наказания) за их совершение*. В сущности своей их можно именовать нормами института юридической ответственности. Как пишет о них С. А. Носков – это нормы содержащие «...двоичную информацию: а) какие действия необходимо совершить

* **Кузьмин Игорь Александрович**, доцент кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: grafik-87@mail.

Kuzmin Igor Aleksandrovich, Associate Professor of the Department constitutional law and theory of law, Law Institute of IrkutskState University, candidate of law, Associate Professor.

(воздержаться от их совершения); б) какие неблагоприятные последствия наступят для правонарушителя, в случае нарушения предписания...» [2, с. 118].

Особенности данных норм заключаются в том, что они:

1) составляют ядро нормативной подсистемы юридической ответственности, должны рассматриваться как первичный элемент ее института;

2) по своей правовой природе являются *охранительными нормами*, имеющими своей целью обеспечение правопорядка и законности;

3) по степени обязательности в большинстве своем относятся к императивным, обязывающим – на их основе возлагается обязанность претерпеть наказание (в международном и частном праве возможны нормы юридической ответственности, диспозитивно позволяющие правонарушителю и потерпевшему самостоятельно определить форму и границы негативной обязанности, либо отказаться от ее реализации);

4) имеют *двухзвенную структуру*: гипотезу (где фиксируется состав противоправного деяния) и санкцию (определяющую наказание, которое потенциально может быть возложено на лицо, совершившее соответствующее противоправное деяние);

5) в отечественном законодательстве, а также в национальных правовых системах большинства стран определяются в *нормативно-правовых актах, обладающих юридической силой закона и имеют обратную силу*, в случае смягчения или устранения наказания за конкретные противоправные деяния (в России это подтверждается положениями ст. 54 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 г. [3]);

6) традиционно обособляются в системе законодательства в специальных законах (например, УК РФ или КоАП РФ) или их структурных составляющих (например, раздел VI части первой Налогового кодекса Российской Федерации [4] – НК РФ посвящен налоговым правонарушениям и ответственности за их совершение, глава 25 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [5] – ГК РФ посвящена ответственности за нарушение обязательств);

7) как правило, имеют равную юридическую силу и находятся в горизонтальных отношениях, если не брать в расчет соотношение санкций, принятых на уровне федерального закона и на уровне субъекта Российской Федерации;

8) в зависимости от степени определенности санкции нормы могут подразделяться на абсолютно-определенные (точно указывающие на конкретную меру ответственности), относительно-определенные (предоставляющие правоприменителю возможность выбрать наказание, исходя из верхнего и нижнего предела) и альтернативные (уполномочивающие правоприменителя на выбор вида наказания из перечня предложенных).

Нормы юридической ответственности **в широком смысле** – *нормативно-правовые предписания, закрепляющие противоправные деяния и меры ответственности (наказания) за их совершение, а также регулирующие общественные отношения, связанные с программно-целевой ориентацией, выявлением, конкретизацией, возложением и последующим претерпеванием юридической ответственности*. Обоснование необходимости выделения широкого смысла в основе своей имеет простую мысль, аксиоматичную, по сути: невозможно урегулировать общественное отношение при помощи одной нормы юридической ответственности. Обладая даже самой идеальной нормой института юридической ответственности, мы не сможем реализовать ее в общественной практике.

Исходя из определения, разграничим четыре **группы норм** юридической ответственности в широком смысле:

1) материально-правовые нормы, содержащие составы противоправных деяний и наказания за их выполнение (условно – *центральный блок* системы норм юридической ответственности);

2) материально-правовые нормы, ориентирующие субъектов правотворчества и правоприменения на выполнение предназначения юридической ответственности при ее установлении и реализации, выраженные в целях, задачах, принципах и функциях ответственности, также называемые исходными (условно – *программно-ориентационный блок* системы норм юридической ответственности);

3) материально-правовые нормы, уточняющие обстоятельства и условия, влияющие на юридическую ответственность, определяющие основания освобождения от нее, а также обстоятельства, исключающие, смягчающие или отягчающие ответственность (условно – *конкретизационный блок* системы норм юридической ответственности);

4) процессуально-правовые нормы, формирующие правоприменительный механизм реализации юридической ответственности, начиная от стадии возбуждения дела до исполнения обязанности претерпеть официально назначенное наказание (условно – *процедурный блок* системы норм юридической ответственности).

Включение в состав норм юридической ответственности процессуальных механизмов ее реализации отвечает интересам не только юридической науки, но и практики. Так, в решении Комиссии Таможенного Совета ЕЭС от 12.08.2009 г. № 67 [6] участвующим в соглашении государствам было предложено закрепить в национальном законодательстве нормы ответственности за нарушение правил перераспределения сумм ввозных таможенных пошлин на транзитные счета, а также механизмы реализации этих норм. И. А. Алексеев придерживается схожей позиции и полагает, что в любом современном государстве бытие юридической ответственности возможно лишь в границах законов, которые определяют правонарушения и наказания за их совершение, а также процедуру оценки обстоятельств правонарушения и вынесения законного и обоснованного акта по факту совершения противоправного деяния [7, с. 85].

При погружении в поднятую проблематику возникает закономерный вопрос, можно ли считать систему норм юридической ответственности тождественной категории «нормы системы юридической ответственности»? По нашему мнению на поставленный вопрос следует дать в целом отрицательный ответ, поскольку система юридической ответственности гораздо шире самой ответственности в праве, охватывает организационные и, отчасти, идеологические аспекты действия последней. При детальном изучении становится очевидным, что в числе норм системы юридической ответственности обнаруживается значительный объем нормативных предписаний, *не входящих в объем* норм юридической ответственности, среди них:

- нормы, закрепляющие полномочия субъектов правотворчества и правоприменения, а также формы их осуществления по профилактике и пресечению актов противоправного поведения, способных повлечь юридическую ответственность – эти нормы опосредуют выполнение превентивной функции ответственности [8];

- организационно-распорядительные нормы, регламентирующие структуру, устанавливающие штатную (кадровую) численность специализированных субъектов правоприменения, обладающих полномочиями в области действия юридической ответственности, а также нормативы их материально-технического и иного обеспечения [9];

- нормы идеологического характера, предъявляющие нравственные требования к субъектам правотворчества и правоприменения, осуществляющим полномочия, связанные с установлением и реализацией юридической ответственности – эти нормы обеспечивают выполнение воспитательной функции ответственности [10];

- иные нормы, которые не входят в состав норм юридической ответственности в широком смысле, но упорядочивают общественные отношения, связанные с укреплением и функционированием системы юридической ответственности.

Обзор правовых позиций по вопросу о наименовании изучаемой категории показал, что большинство исследователей избегает употребления термина «нормы юридической ответственности». В схожем значении правоведы используют словосочетания «нормы, *предусматривающие (устанавливающие, регламентирующие)* ответственность», «ответственность по нормам», «нормы об ответственности».

Несмотря на слабую изученность вопроса о понимании норм юридической ответственности, более часто употребляемым и распространенным является подход, рассматривающий их в узком смысле, как предписания, содержащие составы противоправных деяний и ответственность за их совершение.

Роль, которую выполняют нормы юридической ответственности в системе права, заключается в том, что они:

1) обеспечивают *соблюдение логической модели нормы права*, при которой диспозиция, предусматривающая правомерное поведение, охраняется соответствующей санкцией в виде меры юридической ответственности, тем самым не оставляя важные нормативные предписания без должной защиты и обеспечивая их реализацию;

2) позволяют *связать нормы материального и процессуального права* в единый механизм поддержания фактического правопорядка, укрепляя связь между различными нормами в системе права, повышая их эффективность;

3) транслируют (экстраполируют) свою *содержательную специфику* на всю систему охранительных институтов в системе права, закономерно видоизменяя их и создавая ориентиры развития перед ними;

4) функционально предназначены для регулирования *особого вида общественных отношений*, которые связаны с противоправным поведением и требуют компетентной оценки действий правонарушителей, а также в силу самого существования оказывают общесоциальное превентивное воздействие;

5) являются, своего рода, «*сигнальными маяками*» для субъектов правотворчества, которые отслеживают ситуацию в обществе, реагируют на происходящие в нем процессы и фиксируют наиболее вредные деяния для социального организма в законодательстве, устанавливая за их совершение меры юридической ответственности;

6) в целом представляют собой организованное и относительно-самостоятельное нормативное правовое образование – «генеральный» институт, на который опирается система права любого государства.

Таким образом, на основе вышеизложенного, мы приходим к выводу, что нормы юридической ответственности могут рассматриваться в узком смысле (нормы, гипотезы которых содержат состав противоправного деяния, а санкции – наказания за совершение соответствующих деяний) и в широком смысле (нормы, позволяющие установить и реализовать юридическую ответственность в соответствии с ее предназначением). Категорию «система норм юридической ответственности» необходимо отграничивать от категории «нормы системы юридической ответственности», которая также охватывает организационные и идеологические особенности

действия ответственности в праве. Нормы юридической ответственности играют большую роль в процессе правового регулирования и выполняют ряд значимых функций.

Библиографический список

1. Кузьмин И. А. Системная модель юридической ответственности: моногр. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; Тип. «Иркут», 2018. – 186 с.
2. Носков С. А. Институт юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Тольятти, 2007. – 180 с.
3. Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/konstituciya> (03.12.2018).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/%3Fdocbody%3D%26nd%3D102054722> (03.12.2018).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (03.12.2018).
6. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tsouz.ru/> (03.12.2018).
7. Алексеев И. А. К вопросу о понятии ответственности в системе права // Государство и право. – 2009. – № 2. – С. 83–87.
8. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102402071&page=1&rdk=0#I0 (03.12.2018).
9. О материально-техническом обеспечении войск национальной гвардии Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 20 янв. 2017 г. № 41 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 5. – Ст. 790.
10. Об утверждении и введении в действие «Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации», «Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации»: приказ Генерального прокурора РФ от 17 мар. 2010 г. № 114 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14294/> (03.12.2018).

М.А. Мушинский*

О СООТНОШЕНИИ ДОКТРИН ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Аннотация. В работе предпринята попытка охарактеризовать доктрины правового и социального государства с позиции их общетеоретического и прикладного значения для отечественной правовой действительности. В качестве нормативно-правовой основы для размышлений послужили отдельные конституционные (политические) нормы и принципы. Автор приходит к мнению о неразрывной взаимосвязи доктрин правового и социального государства, их восполняющем характере.

Ключевые слова: право, доктрина, правовое государство, социальное государство, Конституция РФ.

ON THE RATIO OF THE DOCTRINES OF THE LEGAL AND SOCIAL STATE AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN POLITICAL AND LEGAL PRACTICE IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIAL AND POLITICAL CHANGE

Annotation. The paper attempts to characterize the doctrines of the legal and social state from the standpoint of their theoretical and applied significance for the domestic legal reality. Separate constitutional (political) norms and principles served as the legal basis for reflection. The author comes to the opinion of the inextricable relationship of the doctrines of the legal and social state, their complementary character.

Key words: law, doctrine, rule of law, social state, Constitution of the Russian Federation.

С момента принятия Конституции РФ прошло более 25 лет. Четверть века – это хороший повод провести ревизию того научного и идеологического фундамента, на котором построен наш основной закон. Потребность в свежем взгляде и новых оценках стала особо ощущаться последние несколько лет, в контексте происходящих в современной России социальных и политических перемен, а также, изменений в геополитических конфигурациях.

Ревизия нужна не для того, чтобы обосновать изменения тех или иных положений Конституции. Хотя, иногда, такие изменения неизбежны. Вопрос об их воз-

* **Мушинский Михаил Адеилович**, заведующий кафедрой Юриспруденции ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: mushinskiy@mail.ru.

Mushinsky Mikhail A., head of the Department of Jurisprudence of Irkutsk national research technical University, candidate of legal Sciences, associate Professor

возможности и необходимости традиционно актуализируется и активно обсуждается всякий раз к очередному юбилею основного закона.

Безусловно, конституция государства – это не тот нормативный документ, который может быть подвергнут бесконечной корректировке, а, тем более, принципиальному пересмотру. Кардинальный пересмотр положений основного закона всегда означает полную смену политического курса, а по сути – изменение политической системы. Что, собственно, и произошло в 1991–1993 годах. Однако, это и не тот документ, который следует «поставить на божничку». Конституция – это не священное писание. Она не может оставаться абсолютно неизменной десятилетиями, ибо в таком случае, она может превратиться из основы общественного развития в фактор стагнации. Общественные отношения не стоят на месте, в том числе, и наиболее важные и фундаментальные из них. Они развиваются, трансформируются, требуют новых подходов.

Соответствующей корректировке необходимо подвергнуть, прежде всего, конечно, не саму Конституцию, а действующее законодательство, направленное на развитие общих положений Конституции, создающее механизмы практической реализации конституционных норм. И лишь, в исключительных случаях, когда этого нельзя избежать, требуются поправки к самой Конституции. Следует «обратить внимание на различные понятия, такие как «конституционные поправки» и «пересмотр Конституции». Под **конституционными поправками** понимается частичное изменение Конституции, они вносятся в гл. 3–8 Конституции. А под **пересмотром** понимается изменение Конституции, прежде всего норм гл. 1, 2 и 9, что, по существу, равнозначно принятию новой конституции. В связи с этим, в Конституции РФ устанавливается и существенно различная процедура изменения содержания этих двух групп глав, и различие связанных с этим нормативных правовых актов» [6, с. 311].

Переоценка заложенных в конституционном тексте фундаментальных основ правовой и политической систем России, необходима, прежде всего, для выработки адекватных сегодняшним реалиям законодательных механизмов развития конституционных положений. И тот реализационный потенциал, который заложили в ее текст разработчики в 1993 г., в целом достаточен для того, чтобы «включить» на большую мощность слабо работающие нормы без их правки.

Прежде всего, нужно до-осмыслить те доктрины, которые государство и общество пытаются реализовать в политико-правовых практиках.

В данном случае, категория «доктрина» нами используется в значении политико-идеологического источника права, имеются в виду научно-обоснованные и введенные государством в ранг официальных идеи, которые лежат в основе политической и правовой систем общества, правотворчества, правореализации и правосудия. Определение доктрины в этом значении дал, в частности, Е. О. Мадаев: «Правовая доктрина – это относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент правовой системы государства, который представляет собой научно-обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов правовой системы и юридической деятельности, имеющие научно-прикладной характер и непосредственно-регулятивные возможности. Доктрина реально воздействует на правотворческую и правореализационную практику, в том числе в роли источника права» [2, с. 11–12].

В рамках теории государства и права во взаимодействии с отраслевым юридическим знанием ждет своего разрешения проблема правового статуса, практики соз-

дания и реализации правовых актов под названием «доктрина», их соотношения с правовыми актами типа «стратегия», «национальный план», «основы государственной политики» и «концепция». Доктрины, в этом смысле, нами ранее были подробно рассмотрены в ряде публикаций [3; 4]. В настоящей статье речь идет о доктрине в ином, не документарном значении – как о политико-правовой идее, зафиксированной в тексте Конституции, и далее – реализуемой в законодательстве и в политико-правовой практике (хотя, доктрины, в этом смысле, тесно связаны с доктринами-документами, поскольку находят в них, в отдельных случаях, свое выражение). Вероятно, можно утверждать, что авторы конституционного текста здесь прошли следующую цепочку шагов:

первый шаг – восприятие некой сформированной социальным и политическим опытом, а также научной мыслью, авторитетной идеи, ее изучение в историческом и содержательном аспекте, познание сущности, адаптация к российским реалиям;

второй шаг – «схватывание» ядра идеи, обеспечение смысловой наполненности, формирование концепта;

третий шаг – формулирование конкретно-языковой формы его выражения в тексте основного закона.

Иными словами, соединив онтологические, в том числе, теоретико-правовые, представления о должном (желательном) социальном состоянии и развитии, о системе общепризнанных политико-правовых ценностей, и эмпирические данные о фактическом состоянии и развитии российского общества, его политической и правовой систем, создатели текста конституции обеспечили концептуализацию доктринальных идей и дальнейшее выражение концептов в таких словесных формулах, как «верховенство прав и свобод личности», «правовое государство», «демократическое государство», «социальное государство» и других. В конституционном праве эти словесно выраженные в тексте конституции идеи – базовые начала общественного и государственного устройства – принято характеризовать как «основы конституционного строя».

За истекшие 25 лет произошла известная переоценка ценностей, и те концепты, которые ранее казались незыблемыми и очевидными, с позиций сегодняшнего дня воспринимаются иначе. Еще раз повторимся – это не значит, что теперь обязательно нужно «править» конституцию, а тем более, раз речь идет о первой главе, пересматривать ее. Это значит, что дальнейшая эволюция российского конституционализма должна быть реалистичной, основанной на практике конституционного строительства, эмпирически обоснованной. Соответствующими должны быть: а) развитие положений Конституции, продекларированных в ней социально-правовых ценностей, в конституционном и ином отраслевом законодательстве, б) их реализация в политико-правовой практике.

В данный момент, развивая положения Конституции в законах, создавая юридические и институциональные механизмы их реализации, необходимо учитывать психологический аспект, а именно то обстоятельство, что период «романтики конституционализма» прошел, и с огромным энтузиазмом поддержанные россиянами в 1993 г. ценностные установки Конституции РФ за последующие два с половиной десятилетия утратили свою романтическую привлекательность, оказались в значительной степени обесценены. Так, например, в последние годы наблюдается падение до критического уровня уважения к ценности демократии. Оно проявляется в отсутствии электоральной активности, в утрате авторитета и снижении легитим-

ности властных институтов, в беспрецедентном росте правового нигилизма и политической апатии. Так, на выборах в Государственную Думу ФС РФ 18 сентября 2016 г. была зафиксирована крайне низкая явка избирателей, в 26-и субъектах Федерации она составила менее 40 %, а в «колыбели трех революций» – г. Санкт-Петербурге, городе по определению всегда политически активном, всего 32,5 %, в Иркутской области – 32,92 %.

Одной из причин недостаточно эффективной и полной реализации конституционных идеалов в жизни общества являются технико-юридические недоработки текста Конституции РФ в части, заложенного в нем алгоритма развития конституционного законодательства. Если проанализировать перечень вопросов, по которым предусмотрено принятие федеральных конституционных законов (далее – ФКЗ), то, в большинстве случаев, речь идет о компетенционных и процедурных нормах, о создании законодательной основы формирования и деятельности тех или иных органов государственной власти. Практически нет указаний на необходимость создания элементов законодательства, имеющих целью реализацию аксиологического потенциала Конституции. Конечно, некоторые установленные в основном законе вопросы, подлежащие урегулированию ФКЗ, имеют определенную ценностную составляющую. Однако, не предусмотрено создание ни одного органического закона, который бы имел прямую цель фиксации и реализации той или иной имеющей конституционное значение социально-правовой ценности, создания конституционно-правового фундамента обеспечения ее реализации, охраны и защиты.

В частности, одним из содержательных дефектов Конституции РФ можно считать полное отсутствие в ее тексте положений, посвященных гражданскому обществу. Это обстоятельство, как видится, является серьезным препятствием для практической реализации доктрины правового государства, поскольку развитое гражданское общество является главным условием построения правовой государственности. Оно (развитое гражданское общество) само по себе входит в систему конституционно-правовых ценностей – наряду с народным суверенитетом, свободой, демократией, социальной справедливостью и другими. К сожалению, как мы уже указывали в одной из работ, «проект Конституции, который был подготовлен Конституционной комиссией Съезда народных депутатов РФ и обсуждался в начале 90-х годов, не был принят за основу. ... Там имелся действительно хорошо проработанный в социально-правовом и технико-юридическом отношении, надежный юридический фундамент для развития институтов гражданского общества. Увы, за основу был принят другой проект, в котором словосочетание «гражданское общество» даже не упоминается. Соответственно, не предусмотрено и создание ФКЗ о гражданском обществе. В Конституции РФ имеется лишь несколько норм, посвященных отдельным направлениям деятельности и общественным институтам. Они требуют тщательного развития и конкретизации в отраслевом законодательстве» [5, с. 131].

Те несколько десятков федеральных законов, которые, на данный момент, образуют законодательную основу функционирования различных институтов гражданского общества, их взаимоотношений с публично-властными институтами, конкретных направлений и форм гражданской активности, в смысловом отношении мало увязаны с системой зафиксированных в Конституции РФ социально-правовых ценностей, равно как и не всегда четко согласованы между собой. Это является одной из причин не достаточно последовательного и интенсивного развития в России гражданского общества.

Современные социальные и политические перемены требуют, как представляется, до-осмысления доктринальной проблемы, основы которой носят теоретико-правовой характер, но которая «на выходе» имеет вполне прикладное значение. Это проблема соотношения доктрин правового и социального государства, прежде всего, в контексте концепта прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности.

Критический взгляд в прошлое позволяет утверждать, что в 1990-е годы, на начальном этапе формирования новой российской государственности, основное внимание уделялось сугубо политическим аспектам формирования правового государства и, соответственно, политическим правам граждан. Гражданская активность, в том числе, активность митинговая и протестная, участие граждан в управлении государством, в формировании властных структур, активное оппонирование (вплоть до противостояния) институтов гражданского общества государственным структурам – таким воспринимался лейтмотив правовой государственности. Именно их развитию, обеспечению, механизмам защиты политических прав граждан, уделялось особое внимание.

Впрочем, не малая роль отводилась также и экономическим правам. Вообще, сфера собственности и частного предпринимательства – это область конституционно-правового и гражданско-правового регулирования, имеющая глубинные ценностные, а значит и теоретико-правовые основы, что, в частности, блестяще доказал в своих работах С. С. Алексеев. К сожалению, и здесь создателям конституционного текста не удалось избежать «романтических» настроений. В качестве доказательства сказанному можно привести факт включения в перечень «неприкосновенных» прав и свобод, не подлежащих ограничению даже в условиях чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ), наряду с правом на жизнь, достоинством личности, неприкосновенностью частной жизни и т. п., свободы, зафиксированной в ч. 1 ст. 34 Конституции РФ: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Однако, предпринимательская деятельность может принимать разные формы и оттенки. К сожалению, в отдельных субъектах РФ имели место безобразные факты, когда пользуясь чрезвычайной ситуацией, возникшей в результате паводка, «коммерсанты» повышали цену на питьевую бутилированную воду и другие жизненно необходимые товары в десятки раз.

Давно замечено: как только в движении общественного транспорта происходит вызванный чрезвычайной ситуацией сбой, стоимость проезда на такси без какой-либо экономической обоснованности повышается многократно. В регионах России, пострадавших от природных катаклизмов, выявлялись правоохранительными органами и правозащитными общественными организациями случаи торговли продуктами и вещами из посылок с гуманитарной помощью. На потоках такой помощи и бюджетных средств, направляемых из резервных фондов для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, возникают различные схемы хищений и коррупции под «прикрытием» предпринимательской деятельности. Очевидно, что в таких случаях при введении режима чрезвычайного положения право на осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности все же должно ограничиваться.

На сегодня вполне очевидны мотивы и соображения, по которым эта норма была включена в Конституцию. Дело было в 1993 году, конституционный текст создавался в непростой постсоветский момент становления в России рыночных ценно-

стей. Свободе экономических отношений, независимости бизнеса от политических институтов придавалось тогда особое, даже преувеличенное значение. Не дать государству никакой возможности вмешиваться в ход рыночных преобразований, не допустить отката к плановой, административно-командной экономике – вот идеал, которым авторы конституционного текста тогда руководствовались.

На сегодня проявились нарушения ценностно-иерархических связей по данному вопросу, да и вообще прежняя напыщенная либеральная риторика с очевидностью требует пересмотра. Хорошая иллюстрация тому – репортажи, жизненные зарисовки из ряда европейских стран, связанные с проблемой мигрантов, их адаптации в европейском сообществе, с появлением множества деструктивных религиозных сект и деноминаций, развитием националистического и религиозного экстремизма, с агрессивным поведением представителей сексуальных меньшинств и падением семейных ценностей, с другими последствиями «оголтелой толерантности», гипертрофированно буквальных толкований и внедрения в общественные практики концепта «прав и свобод любой конкретной личности как высшей ценности», подлежащей реализации любой ценой, пусть даже в ущерб общественным, общенациональным ценностям.

В последние годы на фоне санкционной политики и других недружественных акций со стороны ряда североамериканских и европейских государств все чаще раздаются призывы к полному отказу от «навязанных» нам «Западом» ценностей, «на которые Россия купилась» в начале 90-х от безысходности и во спасение своей государственности. Очевидно, что такие призывы – это другая крайность, опасная как любые идеологические крайности, и «левые», и «правые». Отказываться от признанных мировым сообществом либерально-демократических, гуманистических ценностей не нужно. Однако, не следует их абсолютизировать, неадекватно переоценивать, придавать им гипертрофированное значение необсуждаемых оснований жизни общества. Нужно их еще раз очень вдумчиво и деликатно осмыслить и оценить, соотнести их с общероссийскими исторически сложившимися ценностями, с ценностями отдельных этносов, образующих в совокупности многонациональный российский народ, выработать механизмы их реализации с учетом российской специфики, народного менталитета и особенностей современного исторического момента.

С юридической точки зрения основной задачей является адекватное выстраивание иерархии социально-правовых ценностей, имеющей конституционно-правовое основание «лестницы» ценностей, в действующем законодательстве с учетом упомянутых выше национальных приоритетов.

Так, изменить вышеописанную ситуацию с ч. 1 ст. 34 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ в ближайшее время не представляется возможным исходя из установленного порядка внесения изменений в Конституцию РФ. Значит, коррективы нужно проводить гибко, через действующее гражданское, хозяйственное, антимонопольное, административное и прочее законодательство, не нарушая «генеральной» конституционной линии и учитывая иерархические (по степени значимости) связи между охраняемым законом социально-правовыми ценностями.

Телеологические дефекты в структуре механизмов реализации норм Конституции РФ наиболее ярко проявились в политико-экономических и юридических конструкциях, созданных в 1990-е годы для осуществления перехода на рыночную систему хозяйствования, в отправных схемах приватизации. При их разработке не были учтены и задействованы конституируемые ценности, их идеологический

и регулятивный потенциал, что привело к противоправному (в естественно-правовом смысле) захвату значительной части достояния многонационального народа РФ небольшой группой предприимчивых дельцов, связанных с представителями власти коррупционными связями. Возникла «глубоко эшелонированная», законодательно обеспеченная, хорошо сконструированная, скрепленная коррупционными взаимоотношениями и интересами схема взаимодействия между властью, отдельными бизнесменами и бизнес-сообществами, постоянно мимикрирующая мигрирующая, меняющаяся в деталях, но неизменная в своих основных формах и работающая по сей день.

В. В. Лапаева по этому поводу абсолютно обоснованно отмечает: «Конституция РФ в вопросе о собственности была и остается конституцией развитого капиталистического государства, выступающего в качестве модели желаемого будущего, а не основным законом государства, осуществляющего переход от одной к другой форме собственности и к другому социально-политическому строю. Конституция проигнорировала главный вопрос исторического момента – о принципах десоциализации собственности, отдав его на откуп практике. Основы нового социального устройства формировались не на базе общественного договора, заключаемого в публично-правовом пространстве, а путем негласного сговора между властью и сформированным ею крупным бизнесом» [1, с. 72].

К счастью, как уже отмечалось в одной из наших работ, «рассматриваемые негативные процессы и явления не привели к полной дискредитации конституционных ценностей. Однако, часть из них приобретает новые аксиологические смыслы, не в полной мере соответствующие изначальным смыслам начала-середины 1990-х, но и не искаженные до неузнаваемости. Оценка и законодательное описание ценностей не могут быть «перевернуты» полностью, поскольку ценности сами по себе – суть квинтэссенция социального опыта, исторически сложившегося понимания должного и желательного, а также отражение общепризнанных «цивилизованными сообществами» идеалов-ориентиров, зафиксированных в нормах международного права. Поэтому ценности обладают изрядным запасом прочности, им свойственна стабильность. Тем не менее, смена подходов имеет место, это процесс естественный, давно описанный как «поиск социального идеала, выступающего моделью справедливого обустройства общества» [5, с. 133].

Как представляется, в этом смысле, в последнее время постепенно наблюдается диффузия двух конституционных доктрин – правового государства и социального государства. Правовое государство все больше воспринимается не как форма политической власти, обеспечивающая каждому участие в политической жизни, а как политический механизм, обеспечивающий каждому достойное существование.

Ведь не случайно во Всеобщей декларации прав человека такая безусловная гуманитарная ценность, как достоинство личности, увязана, прежде всего, не с какими-то политическими аспектами, а с полноценными условиями для приложения своего труда, социальным обеспечением, с должным жизненным уровнем. И патернализм (в разумных, само собой, пределах), в данном случае, не порок, а нормальная социальная практика, обеспечивающая реализацию общественного договора с государством. Но именно, в разумных пределах, поскольку злоупотребление им может привести к развитию иждивенчества и весьма негативным последствиям. Российское общество почувствовало это на себе в 2004 г. после так называемой «монетизации льгот», а сейчас, примерно то же самое, переживает туркменское общество после то-

го, как были «отпущены» рыночные механизмы после многих лет реализации государством нарочито высоких, но экономически не подтвержденных социальных обязательств.

И это опять же к вопросу о необходимости до-оценки, до-осмысления закрепленных в конституции доктринальных положений, создания новых надежных правовых механизмов их реализации (либо модернизации прежних). Одной из главных практических проблем, разрешение которой послужит делу координации между собой доктрин правового и социального государства, является нерешенная на сегодня в России проблема четкого закрепления в законодательстве системы государственных минимальных социальных стандартов и механизмов их реализации. В этом отношении, России не грех воспользоваться опытом государств, достигших значительных успехов в развитии системы социальных стандартов, в частности, Республики Казахстан, где в 2015 году был принят Закон «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях». Вместе с тем, нужно учитывать собственную специфику, связанную с огромной территорией, охватывающей разные климатические зоны, многонациональным населением, федеративным устройством государства, отличием «в разы» экономического потенциала отдельных субъектов Федерации по сравнению друг с другом и т. д.

Только такое государство может считаться правовым, в котором эффективно реализуются принципы социального государства. Важнейшими характеристиками правового государства должны быть социально-экономические и культурные аспекты жизни и возможности реализации трудового и творческого потенциала его граждан, такие как минимальный уровень безработицы, наличие системы профессиональных и социальных лифтов, обеспеченность возможностей деловой, познавательной и рекреационной миграции граждан по территории государства, связанная с этим транспортная и жилищная инфраструктура, рост благосостояния, доступ к культурным ценностям, развитость системы коммунальных удобств, образовательные программы, здоровье нации, защищенность прав потребителей товаров и услуг, наличие времени отдыха и здоровая занятость досуга, защита материнства и детства и многое другое.

На государстве лежит обязанность по их обеспечению, и это характеристика социального государства. Реализуется эта обязанность государства через создание им соответствующего законодательства и институтов, а это уже его характеристика как правового государства. Важнейшим из институтов должен быть абсолютно независимый, высокопрофессиональный, честный, лишенный коррупции суд.

Государство, граждане которого испытывают нужду, живут в некомфортных условиях, не чувствуют себя социально и юридически защищенными, по определению не может стать правовым, если даже в нем реализуется принцип разделения властей, активны оппозиционные политические партии, имеется развитая избирательная система и другие «политические» признаки правовой государственности. Речь идет об обеспеченности качества жизни, причем эта категория – «качество жизни» – используется, не в узком «медицинском» смысле применительно к инвалидам, к лицам, страдающим различными заболеваниями, как это принято в бюрократическом обиходе в последние годы.

Качество жизни – это категория, подлежащая применению для характеристики условий жизни и развития обычных, здоровых граждан, и складываться она должна из условий и удобств, направленных не на выживание, а на, как можно более высо-

кий жизненный уровень, комфортную во всех смыслах и при всех обстоятельствах, безопасную житейскую, профессиональную и творческую среду.

Высокое качество жизни граждан на всей его территории – один из главных критериев в шкале оценки государственности как правовой. При этом категория «качество жизни» подразумевает не только определенное количество съедаемых средним гражданином в день калорий, наличие крыши над головой, возможность приобретать время от времени одежду и относительно доступные медицину и образование (хотя и это тоже важно). Категория «качество жизни» имеет более сложное содержание, включает значительное количество элементов, многие из которых имеют не физиологические, а духовные, ценностные основания. Эта междисциплинарная категория имеет юридические аспекты, проявляющиеся, в числе прочего, в законодательной фиксации и властно-организационном обеспечении государственных минимальных социальных стандартов.

Как уже отмечалась, система юридически зафиксированных и обеспеченных государством минимальных социальных стандартов на сегодня в России оставляет желать много лучшего как, с точки зрения их перечня (количества), так и содержания. Так, например, настоятельная необходимость – тщательный научно-прикладной анализ и выработка на его основе государственных минимальных социальных стандартов в части потребления гражданами всех видов коммунальных ресурсов, корректировка, в связи с этим, государственной политики в отношении оказываемых населению коммунальных услуг, поставщиков этих услуг, государственного контроля и надзора за их деятельностью и тарифов.

Таким образом, доктрина правового государства и доктрина социального государства неразрывно связаны между собой и должны реализовываться одновременно, на основе тщательного научного анализа взаимосвязей их характеристик и практики их осуществления.

Библиографический список

1. Лапаева В. В. Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития // Социологические исследования. – 2016. – № 7. – С. 66–76.
2. Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2012. – 254 с.
3. Мушинский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 488–499.
4. Мушинский М. А., Степаненко Д. А. Стратегическое планирование противодействия экстремизму // Социальная компетентность («Социаком»): научное периодическое электронное издание. – Иркутский национальный исследовательский технический университет. – 2016. – № 2. – С. 42–53.
5. Мушинский М. А. Аксиолого-правовые аспекты реформирования законодательства о противодействии коррупции // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (1 февраля 2018 г., г. Самара). – Уфа: АЗТЕРНА, 2018. – С. 129–141.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. / А. М. Дроздова [и др.]; под ред. проф. С. А. Комарова. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 339 с. – Серия: Профессиональный комментарий.

Е.В. Резников*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЮРИСТА

Аннотация. Основными условиями формирования правовой идентичности личности являются ее нахождение в соответствующей социальной среде и погружение в те социальные практики, где востребовано самосознание, основанное на позитивной оценке правовых институтов. По существу, такие предпосылки в полной мере имеют место лишь в сфере профессиональной юридической деятельности. Это позволяет рассматривать профессиональную идентичность в качестве ведущего вида правовой идентичности. Знания и компетенции участвуют в образовании идентичности лишь в том случае, если они взаимно поддерживают друг друга. При переходе от этапа получения юридического образования к практической деятельности возможен первый кризис профессиональной идентичности, когда обнаруживается неполнота многих представлений и установок, выработанных в образовательном процессе. Идентичность юриста определяется высокой степенью индивидуализации труда. Практикующий юрист, как правило, основную часть своих профессиональных задач выполняет в индивидуальном порядке. При этом снижается роль коллектива как среды, где возвращается и поддерживается идентичность. Сравнительно часто юрист оказывается «один на один» с внешними обстоятельствами, что вынуждает его принимать на себя всю ответственность морального и интеллектуального выбора.

Ключевые слова: идентичность, правовая идентичность, профессиональная идентичность, юрист, профессиональные функции юриста.

FEATURES OF LEGAL IDENTITY OF THE LAWYER

Annotation. The main conditions for the formation of the legal identity of the individual are its presence in the relevant social environment and immersion in those social practices where self-awareness is required, based on a positive assessment of legal institutions. In essence, such prerequisites fully exist only in the sphere of professional legal activity. This allows you to consider professional identity as the leading type of legal identity. Knowledge and competences participate in the formation of identity only if they mutually support each other. During the transition from the stage of obtaining legal education to practical activity, the first crisis of professional identity is possible, when the incompleteness of many ideas and attitudes developed in the educational process is revealed. The identity of a lawyer is determined by the high degree of individualization of labor. A practicing lawyer, as a rule, performs the bulk of his professional tasks on an individual basis. This reduces the role of the team as an environment where identity is culti-

* Резников Евгений Владимирович, судья Дзержинского районного суда г. Волгограда, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: evreznikoff@yandex.ru

Reznikov Evgeny V., judge of Dzerzhinsky district court of Volgograd, candidate of law, associate Professor.

vated and maintained. Relatively often, a lawyer is "one-on-one" with external circumstances, which forces him to take upon himself the entire responsibility of moral and intellectual choice.

Key words: *identity, legal identity, professional identity, lawyer, professional functions lawyer.*

Трудовая деятельность представляет собой ту часть повседневной жизни, которая является ближайшей к человеку. Как подчеркивают П. Бергер и Т. Лукман, что именно: «Эта зона включает мир, находящийся в пределах моей досягаемости, мир, в котором я действую так, чтобы видоизменить его реальность, или мир, в котором я работаю. В этом мире труда мое сознание руководствуется прагматическим мотивом, т. е. мое внимание к этому миру определяется главным образом тем, что я делаю, делал или собираюсь делать в нем» [1, с. 42]. Разумеется, конкретная мера зависимости идентичности от профессиональных занятий личности неодинакова, как различна степень вовлеченности разных специалистов в соответствующие профессиональные корпорации, законы построения этих корпораций, стандартизация профессиональных навыков, особенности этноса представителей разных профессий и т.п. Однако, несмотря на это, род деятельности неизменно остается одной из важнейших детерминант идентичности.

Поскольку деятельность юриста протекает главным образом в сфере речи (письменной и устной), в то время как визуальная и вообще невербальная коммуникация имеет к ней скорее опосредованное отношение, то профессиональная идентичность для своего складывания, прежде всего, требует наличия социального пространства, насыщенного юридической лексикой и риторикой.

Речевые характеристики правовой действительности отличаются особой терминологической плотностью, императивностью, сложностью грамматических конструкций, что является гарантией складывания достаточно сплоченной профессиональной группы со свойственным ей специфическим языком, определяющим самобытную идентичность и одновременно, что практически неизбежно, некоторую степень изоляции соответствующей группы от остального общества; это, в свою очередь, влечет как повышение жизнеспособности юридической корпорации, так и очевидные проблемы в ее деятельности, связанные в первую очередь с достижением социальных компромиссов и взаимопонимания с другими социальными группами.

Объективно, социальная функция юристов предполагает их посредническую роль во взаимодействии различных социальных классов и групп, что требует не только владения профессиональным языком, но и умения в случае необходимости отвлекаться от него и строить общение за пределами специально-юридического типа коммуникации. Это посредничество происходит, прежде всего, на языковом уровне, поскольку необходимо произвести «перевод» с повседневного языка на специально-юридический, чтобы обнаружить правовой эквивалент житейской ситуации, превратить ее в правовую проблему и изыскать соответствующий юридический инструментарий. В этой связи продуктивной для объяснения социальной роли юристов является коммуникативная концепция права. Как отмечают М.Л. Давыдова и Н.Ю. Филимонова, «непосредственно участвуя в жизни права на всех этапах его конституирования, приводя в движение все элементы механизма правового регулирования, юристы принимают вполне зримое, осязаемое участие в правовой комму-

никации. Неправильно было бы утверждать, что юристы создают право, но именно коммуникативная теория, перенеся акцент в понимании права с нормы на социальное взаимодействие, позволяет представить их участие в этом процессе как существенно более значимое» [2, с. 512].

Профессиональная идентичность юриста складывается из множества факторов, включая его профессиональные и личные качества, знания и опыт, в том числе чужой, а также особенности его психической организации, меняющиеся общественные условия и т.п. Характер и содержание идентичности юриста обусловлены в первую очередь его профессиональными функциями. Впрочем, трудность заключается в том, что понятием «юридическая деятельность» не обозначается какой-то определенный и внутренне однородный вид человеческой активности – скорее это наименование носит собирательный характер, поскольку относится к целой группе достаточно разнообразных социальных практик. В их число входят, например, нормотворчество, правосудие, юридическая экспертиза, следственная, надзорная, консультативная, адвокатская, нотариальная и некоторые другие практики.

В этом смысле, понятие юридической деятельности является, строго говоря, сугубо конвенциональным, и его содержание определяется существующими в обществе традициями, сложившимися представлениями о пределах юриспруденции, в первую очередь соответствующими доктринальными конструкциями.

Согласно определению В. Н. Карташова, под профессиональной юридической деятельностью следует понимать «объективированную в официальных актах, опосредованную правом, производственно-трудовую, интеллектуально-волевою, властную, управленческую деятельность юристов-профессионалов, осуществляемую, как правило, в определенных процедурно-процессуальных формах с помощью специальных юридических операций (действий), способов и средств и направленную на удовлетворение публичных и частных интересов и потребностей» [3, с. 5].

Данное определение страдает некоторой тавтологичностью, поскольку юридическая деятельность раскрывается через формулировку «деятельность юристов». Нуждается в пояснениях, прежде всего, само понятие деятельности. Так, А.Н. Леонтьев определял деятельность как «систему процессов, осуществляющих взаимодействие организма именно с предметной средой» [4, с. 50]. Основными составляющими деятельности являются «потребность – мотив – цель – условия» [5, с. 114].

Юридические профессии могут быть классифицированы по множеству оснований, например, по степени доступности – на открытые (юрисконсульт, помощник адвоката, помощник нотариуса и др.), ограниченные (адвокат, третейский судья, конкурсный управляющий) и закрытые (судья, прокурор, нотариус); в зависимости от принадлежности к государственной службе – на государственные, муниципальные и частные; в зависимости от образовательного ценза – требующие высшего юридического образования, требующие неоконченного высшего или среднего юридического образования, не требующие юридического образования. В свою очередь, частные юридические профессии можно подразделить на наемные (предполагающие вступление в трудовые отношения) и самозанятые (вольные и корпоративные) [6, с. 66-69]. Как легко увидеть, указанные профессии существенно разнятся по большинству параметров. Так, среди них представлены радикально различные виды деятельности (например, юридическая помощь, с одной стороны, и осуществление принуждения на основе государственно-властных полномочий, с другой стороны), различные формы организации деятельности (от иерархической подчиненности

в системе прокуратуры до полной независимости от государства в системе адвокатуры), различные способы их финансирования и т.п.

В этой связи возникает соответствующая проблема, касающаяся профессиональной идентичности и состоящая в том, существует ли единая идентичность юриста или же в действительности речь может идти исключительно о частных идентичностях, связанных с отдельными юридическими профессиями.

Представляется, что профессиональная идентичность юриста как интегративное образование, объединяющее представителей различных профессий, имеет место постольку, поскольку эти профессии обладают некоторыми общими качествами, влияющими на мышление и поведение их носителей, определяющими их хабитус и самосознание.

Во-первых, сквозным видом деятельности для всех юридических профессий является интерпретация текстов. Это вызвано тем, что все без исключения виды юридических практик в качестве своей неотъемлемой составной части предполагают понимание смысла действующего права, что и придает любым действиям юридическую корректность (это относится, в том числе, и к деятельности по изменению правового регулирования, поскольку для этого необходимо правильное выполнение процедуры, соблюдение иерархии правовых норм и др.); «необходимо интерпретировать закон, чтобы решить, при каком толковании он подходит к случаю; но необходимо и интерпретировать случай, главным образом – в нарративной форме, чтобы установить степень взаимной приемлемости между описанием случая и углом, под которым интерпретируется закон» [7, с. 256].

Во-вторых, универсальным видом деятельности в сфере права является юридическая квалификация – оценка тех или иных обстоятельств с правовой точки зрения, представляющая собой соотнесение общего правила с отдельным случаем.

В-третьих, все юридические профессии в той или иной мере предполагают составление текстов – как письменных, так и устных, причем их пропорция может меняться в зависимости от особенностей конкретной сферы деятельности, равно как и доля творческого начала в создании текстов (она может варьироваться от оперирования сугубо стандартными формами до выработки совершенно оригинальных и новаторских концепций или так называемых «правовых позиций»). Как правило, профессионализм юриста проявляется именно в поиске надлежащего баланса между образцами, установленными законодательством и практикой, и новизной индивидуального решения по делу.

В-четвертых, специфической чертой деятельности юриста во всех ее разновидностях является соблюдение процедуры как определенного порядка действий, включающего в себя набор операций, очередность их выполнения, сроки и т. п., что является условием наступления запланированных юридических последствий.

Таким образом, юрист – это личность интерпретирующая, оценивающая, говорящая и пишущая, соблюдающая процедуру. На этом и должна основываться общая модель профессиональной идентичности юриста. Ведь идентичность – это социально-ментальное образование, обеспечивающее связь индивида с его социальным положением, или соответствие лица занимаемому им месту в обществе.

Двумя основными факторами, определяющими содержание профессиональной идентичности юриста, и одновременно двумя последовательными ступенями ее развития являются юридическое образование и профессиональная практика. Наличие двух этих составляющих одинаково необходимо, и при отсутствии хотя бы од-

ной из них формирование полноценной профессиональной идентичности едва ли возможно. Выполнение отдельных функций юридической профессии (например, связанных с составлением договоров, оказанием правовой помощи), строго говоря, возможно и без юридического образования. Однако в этом случае лицо обретает лишь отдельные фрагменты юридического опыта, поскольку невозможно заниматься юридической профессией «вообще», равно как всеми профессиями сразу или по очереди. Без приобщения к совокупному опыту юриспруденции не может возникнуть самосознание юриста, поскольку отсутствует представление о правовой системе как о целостности, а следовательно, и о социальной роли юриста как такового, безотносительно конкретных трудовых функций. С другой стороны, наличие одного лишь образовательного компонента, не подкрепленного юридической практикой (например, когда лицо, получившее юридическое образование, в силу тех или иных причин не начинает работать по специальности), также не является достаточным материалом для профессиональной идентичности, поскольку абстрактные знания могут быть соединены с личным отношением лишь в том случае, когда они включаются в процессы целеполагания и жизненного выбора, а иначе остаются лишь элементами общей эрудиции, которые поверхностно затрагивают личность и не могут стать основаниями ее идентичности.

При таком подходе возникает вопрос об идентичности представителей юридической науки и образования, непосредственно не вовлеченных в юридическую практику. Можно предположить, что в этом случае складывается особая академическая правовая идентичность, во многом отличная от профессиональной идентичности юриста. Носитель академической идентичности, с одной стороны, относительно глубоко осваивает правовые знания, поскольку актуализирует их в исследовательском и / или педагогическом процессе. С другой стороны, он сохраняет определенную дистанцию по отношению к правовой системе, поскольку не выполняет внутри нее профессиональных функций, связанных с приведением права в действие. Различие между профессиональной и академической идентичностями, таким образом, соответствует разнице между положениями «участника» и «наблюдателя», что, как показывают исследования, самым принципиальным образом отражается как на восприятии самого права, так и на осознании собственной позиции [8, с. 29-30].

Профессиональное образование, как принято считать, включает в себя два основных компонента: передачу знаний и формирование компетенций (навыков). При этом, «компетентностная» составляющая вносит гораздо более существенный вклад в становление профессиональной идентичности юриста, нежели «знаниевая». В пользу этого можно привести следующие аргументы.

Во-первых, так называемые «знания» представляют собой более или менее объемные блоки информации, необходимые для осуществления профессиональной деятельности и усваиваемые, т. е. помещаемые в память при получении образования. Однако им предшествует «знание» как особая компетенция личности, представляющая собой способность запоминать информацию и наделять ее смыслом. При отсутствии или слабом развитии знания как компетенции сообщаемые сведения или не остаются в долгосрочной памяти у тех, кто их воспринимает, или хранятся без осмысления, т. е. никак не участвуют в формировании идентичности.

Во-вторых, профессиональные компетенции по сравнению с профессиональными знаниями представляют собой более стабильный, долговечный элемент образования. Особенно это касается именно юриспруденции, где значительную часть

профессиональных знаний составляют положения действующего законодательства, которые обладают высокой динамикой изменения, тем более в современных условиях. Таким образом, знания являются ненадежной опорой для идентичности, ибо последняя по природе представляет собой нечто устойчивое, а в течение всей жизни человека или его профессиональной карьеры может случиться так, что весь или почти весь имеющийся у него объем юридических знаний подвергнется полному пересмотру, в то время как ядро основных компетенций как способов профессиональной деятельности останется практически неизменным. Описанный в профессиональных образовательных стандартах набор компетенций неоднороден с точки зрения их значения для идентичности юриста. Некоторые из них носят скорее случайный характер, не относятся к основному содержанию профессии и, соответственно, практически не влияют на идентичность специалиста (например, способность осуществлять правовое просвещение).

К числу компетенций, непосредственно определяющих профессиональную идентичность юриста, относятся следующие:

- 1) осознание социальной значимости своей профессии;
- 2) способность совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень (это повышает адаптивность профессионала и позволяет ему не только быть носителем идентичности, но и активным субъектом ее выработки и изменения);
- 3) способность к квалифицированной реализации норм материального и процессуального права, что прямо детерминирует представления юриста о своих профессиональных возможностях;
- 4) способность квалифицированно толковать нормативно-правовые акты, что, во-первых, составляет центральную часть юридической деятельности, а во-вторых, влияет на понимание юристом своего правового статуса (нормативный элемент идентичности может быть согласован с ее поведенческими и психологическими элементами лишь через посредство интерпретации нормативных текстов);
- 5) способность принимать оптимальные управленческие решения. Эта компетенция, отнесенная в образовательном стандарте к числу «организационно-управленческих», фактически скрывает за собой более фундаментальную способность – умение делать профессиональный выбор, – реализуемую не только в управлении другими, но и в самых разнообразных правовых ситуациях, где постоянно приходится осуществлять выбор между несколькими правовыми нормами или несколькими вариантами поведения, которые могут затрагивать различные интересы, порождать моральный конфликт и т. д.

Предполагается, что эти и другие базовые компетенции должны сформироваться в результате обучения (в соответствии с формулировкой образовательного стандарта, «выпускник должен обладать» данными компетенциями). Как представляется, постановка такой задачи не является реалистичной. Эти компетенции не могут быть выработаны в полном и окончательном виде в отрыве от практической деятельности. Скорее в сфере высшего юридического образования может быть начат процесс профессионального роста, в рамках которого сложатся некоторые необходимые условия для овладения соответствующими компетенциями. Некоторые из основных компетенций (например, толкование права) могут получить в образовательном процессе более или менее интенсивное развитие, но это зависит от используемой модели обучения. Так, при обучении в «юридической клинике» для развития

компетенций и, соответственно, продвижения на пути формирования профессиональной идентичности, в целом имеются более благоприятные предпосылки, нежели при сугубо традиционном подходе, ориентированном в основном на передачу знаний.

Что касается самих знаний, то среди них также можно выделить некоторые отдельные области, которые более других участвуют в выработке профессиональной идентичности юриста. К ним относятся:

1) *историко-правовые знания*, позволяющие системно представить себе развитие права как социального института, включая его общественные функции, роль в историческом процессе, а также социальную миссию юристов;

2) *философско-правовые знания*. Их специфика состоит в том, что они не включают в себя никаких готовых истин, а скорее представляют собой набор проблем, относящихся к мировоззренческому уровню правового познания, а также категорий, идей и иных инструментов мышления. Однако именно эти знания помогают юристу в осмыслении собственной деятельности как при столкновении со сложными случаями профессиональной практики, так и в контексте понимания своего места в обществе;

3) *процессуально-правовые знания*. Особая роль этого вида юридических знаний связана с тем, что практикующий юрист так или иначе вовлечен в правовые процедуры, и именно процессуальное законодательство определяет его полномочия в этих процедурах, зависящие от статуса и оказывающие прямое воздействие на его идентичность. Важно, что знания и компетенции участвуют в образовании идентичности лишь в том случае, если они взаимно поддерживают друг друга. По словам А. Н. Леонтьева, «в процессе обучения осуществляется не только механическое накапливание знаний... но что при этом происходит и решительное изменение самого сознания учащегося, что при этом перестраивается и развивается вся его психическая деятельность, и в первую очередь развивается его мышление» [9, с. 331].

При переходе от этапа получения юридического образования к практической деятельности возможен первый кризис профессиональной идентичности, когда обнаруживается неполнота многих представлений и установок, выработанных в образовательном процессе. Идентичность юриста, несомненно, определяется высокой степенью индивидуализации труда. Основную часть своих профессиональных задач практикующий юрист, как правило, выполняет в индивидуальном порядке, а не на коллективной основе (практика создания «следственных бригад» или групповой работы защитников в целом является лишь исключением из общего правила). Таким образом, снижается роль коллектива как среды, где возвращается и поддерживается идентичность. Сравнительно часто юрист оказывается «один на один» с внешними обстоятельствами, что вынуждает его принимать на себя всю ответственность морального и интеллектуального выбора.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – 323 с.
2. Давыдова М.Л., Филимонова Н.Ю. Юридический жаргон как средство профессиональной коммуникации юристов//Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. – Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юриди-

ческой науки в связи с коммуникативной теорией права / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова. – СПб., 2014. – 533 с.

3. *Карташов В. Н.* Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). – Ярославль, 1992. – 88 с.

4. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. – М., 2000. – 509 с.

5. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М., 2001. – 391 с.

6. *Мельниченко, Р. Г.* Классификация юридических профессий в современной России / Р. Г. Мельниченко // Юридический бизнес. – 2008. – № 10–11.

7. *Рикёр П.* Справедливое. Пер с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Послесловие Э. Шлоссера. – М.: Гнозис, Логос, 2005. – 304 с.

8. *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. Ф. Кальшойера, А. Лаптева. – М., 2011. – 192 с.

9. *Леонтьев А. Н.* Овладение учащимися научными понятиями как проблема педагогической психологии // Избранные психологические произведения. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.

С.Б. Решетникова*

ПОЛУЧЕНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНЫМ ОРГАНОМ ОХРАНЯЕМОЙ ЗАКОНОМ ТАЙНЫ В КОНТЕКСТЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. В статье анализируются вопросы антимонопольного регулирования и правомочия антимонопольного органа на получение информации, составляющей охраняемую законом тайну, с учетом баланса публичных и частных интересов. Утверждается, что получение антимонопольным органом информации, которая содержит конфиденциальные сведения, является вторжением в сферу частных интересов отдельной компании и в той или иной степени может нарушить ее фундаментальные права, закрепленные в Европейской конвенции по правам человека, и стать основанием для обращения в Европейский суд по правам человека.

Ключевые слова: публичный и частный интерес, антимонопольный орган, ФАС России, Европейский Суд по правам человека, информация, международное и российское законодательство, адвокатская тайна, банковская тайна, коммерческая тайна.

OBTAINING BY THE ANTIMONOPOLY AUTHORITY OF THE SECRET PROTECTED BY LAW IN THE CONTEXT OF THE BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

Annotation. The article analyzes the issues of Antimonopoly regulation and the authority of the Antimonopoly authority to obtain information that is a legally protected secret, taking into account the balance of public and private interests. It is argued that the receipt by the antitrust authority of information that contains confidential information is an intrusion into the sphere of private interests of a particular company and to some extent may violate its fundamental rights enshrined in the European Convention on human rights, and become the basis for an appeal to the European court of human rights.

Key words: public and private interest, Antimonopoly authority, FAS Russia, European Court of human rights, information, international and Russian legislation, attorney-client secrecy, banking secrecy, commercial secret.

Ни у кого не возникает сомнений в том, что конкуренция – это одна из важнейших ценностей рыночной экономики, построенная на принципах свободы труда, свободы перемещения товаров, работ, услуг, капитала. Поддержка конкуренции –

* Решетникова Стефания Борисовна, магистрант Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О. Е. Кутафина; ведущий юрист Адвокатского кабинета И.В. Сальникова. E-mail: stephanyrebeldey@gmail.com

Reshetnikova Stefania Borisovna, master's degree student, Moscow state law University (MSLA). O. E. kutafina; leading lawyer of the Law office I. V. Salnikov.

задача, реализуемая в глобальном масштабе в интересах государства и общества, и необходимостью защиты этого публичного интереса обусловлена предоставлением государственным органам широких полномочий, которые могут существенно нарушить права отдельной компании. Но насколько это оправданно? Ведь у хозяйствующих субъектов, в отношении которых проводятся антимонопольные расследования, есть свои права и законные интересы, которые признаются на международном уровне, гарантируются Конституцией Российской Федерации. Должны существовать определенные границы, разумно обоснованные, в которых интересы хозяйствующих субъектов все же будут защищены. Найти такие границы, при которых баланс частных и публичных интересов будет соблюден, достаточно сложная задача, но решить ее необходимо, в том числе, в контексте антимонопольного регулирования и конкретного правомочия антимонопольного органа на получение информации, составляющей охраняемую законом тайну.

В Российской Федерации, в соответствии со ст. 25 Федерального закона о защите конкуренции, антимонопольный орган наделен широкими полномочиями по получению информации, в том числе, охраняемой законом тайны [3]. В этой статье сделана оговорка о том, что получение такой информации возможно, когда это необходимо для реализации уполномоченным органом своих функций. Таким образом, если Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС России) для целей проведения расследования необходимо получить информацию, в том числе, составляющую охраняемую законом тайну, он вправе это сделать, что напрямую допускается российским законодательством. Такие широкие полномочия предоставлены антимонопольной службе для эффективной защиты конкуренции, а значит, для обеспечения общественного благосостояния, поддержки экономики страны, развития предпринимательства на принципе справедливого соперничества.

Без указанного полномочия антимонопольному органу во многих случаях было бы невозможно получить доказательства, достаточные для подтверждения факта совершения хозяйствующим субъектом антимонопольного правонарушения, поскольку такие доказательства зачастую содержатся в документах, которые могут быть отнесены к содержащим конфиденциальные сведения, режим доступа к которым урегулирован отдельными нормативно-правовыми актами. Отсутствие полномочия антимонопольного органа на получение информации, составляющей, например, коммерческую тайну, способствовало бы тому, что хозяйствующие субъекты вводили бы режим коммерческой тайны в отношении тех документов, посредством которых было совершено заключение антиконкурентного соглашения, и тем самым, лишали антимонопольный орган возможности эффективно проводить расследования и получать необходимые доказательства. Очевидно, что наличие рассматриваемого полномочия необходимо, и без него обеспечение публичного интереса невозможно. Однако, следует отметить, что между ст. 25 Федерального закона о защите конкуренции и актами, устанавливающими режим доступа к отдельным видам охраняемых законом тайн, во многих случаях содержатся противоречия, которые влияют на практику правоприменения.

Так, на практике не раз поднимался вопрос о возможности получения антимонопольным органом информации, составляющей банковскую тайну, поскольку ст. 26 Федерального закона о банках и банковской деятельности установлен перечень лиц, имеющих право на получение банковской тайны, и антимонопольного органа среди них нет. Позиции Центрального банка Российской Федерации [5] и ФАС России [6]

по данному вопросу кардинально различаются, как и противоречивы решения судов [7]. Также, актуальна проблема в отношении тайны связи, поскольку отсутствие конкретного перечня информации, составляющей эту тайну, или конкретных критериев отнесения информации к таковой, способствует тому, что антимонопольный орган не может получить необходимые для расследования сведения, потому что их ошибочно относят к тайне связи, а значит, доступ к ней возможен только в ходе оперативно-розыскной деятельности.

Данные противоречия порождают ситуации, которые затрагивают как частные, так и публичные интересы. В случаях, когда суды отказывают в получении антимонопольным органом информации, составляющей банковскую тайну или тайну связи, они могут создать препятствия в реализации ФАС России своих полномочий. С другой стороны, в случаях, когда хозяйствующие субъекты отказываются предоставлять информацию, основываясь на позиции об отсутствии у них на то законодательно закрепленной обязанности, а суды придерживаются позиции приоритета публичного интереса, они привлекаются за непредоставление информации к административной ответственности, в то время как, существует практика, которым такое привлечение к ответственности признается незаконным при аналогичных обстоятельствах.

Таким образом, в зависимости от того, какой из противоречивых позиций будет придерживаться суд в конкретном деле, решается вопрос о том, чьи интересы будут защищены в большей степени и как должна разрешаться коллизия норм. Это представляется серьезной проблемой, требующей решения путем внесения изменений в законодательство. Следует однозначно определить, имеет ФАС России право на получение банковской тайны и тайны связи или нет, какую информацию к тайне связи следует относить. Причем данные вопросы надо решить, как с учетом необходимости реализаций антимонопольным органом своих функций, так и с учетом всех неоправданных рисков нарушения прав частных лиц.

Еще одним проблемным аспектом является адвокатская тайна. В антимонопольном законодательстве термин «адвокат» отсутствует в принципе (фигурирует только понятие защитник, не тождественное понятию адвокат в контексте закона об адвокатской деятельности), как отсутствует понятие «адвокатской тайны». В то же время, адвокатская тайна относится к числу профессиональных тайн, что закреплено в перечне информации конфиденциального характера [4], и входит в понимание «любой информации» в целях применения ст. 25 Федерального закона о защите конкуренции. Представляется, что в контексте соблюдения баланса частных и публичных интересов должен быть однозначно вопрос о праве антимонопольного органа на получение адвокатской тайны.

Адвокатская тайна представляет собой любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю[2]. По сути, она является конкретизацией конституционного права доверителя не свидетельствовать против себя. Кодексом профессиональной этики адвоката установлено, что адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя, а также конкретизировано, какие сведения включаются в понятие адвокатской тайны.

В России в судебной практике не поднимался вопрос о неправомерности доступа должностных лиц антимонопольного органа к информации, составляющей адвокатскую тайну. В то же время, в Европейском союзе данная проблема уже станови-

лась предметом судебных разбирательств, и позиция по ней была сформулирована еще в 1982 г. в деле AM&S [9], а затем уточнена в деле Akzo [8]. Европейским судом правосудия было установлено, что специфика адвокатской тайны не предоставляет возможности антимонопольному органу иметь доступ к такой информации, поскольку это сведения, находящиеся под особым иммунитетом, обусловленным доверительными отношениями адвоката и клиента. При этом сделано несколько оговорок: данный иммунитет распространяется только на случаи, когда хозяйствующим субъектом, в отношении которого было предпринято изъятие информации, составляющей адвокатскую тайну, был привлечен внешний адвокат соответствующей квалификации, а не имела место консультация сотрудника юридической службы компании; кроме того, неприкосновенностью обладает только переписка с таким адвокатом, осуществленная после начала административной процедуры расследования, либо более ранняя переписка, касающаяся предмета процедуры. Данную позицию суд занимал и в более поздних делах [12].

Также, следует отметить, что в любом из рассматриваемых случаев получение антимонопольным органом информации, которая содержит конфиденциальные сведения, является вторжением в сферу частных интересов отдельной компании и, в той или иной степени, может нарушить ее фундаментальные права, закрепленные в Европейской конвенции по правам человека, и стать основанием для обращения в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Ст. 1 Европейской Конвенции о защите прав и свобод человека закрепляет право каждого на защиту, причем под «каждым» понимаются и физические, и юридические лица. В соответствии со ст. 36 Регламента ЕСПЧ «физические лица, неправительственные организации или группы частных лиц могут первоначально подать жалобу, действуя самостоятельно или через представителя» [1]. Хозяйствующие субъекты входят в категорию неправительственных организаций, согласно практике ЕСПЧ [11]. Таким образом, правом на обращение в ЕСПЧ хозяйствующие субъекты обладают.

Еще в деле Hoffman – La Roche Суд правосудия Европейского Союза отметил, что фундаментальный принцип европейского права – право на защиту – должен быть соблюден в административных процедурах, способных привести к наложению штрафа, что распространяется и на стадию процедуры предварительного расследования [10]. Ряд решений ЕСПЧ, вынесенных по делам о нарушении антимонопольными органами прав хозяйствующих субъектов, помимо права на защиту также касается права не свидетельствовать против себя, права на неприкосновенность жилища. Эти права, так или иначе, могут быть нарушены в результате процедуры проверки, которая практикуется антимонопольными органами по ряду дел и позволяет получить конфиденциальную информацию.

Перечисленные проблемы являются далеко не исчерпывающими, и подход к их решению должен быть как можно более комплексным; с учетом принципа разумности и баланса публичных и частных интересов должен быть определен перечень охраняемых законом тайн, на получение которых антимонопольный орган имеет безусловное право. Существующая в настоящий момент неопределенность является причиной неоднозначной судебной практики, непредсказуемости для хозяйствующих субъектов последствий непредставления той или иной информации, а также наделяния государственного органа возможно неоправданно широкими полномочиями на получение информации, способными привести к нарушению фундаментальных прав, признанных на международном уровне.

Библиографический список

1. Регламент Европейского Суда по правам человека // www.garant.ru (дата обращения: 02.05.2018).
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
3. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3434; 2016. – № 27 (ч. I). – Ст. 4197.
4. Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 10. – Ст. 1127; 2015. – № 29 (ч. II). – Ст. 4473.
5. Письмо Центрального банка РФ от 30.06.2003 № 99-Т «О предоставлении сведений, составляющих банковскую тайну» // Документ опубликован не был / www.consultant.ru (дата обращения 22.04.2018).
6. Письмо ФАС России от 10.12.2014 № АК/50597/14 «О банковской тайне» // Документ опубликован не был / www.consultant.ru (дата обращения 22.04.2018).
7. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.04.2016 № 11АП-4655/2016 по делу № А72-14229/2015; Постановление Верховного Суда РФ от 04.04.2016 №307-АД15-18844 по делу № А56-14802/2015 // www.consultant.ru (дата обращения 30.04.2018).
8. Akzo Nobel Chemicals Ltd and Akcros Chemicals Ltd v Commission of the European Communities (Case T-253/03) // European Court Reports. – 2007. – P. II-00479.
9. AM & S Europe Limited v Commission of the European Communities (Case 155/79) // European Court reports. – 1982. – P. 01575.
10. Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission (Case 85/76) // European Court reports. – 1979. – P. 00461.
11. *Emberland M.* The Human Rights of Companies- Exploring the Structure of ECHR Protection // Oxford University Press. – 2008. – P. 4, 14.
12. Press-release No 40/10, Court of Justice of EU/ [Электронный ресурс] // URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2010-04/cp100040en.pdf> (дата обращения: 14.05.2018).

Е.И. Степушкина*

О МОДЕЛЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И СОДЕРЖАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье охарактеризованы модели социального государства, сделан вывод о соответствии содержания социальной функции государства той или иной модели социального государства. При либеральной модели социальная функция характеризуется регулятивной направленностью. Содержание социальной функции в солидарно-консервативной модели социального государства определяются принципиальными положениями о необходимости стабилизации социальных отношений. В социал-демократической модели социального государства важны положения о построении развернутой системы социальной защиты граждан.

Ключевые слова: социальное государство, социальная функция государства, модели социального государства, содержание социальной функции государства.

ABOUT MODELS OF THE SOCIAL STATE AND THE CONTENT OF THE SOCIAL FUNCTION OF THE STATE

Annotation. The article describes the models of social state, the conclusion about the content of the social function of the state of a model of social state. In the liberal model, the social function is characterized by a regulatory orientation. The content of the social function in the solidary-conservative model of the social state is determined by the fundamental provisions on the need to stabilize social relations. In the social-democratic model of the social state, provisions on the construction of an expanded system of social protection of citizens are important.

Keywords: social state, social function of the state, models of the social state, content of the social function of the state.

После второй мировой войны в разных странах с рыночной экономикой сложились различные модели социальных государств, отличающиеся определенными региональными и национальными особенностями: в Германии, Швеции, Франции социальное государство развивается на основе существенного перераспределения материальных ресурсов через налоговую систему, в Англии – на основе социального обеспечения. В США основой всего является частная инициатива граждан, и наибольшее развитие получает институт частного социального страхования. Практиче-

* **Степушкина Елена Игоревна**, Директор Дирекции по работе с проблемной задолженностью ООО ТД «Агроторг» (АО «Россельхозбанк»), аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: estepushkina@yandex.ru. Научный руководитель, профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор С.В. Липень.

Stepushkina Elena Igorevna, Director of the Directorate on work with problem debts TD "Agrotorg" (JSC "Rosselkhozbank"), post-graduate student Moscow state law University named after O. E. Kutafin (MSAL). Scientific adviser, Professor of the Department of Theory of State and Law, Doctor of Law, Professor S.V.Lipen.

ски во всех государствах возникают министерства труда, социального обеспечения, общественных работ, образования, здравоохранения, жилищного строительства. Нередко, все направления деятельности осуществляются одним министерством или ведомством, например, министерством по социальным вопросам в Дании, Финляндии. Происходит процесс реформирования законодательства, принимаются законы, которые «закрепляют» новые направления социальной деятельности государства: обширную систему организационно-правовых форм семейной политики, программы в отношении неимущих групп населения, молодежные программы. В некоторых государствах появляется обширная отрасль социального законодательства. Так, в Германии в десятитомном Социальном кодексе собраны все гарантии прав граждан в получении образования, профессиональной подготовке и найме на работу, социальном страховании, получении компенсации за производственную травму, в получении финансовых дотаций семьям, помощи молодежи, реабилитации инвалидов и др. [2, с. 51].

Отечественная научная традиция исходит из параллельного исследования социального государства и социальной функции государства, определенной научной проблемой является соотношение этих двух категорий. По нашему мнению, необходимо проводить соответствие между моделями социального государства и содержанием социальной функции государства.

Существуют различные подходы к выделению моделей социального государства, они достаточно неплохо изложены в работах О.В. Родионовой [4, с. 30] и Е.В. Аристовой [1, с. 108-112]. При всем разнообразии подходов одним из наиболее часто встречающихся вариантов является следующий – выделение либеральной, корпоративной (солидарно-консервативной) и социал-демократической моделей социального государства.

Государство в *либеральной* модели социального государства не отличается активностью, скорее, оно участвует в реализации социальных программ опосредованно, через правовую организацию и защиту негосударственных финансовых потоков, используемых на социальные нужды (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение и т.д.). В либеральном социальном государстве имеет место невысокий уровень социальной защиты. Основная роль государства по существу сводится к незначительной коррекции рыночной стихии. Большинство населения в этих странах зависит от рыночной конъюнктуры и надеется только на себя. Меньшинство возлагает надежды на государство. Либеральная модель социального государства реализована в США, Ирландии, Канаде, Австралии.

Любая модель в основе своей подразумевает определенную мировоззренческую основу. Можно сказать, что либеральная модель социального государства базируется на принципе личной ответственности каждого члена общества за свою судьбу. Социальная функция в таком государстве минимизирована. Если брать социальную сферу, то основными субъектами социальных отношений с одной стороны выступает гражданин, а с другой – различные негосударственные организации – социально-страховые фонды и ассоциации. Финансовой основой социальных программ являются частные сбережения и частное страхование. Средства государственного бюджета используются в весьма ограниченном объеме. Государство берет ответственность лишь за сохранение минимальных доходов граждан.

Либеральная модель социального государства уходит своими корнями в концепцию «государства – ночного сторожа». Развивая и отстаивая ее основные постулаты, известный экономист Ф. Хайек подчеркивает: «Сторонники социализации

экономики исходят из представления, что все имеющиеся в обществе знания можно собрать воедино, так что компетентным органам останется только выработать на этой основе оптимальные решения и спустить указание на места. Однако, это иллюзия, централизованное планирование просто не успеет переработать поступающую информацию» [5, с. 139]. Социализация экономики, с его точки зрения, не только не приводит к поставленной цели, но и уничтожает сами основы существования свободного общества, так как источником богатства и процветания общества, причиной бурного развития научно-технического прогресса, является рыночная экономика, с устранением которой исчезают вообще какие-либо виды самостоятельности, творческие силы общества истощаются, что приводит к потере индивидом личной свободы и равенству в нищете.

Оппоненты идеи социального государства в начале 90-х годов нередко прибегали к его мысли о том, что «... формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства, нацеленными на обеспечение материального равенства различных людей, и всякий политический курс, основанный на идее справедливого распределения, однозначно ведет к разрушению правозаконности» [5, с. 127]. В этом выражении, есть доля здравого смысла, но, в целом, оно крайне категорично и беспелляционно, принимать его как истину в последней инстанции не стоит. Идея социальной справедливости, выражающаяся, в том числе, и в принципе справедливого распределения, и лежит в основе социального государства, как и некоторые другие, которые, как правило, подвергаются критике сторонниками различных вариантов либеральных теорий.

Корпоративная или солидарно-консервативная модель обычно рассматривается на примере Федеративной Республики Германии. Есть все основания считать, что теоретик солидарно-консервативной модели социального государства Л. Эрхард занимал срединную позицию между либералами-рыночниками и сторонниками чрезмерно активного участия государства в экономическом регулировании. Как правильно отмечает С.Е. Коробов, Л.Эрхард считал, что при определенных условиях и в определенных масштабах государственное вмешательство в экономику не только возможно, но и необходимо. Но целью государственного участия в регулировании экономикой должно быть не ущемление рыночных свобод и ограничение рыночных механизмов, а создание рамочных условий для оптимального и эффективного функционирования рынка, придания ему социальной направленности. Однако, освобождение от государственного «диктата» вовсе не означает самоустранения государства от регулирования экономических процессов. В понимании Л.Эрхарда, государство может и должно заниматься макроэкономическим регулированием методами финансовой, кредитной, таможенной, валютной, налоговой политики, а не мелочной опекой над производством, не должно потворствовать эгоистическим интересам наиболее влиятельных промышленных групп за счет государственного бюджета [2, с. 65].

Сущность социальной политики государства не определяется размерами социальной благотворительности и масштабами политики государственного перераспределения – изъять, чтобы затем «социально распределить» и вернуть в виде пособий, дотаций и других социальных услуг. Большая часть доходов должна оставаться в руках получателей, а не изыматься в виде налогов и взносов на социальные нужды. Социальная политика должна быть ориентирована на усиление позиций индивида. В соответствии с этим возможность получить образование, профессию, обзавестись

собственностью, достичь высокого уровня материального благосостояния, накопить денежные средства и иметь гарантию, что они не будут уничтожены в результате инфляции, также являются важнейшим направлением социальной политики. Только обретя финансовую самостоятельность и максимальную независимость от государственного «социального попечительства», гражданин превращается из «социального подданного», по определению Л. Эрхарда, в свободного человека. Сам он задачу государства видел так: «Государство, не заботься о моих делах, но предоставь мне столько свободы и оставь мне от результатов моей работы столько, чтобы я мог сам и по собственному усмотрению обеспечить себе существование, мою судьбу и судьбу моей семьи» [6, с. 82].

Объектами социальной политики, а более точно – социальной опеки со стороны государства должно быть только бедные нуждающиеся в поддержке и не имеющие возможности обеспечить себе прожиточный минимум. Один из основных постулатов концепции «социального рыночного хозяйства» гласит: экономическая свобода должна сочетаться с «социальным выравниванием».

По мнению С.Е. Коробова «сущность солидарно-консервативной модели социального государства заключается в том, чтобы обеспечить каждому гражданину необходимый достойный минимум материальных благ и создать условия, чтобы любой человек мог обеспечить себе желаемый максимум социальной защищенности» [2, с. 70].

Социал-демократическая модель социального государства. С. Персон, известный шведский эксперт по вопросам национальной безопасности, представляя концепцию «Северная альтернатива» (2001 г.), заявил: «В XX веке пять северо-европейских стран создали тип общества, добившегося самых больших успехов за всю историю человечества. На уровень самых преуспевающих стран они поднялись из пучины бедности. Национальный продукт распределяется здесь наиболее справедливым образом как между социальными и возрастными группами населения и регионами, так и между полами» [3, с. 275-276].

Социал-демократические теории интерпретируют равенство как необходимость посредством справедливого распределения обеспечить равенство в результатах – «справедливую долю для всех», что значит гарантировать со стороны государства обеспечение прав всех граждан независимо от индивидуальной продуктивности. Расходы на социальные услуги рассматриваются как инвестиции в человеческий капитал, который не только сам по себе большая ценность, но и принципиальное условие устойчивого экономического роста. Такая модель социальной политики реализуется в Швеции, Дании, других скандинавских странах.

Принцип социальной справедливости социал-демократической модели выражается в солидарности в экономических делах. Принятие экономических решений и ответственность за них должны нести те, у кого более широкие экономические возможности, а результатами экономических достижений должны пользоваться все. В скандинавских странах осуществляется беспрецедентная социальная помощь по всем направлениям социальной политики: образование, здравоохранение, медицина, пенсионное обеспечение.

Есть разные оценки этого варианта социального государства. По мнению О.В. Родионовой социальное государство скандинавского типа является тупиковым вариантом, поскольку здесь преобладает частный интерес, и исчезают стимулы к саморазвитию личности [4, с. 30]. По мнению других авторов, налицо все основа-

ния утверждать, что именно социал-демократическая модель социального государства еще не утрачивает свои позиции. Пока только страны Северной Европы демонстрируют эффективные ответы на вызовы времени, включая глобализацию.

Возвращаясь к вопросу о соотношении социального государства и социальной функции государства, надо указать, что объем социальной функции, ее содержание зависят от очень многих условий. Как нам представляется, содержание социальной функции зависит от той модели социального государства, которую предпочтет та или иная страна. Если это либеральная модель социального государства, то, собственно говоря, от него и требовать-то мало что можно. В либеральной модели каждый может надеяться только на себя, и в очень незначительной степени – на государство. В солидарно-консервативной модели социальная нагрузка институтов государства существенно возрастает, но не в таком объеме, как в социал-демократической модели. С уверенностью можно сказать, что последняя является определенным социальным ориентиром. Именно поэтому, кто-то старается приблизиться к нему, а кто-то, наоборот, дискредитировать. В связи с этим, социальная функция государства представляется нам как одно из основных направлений (сторон) его деятельности, осуществляемой в социальной сфере общественных отношений. В рамках либеральной модели социального государства она выражается в регулятивной функции; в рамках социально-консервативной модели – в стабилизирующей функции; а в рамках социал-демократической модели – в защитной функции.

Таким образом, существует определенное соответствие между моделями социального государства и содержанием социальной функции государства. Содержание социальной функции государства и особенности правовых форм ее реализации следуют из качественной характеристики соответствующей модели социального государства. В рамках либеральной модели социальная функция имеет ярко выраженную регулятивную направленность. Содержание социальной функции и особенно активной правотворческой, правоисполнительной, правоохранительной деятельности в солидарно-консервативной модели социального государства предопределяются принципиальными положениями о необходимости стабилизации социальных отношений, а в социал-демократической модели – положениями о построении развернутой системы социальной защиты граждан.

Библиографический список

1. Аристов Е.В. Модели социального государства // Российский юридический журнал. – 2015. – № 4 (103). – С. 108-112.
2. Коробов С.Е. Социальная функция государства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2000. – 181 с.
3. Панкин Б. Шведский дом и его обитатели. – М.: Воскресенье, 2003. – 347 с.
4. Родионова О.В. Проблемы развития теории и практики современного социального государства // LexRussica. – 2015. – № 1. – С. 28-40.
5. Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. – № 10-11.
6. Эрхард Л. Благополучие для всех. – М.: Начала-пресс. 1991. – 336 с.

М.Г. Тирских*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы преобразования политических режимов в условиях социально-политических изменений общества различной природы и интенсивности. Определяются факторы и условия, при которых происходит изменение системы методов политического управления. Делается анализ понимания политического режима в условиях существования различных состояний общества.

Ключевые слова: политический режим, социальное преобразование, трансформация, методология государственной власти.

LEGAL ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF POLITICAL REGIMES IN A SOCIAL TRANSFORMATION

Annotation. The article examines the problems of transforming political regimes in the context of sociopolitical changes in a society of various nature and intensity. Factors and conditions are determined under which a change in the system of political governance methods occurs. An analysis is made of the political regime in the conditions of the existence of various states of society.

Keywords: political regime, social transformation, transformation, methodology of state power.

Очевидным фактом является способность государственного управления к изменению. Под воздействием различных факторов, социально-политических процессов, мировоззренческих систем, приобретающих или утрачивающих главенство в обществе методология государственного управления претерпевает заметные, а иногда и кардинальные изменения. При этом, само изменение методологии государственного управления, зачастую является уже запоздалым следствием реагирования государства на возникшие некогда факторы. В таком случае, общество обречено на повторение произошедших социально-политических изменений.

Государство вынуждено использовать различные методы реализации властных функций в связи с возникновением в социальной системе общества разнообразных явлений, способных привести к существенной деформации общественной структуры, как в рамках внешнего воздействия (социальная революция, государственный переворот), так и внутреннего преобразования (реформы). При этом, следует понимать, что процесс социального преобразования, протекающего в рамках современного общества неоднороден, и может быть разделён на стадии, следующие друг за другом.

* **Тирских Максим Геннадьевич**, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института ИГУ, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tirskm@mail.ru

Tirskikh Maxim Gennadievich, Professor of the Department of International Law and Comparative Law, Law Institute, Irkutsk State University, candidate in Law, Associate Professor.

В большинстве случаев, можно выделить три стадии, реализуемые в рамках процесса преобразования общества.

Первой стадией является возникновение в обществе социальной депрессии такого состояния социума, при котором существующие институты и механизмы политического управления не отвечают потребностям общества и не воспринимаются ни акторами политического процесса, ни индивидуумами, испытывавшими на себе воздействие новых механизмов управления. Социальная депрессия формируется на фоне наличия объективных факторов, в том числе: экономических кризисов, вооруженных конфликтов и т.д. и сопрягается с возникновением у индивидуумов ощущения невозможности изменения ни негативных факторов, воздействующих на общество, ни механизма реагирования на них со стороны государства.

Такая установка формирует в обществе стойкое убеждение в необходимости социальных, экономических, политических и иных перемен. При этом, сами перемены, наступления которых так жаждет общество, на самом деле, не фиксируются обществом, не подвергаются сознательной рефлексии и не облекаются в какие-либо завершённые управленческие формы. Скорее общество готово последовать за той моделью, которая будет представлена ему наиболее красочно и выигрышно на фоне иных альтернативных концепций, либо их отсутствия. Общество доверяет представление возможной модели политикам, реагируя на предлагаемые социальные преобразования. При этом, в период социальной депрессии политические акторы как правило не готовы к существенным преобразованиям, которые могли бы пошатнуть стабильность государства, однако, воспринимают формируемое состояние социальной депрессии в качестве питательной среды для будущих преобразований с учетом их видения развития ситуации и наиболее предпочтительных моделей будущих преобразований. Общество же ещё не готово предъявлять какие-либо конкретные и обоснованные претензии тем или иным политическим лидерам и структурам власти.

Второй стадией процесса преобразования является социальная реконструкция. Социальная реконструкция может быть определена как состояние общества, при котором существующие социальные институты не отвечают требованиям социальных сообществ и общество (либо отдельные социальные группы) формируют свои претензии к деятельности конкретных политических акторов или структур. При этом, происходящие на данной стадии процесса социального преобразования изменения проявляются посредством деформации сфер, вызывающих социальный протест, одновременно с изменениями механизма социального управления. Это стадия активных изменений социального сознания, деформации общественных ценностей. При этом, в случае, если данный процесс произошел, последующие преобразования становятся практически неизбежными.

Наконец, *третья стадия* процесса социальных преобразований включает в себя собственно изменение системы управления, связанное с осуществлением либо социальной эволюции, либо социальной революции. Такое постреформенное состояние может быть названо социальной модернизацией и является естественным следствием произошедших изменений. При том, под социальной эволюцией следует понимать преобразование общества и механизма управления им осуществляющееся при помощи постепенного изменения состояния общества и его структуры, благодаря совокупности инициируемых государством реформ. Социальной революцией, в свою очередь, является преобразование общества и механизма управления им,

осуществляющееся путем отторжения существующих социальных и политических институтов и заменой их новыми институтами. Лишь по завершении этих процессов можно констатировать факт стабилизации общества, формирования социальной системы, отличающейся устойчивостью как социальных институтов, так и социальных ценностей.

Анализ преобразований политического режима в условиях социальных и политических преобразований является проблемой, активно анализируемой научным сообществом [1; 2].

В настоящем исследовании мы не будем подвергать пристальному научному анализу понятие политического режима, поскольку в отечественной и зарубежной науке это вопрос решался уже неоднократно, в том числе и автором настоящей статьи [3; 5, с. 105-109]. В рамках соответствующих преобразований политический режим, традиционно понимаемый как совокупность методов, средств, способов и приемов осуществления политической власти не только меняет свое содержание (а в некоторых случаях и вид), но и свою структуру. В условиях политических и социальных преобразований под политическим режимом следует понимать динамически модифицируемое состояние совокупности методов, способов, средств и приемов осуществления политической власти в обществе, равно отражениям в условиях социума. Возникновение данного дополнительного свойства политического режима связано, в первую очередь с тем, что политический режим с одной стороны, описывая инструментальную характеристику властвования, с другой, определяет и состояние подвластных, готовых или не готовых к восприятию соответствующих методов, способов, средств и приемов властвования.

При этом, если социальное пространство остаётся стабильным, исследователю нет смысла изучать взаимодействие между социальными группами, поскольку это взаимодействие уже отражено в действующей совокупности средств, методов, приемов и способов властвования. Если же социальная стабильность в обществе утрачена и происходят описанные ранее изменения, мы не можем с точностью сказать, что совокупность методов, средств, способов и приемов властвования не претерпит изменений, скорее наоборот, обоснованной будет позиция, предполагающая дальнейшие преобразования методов, средств, способов и приемов политического управления обществом. В свою очередь, динамику такого преобразования можно спрогнозировать, основываясь на анализе взаимодействия между социальными группами, т.к. механизмы властвования (включая его методологию) устанавливаются благодаря достижению консенсуса в вопросах социального управления между основными социальными группами.

Следует отметить, что, как правило, трансформация политического режима в условиях общества, переживающего периоды социального и политического преобразования, протекает не линейно, путем перехода от политического режима одного вида к политическому режиму другого вида, а проявляется как совокупность последовательно сменяющих друг друга политических режимов. При этом, фиксация итогового (сравнительно устойчивого) состояния политического режима может быть существенно удалена по времени от момента начального преобразования. Такая удаленность вполне обоснована, учитывая, что периоды социальных и политических преобразований могут длиться десятилетиями.

Исходя из особенностей процесса социально-политических преобразований можно говорить о существовании ряда функций трансформации политического ре-

жима в условия таких преобразований. Эти функции основываются на природе социальных и политических изменений и определяют сущностное значение политического режима как государственно-правового института.

Первой функцией можно назвать конституирующую, основным назначением которой является фиксация состояния политического управления обществом в период социальных преобразований. Благодаря изменению совокупности методов, средств, способов и приемов политического управления, применяемых на практике обществ осознает, что произошедшие социальные и политические изменения привели к стойким изменениям в механизме социального управления. Так, внедрение отдельных институтов прямой демократии после периода авторитаризма, формирует в обществе представление о том, что появившиеся политические принципы (политического многообразия, гласности, выборности должностных лиц и т.д.) реализуясь в применимых на практике методах управления, укореняются в социально-политической традиции, становится символическим базисом произошедших изменений.

Второй функцией политического режима в условиях социального и политического преобразования общества следует называть оперативно-управленческую функцию. Собственно, политический режим необходим, чтобы наилучшим образом управлять обществом, теми процессами, которые протекают в социуме. Для того, чтобы в полной мере реализовать потенциал политического управления в государстве, обязательно должна быть сформирована методологическая база, т.е. те методы, средства, способы и приемы, которые используются для целей обеспечения реализации государственно-властных функций. В такой ситуации, оперативно-управленческая функция реализуется на основании двух начал. С одной стороны, это следование принципу целесообразности, выбору наиболее приемлемого метода, средства или способа управления для достижения той или иной конкретной цели. С другой, это следование парадигме существующих социально-политических принципов, отдаление от которых может привести к возникновению негативной социальной реакции и углублению социально-политического кризиса.

Стабилизирующая функция политического режима связана с тем, что политический режим является с одной стороны тормозом на пути внедрения социально-политических новаций, не позволяя их ввести в кратчайшие сроки в сферу политического управления и тем самым оттягивая фиксацию новой власти. С другой стороны, политический режим играет катализирующую роль. Как только в каком-либо государстве, где наблюдаются социальные и политические преобразования появляется механизм, обеспечивающий дальнейшее проведение социальных реформ (и стабильность управленческого процесса в связи с этим), такие реформы существенно ускоряются и усиливаются. В таком случае, политический режим становится элементом инфраструктуры властвования в условиях новой социально-политической реальности [4].

Еще одной функцией политических режимов в условиях социально-политических преобразований является структурирующая функция. Фактически при помощи унифицированной методологии политического управления осуществляется распределение прав, обязанностей и ответственности между властвующими субъектами. Фактически благодаря тому, что в рамках политического режима те или иные методы, средства, способы и приемы политического управления дифференцируются и закрепляются за отдельными органами государственной власти, социально-политическими структурами (при этом в зависимости от типа политического режима и его социально-политических и идеологических оснований такими структурами могут быть:

политические партии (особенно рамках тоталитарного политического режима, для которого свойственно наличие единственной или монополизирующей политической дискурс партии), религиозные группы и конфессии (в случае фундаменталистских религиозных режимов), составные группы (в условиях аристократической демократии, или авторитарного режима, функционирующего в интересах какого-либо сословия), экономического класса (в условиях классовой диктатуры), экономической организации (в олигархических режимах), племенной группы (в условиях трайбалистских режимов) и т.д.). Политический режим фактически фиксирует структуру управления обществом для целей реализации определенных политических интересов и в условиях социальных и политических преобразований становится базисом структурирования процесса политического управления.

Наконец, политический режим реализует ретрансляционную функцию. При любых обстоятельствах совокупность методов, средств, способов и приёмов политического управления обществом, включаемая в политический режим, несет на себе след политических традиций и политической культуры общества. Точно так же трансформация политического режима, основанная на заимствовании методологии политического управления иных государств, способствует ретрансляции политических традиций, культуры и принципов соответствующих государств. Ретрансляционная функция выражается в сохранении отдельных форматов, процедур, а иногда и наименований, имеющих устойчивый идеологический и культурно-исторический оттенок.

Так, например, выбор наименования государства Ливийская Джамахирия был сопряжен с распространенным в странах Магриба форматом межплеменного взаимодействия, имея как политические, так и культурно-исторические коннотации. Аналогичным образом, воспринимая некоторые методы политического управления присущие политической системе США, Япония и Южная Корея после Второй мировой войны фактически перенимали североамериканские политические традиции и культуру. Данный процесс, безусловно, носит не всеобъемлющий характер и никогда не приводит к полной замене политической культуры и традиций, однако степень влияния таких заимствований на политическую систему заимствующего государства является значительной, а порой и фундаментальной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что политический режим, трансформируясь в условиях социальных и политических преобразований не только соотносится с сущностью этих преобразований (что само по себе очевидно), но и выполняет в рамках данного процесса ряд значимых функций, способствующих как преобразованию в обществе, так и укоренению новых политических институтов. При этом, в условиях социальных и политических преобразований меняется само содержание политического режима, как особого политико-правового явления. Это позволяет говорить об уникальности политических режимов, формирующихся в процессе социальных и политических преобразований в обществе, способности таких режимов к изменениям, включающим одновременное сосуществование признаков и свойств политических режимов различных видов.

Библиографический список

1. Гельман, В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории / В.Я. Гельман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 55-69.
2. Ревякин, С.А. Влияние политического режима на модели разработки стратегии государств / С.А. Ревякин // Современные проблемы науки и образования. –

2013. – № 6. – электронное издание, режим доступа <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11504>, дата обращения 12.01.2019 г.

3. *Тирских, М.Г.* Трансформация политических режимов: государственно-правовое исследование / М.Г. Тирских. – Иркутск, Институт законодательства и правовой информации, 2006. – 246 с.

4. *Тирских, М.Г.* Роль права в стабилизации политических режимов / М.Г. Тирских. // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 2. – С. 156-160.

5. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 504 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

О.А. Шабаета*

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Информация, информационные продукты, информационные услуги стали неотъемлемой частью современной цивилизации. Глубокое проникновение информационных технологий в межличностные отношения, осознание и использование человеком информации как мощного конкурентного преимущества при решении международных, коммерческих, политических и даже военно-политических вопросов определяют значение информации как жизненно необходимого ресурса развития любой социальной группы.

Ключевые слова: информация, правоотношения, объект правоотношений.

INFORMATION AS AN OBJECT OF LEGAL RELATIONS

Annotation. Information, information products, information services have become an integral part of modern civilization. The deep penetration of information technologies into interpersonal relations, awareness and use of information by a person as a powerful competitive advantage in solving international, commercial, political and even military-political issues predetermine the importance of information as a vital resource for the development of any social group.

Key words: Information, legal relationship, object of legal relationship.

Динамичное развитие общественных отношений, осознание человечеством широких горизонтов возможностей информации с необходимостью ставят вопрос об опасностях, связанных с получением и использованием различного вида информации. Как и любое другое благо, при определенных обстоятельствах информация может быть использована во вред. Масштабы вредоносного потенциального действия информации выходят далеко за рамки интересов отдельной личности или социальной группы. Получившие в последнее время распространение информационные войны угрожают национальной безопасности целых государств. «Изучив некоторые концептуальные подходы к объяснению сущности безопасности, можно сделать вывод о том, что безопасность понимается как определенное состояние, формируемое для достижения какой-то цели. Но в целом, благодаря многочисленным исследованиям, безопасность понимается как отсутствие опасности, угрозы опасности какому-либо объекту, а, следовательно, защищенность» [4, с. 33].

В качестве основы для характеристики информации как объекта правоотношений избрана плюралистическая теория объекта правоотношений. Исходя из этого, объектом правовых отношений в информационной сфере предлагается считать определенную информацию, либо непосредственно связанный с информацией результат поведения участника правоотношения (предоставление, получение, не-

* Шабаета Ольга Александровна, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института ИГУ, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Shabaevaolya@mail.ru

Shabaeva Olga Alexandrovna, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Law Institute, ISU, candidate in Law.

разглашение информации и др.). Причем, во втором случае объект правоотношения в информационной сфере слит с фактическим содержанием правоотношения, неотделим от него.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений. Информация может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения.

Интерес представляет тот факт, что все чаще звучат предложения о легальном закреплении информации в качестве объекта гражданских прав, путем включения соответствующего указания в ст. 128 Гражданского кодекса РФ. В то же время контраргументом этому предложению становятся ссылки на то, что информация ранее уже «побывала» в перечне объектов гражданских прав и была исключена из данного перечня статьей 17 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (с 01 января 2008 г.). При этом попутно обычно отмечается, что информация имеет «собственную» отрасль законодательства – информационное право, вследствие чего нет никакой надобности в регулировании общественных отношений по поводу информации еще и гражданским правом.

Следует согласиться с мнением М.А. Рожковой о том, что как только информация приобретает *экономическую ценность*, она становится *имуществом*, а значит – и *объектом гражданских прав*, поскольку статья 128 ГК РФ относит к числу таких объектов всякое имущество, перечень которого в статье является открытым [1].

Как известно, ст. 128 ГК РФ относит к имуществу как вещи (традиционные предметы материального мира, которые можно осязать), так и нематериальные объекты, прямо упоминая *результаты интеллектуальной деятельности*, и так называемые, *средства индивидуализации*. Упомянутые нематериальные объекты – полноценные объекты гражданских **прав**, но никак не гражданского **оборота**. В оборот в соответствии с п. 4 ст. 129 ГК РФ выпускаются *не сами результаты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации*, а только *имущественные права на них* (исключительные права), что обусловлено как раз нематериальной природой этих объектов. Иными словами, предметом гражданско-правовых сделок могут быть лишь исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, но не сами названные объекты прав, не обладающие свойством оборотоспособности [2].

Информация, имеющая экономическую ценность, являясь нематериальным объектом, не может становиться предметом гражданско-правовых сделок и переходить от одного лица к другому. Однако *имущественные права на такую информацию* (отдельно – на материальные носители этой информации) оборотоспособны и вполне могут отчуждаться или иным образом переходить от одного лица к другому.

В этой связи, необходимо выяснить, какая же отрасль регулирует подобные отношения? К предмету *информационного права* традиционно относят общественные отношения, связанные со сбором, передачей, регистрацией, хранением, распространением, обработкой информации с использованием современных информационных технологий. Характеризуя сферу правового регулирования информационного права, в частности И.Л. Бачило пишет, что сфера информационного права включает и про-

блемы управления информационными ресурсами, и вопросы технологии их обработки, передачи и использования. Здесь образуется еще одна предметная область отношений, связанных с процессом создания и использования новых технологий в области упорядочения и использования информации. Пользование информацией предполагает и пользование информационными технологиями и средствами связи. Эти отношения также включаются в систему регулирования информационного права [3, с.28-29].

Исходя из сказанного, и с учетом содержания п. 1 ст. 2 ГК РФ, закрепляющего, что всякие отношения по поводу имущества, основанные на равенстве, автономии их воли и имущественной самостоятельности их участников, относятся к сфере гражданского права. Следовательно, регулирование *такого рода имущественных отношений по поводу информации* не может относиться к сфере информационного права. Возникновение субъективных гражданских прав на информацию и оборот прав на информацию должны регламентироваться именно гражданским правом.

Рассматривая вопрос об информации как об объекте правоотношений, необходимо остановиться на законодательном его закреплении. Согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информацией понимаются любые сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. При этом, информация в зависимости от категории доступа к ней подразделяется на общедоступную информацию, а также на информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами (информация ограниченного доступа).

Общедоступная информация может использоваться любыми лицами по их усмотрению при соблюдении установленных федеральными законами ограничений в отношении распространения такой информации. Владелец информации, ставшей общедоступной по его решению, вправе требовать от лиц, распространяющих такую информацию, указывать себя в качестве источника такой информации. Информация, размещаемая ее владельцами в сети «Интернет» в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования, является общедоступной информацией, размещаемой в форме открытых данных. В случае, если размещение информации в форме открытых данных может повлечь за собой нарушение прав владельцев информации, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами, или нарушение прав субъектов персональных данных, размещение указанной информации в форме открытых данных должно быть прекращено по решению суда. В случае, если размещение информации в форме открытых данных осуществляется с нарушением требований Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», размещение информации в форме открытых данных должно быть приостановлено или прекращено по требованию уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных [4].

Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Обязательным является соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами. Защита информации, составляющей государственную тайну, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной тайне.

Информация в зависимости от порядка ее предоставления или распространения подразделяется на: информацию, свободно распространяемую; информацию, предоставляемую по соглашению лиц, участвующих в соответствующих отношениях; информацию, которая в соответствии с федеральными законами подлежит предоставлению или распространению; информацию, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается. Кроме того, законодательством Российской Федерации могут быть установлены виды информации в зависимости от ее содержания или обладателя.

Следует отметить, что информация как явление в естественно-научном понимании не тождественна объекту правоотношений в информационной сфере. Необходимо отличать правовые режимы собственно информации (в частности, тайны, массовая информация и др.) от правовых режимов других объектов, хотя и имеющих информационное содержание.

Информация, оставаясь одним и тем же явлением, способна юридически выражать (обозначать) различные социальные ценности, в том числе и объекты, которые с правовой точки зрения информацией не являются (например, безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги и др.). С правовой точки зрения, это становится возможным благодаря возможности информации воспринимать различные правовые режимы: как собственно информации, так и режимы других объектов.

При этом объектами правоотношений в информационной сфере являются только те виды информации, которые представляют собой информацию в юридическом смысле: тайны, массовая информация, включая рекламу, а также ряд других.

В юридической науке при характеристике информационных правоотношений наряду с понятием «объект информационного правоотношения» нередко используется также понятие «объект информационного права». В этой связи, возникает закономерный вопрос: как соотносятся эти понятия, тождественны они или нет?

Как представляется, однозначно ответить на этот вопрос нельзя, поскольку понятие «объект права» можно трактовать двояко. Прежде всего, под объектом права можно понимать объект объективного права, т. е. объект установленных или санкционированных государством норм. Объект объективного права – это по сути своей предмет правового регулирования, а им, как известно, являются общественные отношения. Поэтому, если под объектом информационного права понимать объект объективного права, то в этом случае, понятия «объект правоотношения» и «объект права» не совпадают, поскольку объектом правоотношения являются те или иные социальные блага, а объектом права – общественные отношения.

Иначе будет выглядеть ситуация, если под объектом права понимается объект субъективного права (в таком значении, понятие «объект права» широко используется в науке гражданского права). Под объектом субъективного права обычно подразумеваются определенные социальные блага, на которые направлено субъективное право. Поэтому, когда под объектом информационного права имеют в виду объект субъективного права, то понятия «объект правоотношения» и «объект права» будут совпадать.

Социальная полезность и потенциальная опасность информации требуют детальной регламентации информационной сферы, выработки механизмов, обеспечивающих информационную безопасность личности, общества и государства. Данный процесс не может оставаться вне рамок правового регулирования – основного инструмента упорядочивания современных общественных отношений. Сегодня правовые

системы практически всех развитых стран мира в той или иной форме уделяют внимание этой проблеме. Высокий уровень правовых гарантий информационной безопасности рассматривается как стандарт современного демократического государства.

Библиографический список

1. *Рожкова М.А.* Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2018. – 6 ноября.
2. Подробнее об этом см.: *Рожкова М.А.* § 2.1 Концепция, положенная в основу раздела VII ГК РФ // Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / Под общ.ред. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2018. – С. 120–173.
3. *Бачило, И. Л.* Информационное право: учебник для академического бакалавриата / И. Л. Бачило. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 419 с.
4. *Комаров С.А., Мицкая Е.В.* Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных: монография [Текст] / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2018. – 168 с.

А.В. Юрковский*

СУБЪЕКТИВНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОГНИТИВНЫХ ДИССОНАНСАХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ТЕОРИЮ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И УЧЁНЫХ, ЕЁ ПРЕПОДАЮЩИХ

Аннотация. Теория государства и права как наиболее значимая, устанавливающая основополагающее профессиональное отношение ко всем дисциплинам юриспруденции наука и учебная дисциплина, существенно отличается от других правовых наук и учебных дисциплин своими особенностями, в том числе предметом, методами и задачами, является теорией всей юриспруденции, предваряет и завершает изучение отраслевых и иных юридических дисциплин, что, безусловно, предопределяет особую специфику ее преподавания. В статье отражены отдельные субъективные размышления о проблемах когнитивного диссонанса, существующего у добросовестных студентов и добросовестных преподавателей, который затрудняет понимание изучаемого предмета.

Ключевые слова: Теория государства и права, студенты, преподаватели, ученые, образовательный процесс, юридическая профессия, система знаний, умения, навыки, когнитивный диссонанс, учебная дисциплина, наука теории государства и права.

SUBJECTIVE REFLECTIONS ON THE COGNITIVE DISSONANCE OF STUDENTS STUDYING THE THEORY OF STATE AND LAW AND THE SCIENTISTS WHO TEACH IT

Annotation. The theory of state and law as the most significant, establishing the fundamental professional attitude to all disciplines of jurisprudence science and academic discipline, differs significantly from other legal sciences and academic disciplines by its features, including the subject, methods and objectives, is the theory of all jurisprudence, precedes and completes the study of industry and other legal disciplines, which, of course, determines the specific specifics of its teaching. In the article reflects the individual subjective reflections on the problems of cognitive dissonance that exist among conscientious students and conscientious teachers, which makes it difficult to understand the subject under study.

Keywords: Theory of State and Law, students, teachers, scientists, educational process, legal profession, knowledge system, skills, cognitive dissonance, academic discipline, science of the theory of state and law.

* Юрковский Алексей Владимирович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции. E-mail: avyurkovsky@mail.ru.

Yurkovskij Alexey Vladimirovich, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate in Law, Associate Professor, Senior Adviser of Justice.

Данная статья может иметь другое название и быть привязана к вопросу о соблюдении принципа преемственности материала и последовательности в изложении (рассмотрении) тем учебной дисциплины «Теория государства и права». Очевидно, что данная публикация представляет субъективное мнение, основанное на неугасающем интересе к науке и учебной дисциплине теории государства и права, её роли в формировании профессионального статуса современного универсального юриста и проблемам её популяризации в образовательном процессе.

Предлагаемый материал является своеобразным обобщением тридцатилетнего личного опыта изучения теории государства и права, и двадцатилетнего опыта ее преподавания. В данной статье не предполагается использование стандартного стереотипического стиля изложения предлагаемого материала. Скорее, предлагаемая публикация имеет эмоционально-логическое представление о том, как можно и нужно вести преподавательскую деятельность, как ее не нужно и недопустимо осуществлять по отношению к учебному предмету теории государства и права. Речь не идет, также о формальных требованиях, излагаемых в правовых предписаниях законодательства об образовании, отсутствует тут и привычная критика нестабильности образовательных концепций образовательных стандартов и усиливающейся тенденции бюрократизации образовательного процесса в целом.

Для подлинного осознания и понимания фразы «нет ничего практичнее хорошей теории», автору материала не хватило двух стандартных учебных семестров на первом курсе по стандартной для специалитета программы «общей» теории государства и права, а также полусеместрового курса «Проблемы теории государства и права» на пятом курсе, в конце восьмидесятых – начале девяностых годов XX века. Для того чтобы осознать значение уникальной бессмертной фразы, ушли долгие годы. Причем, эта фраза с годами не утратила своего значения, а наоборот, приобрела новые смысловые оттенки и сформировала новые беспокойства и переживания.

Применительно к сегодняшнему дню, представляется возможным констатировать тот факт, что теория государства и права предназначена, для того чтобы понять юридическую профессию (передать самые минимальные, сущностные знания о наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права и связанных с ними явлениях), войти в профессию (иметь представление о проявляющихся закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права, связанных с ними явлениях), использовать на практике и развивать теорию государства и права (по возможности совершенствуя как практику, так и саму теорию).

В данной публикации не пойдет речь о пагубности постановки вопроса о юристах-теоретиках и юристах-практиках. Это очень серьезный вопрос, требующий самостоятельного рассмотрения. Тем не менее, полагаем необходимым постулировать тезис о том, что роль теории государства и права по-разному, но имманентно присутствует на всех этапах юридической карьеры во всех видах юридической деятельности.

В нашем случае, в образовательном процессе, предназначенном для формирования базовых знаний о наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права и связанных с ними явлениях, присутствуют две стороны. С одной стороны, выступает преподаватель – подготовленный специалист как в области научно-исследовательских изысканий теории государства и права, так и в области передачи научных знаний в учебном процессе, предполагае-

мым реципиентам различной степени подготовленности. С другой стороны, выступает студент – реципиент, формально заинтересованный в приобретении знаний теории государства и права.

Многолетние наблюдения за различными аудиториями студентов, приобретающих знания теории государства и права, позволяют сформулировать вывод о том, что подавляющее большинство студентов в отношении данной учебной дисциплины испытывают серьезный стресс, обусловленный целым рядом объективных, но больше субъективных факторов.

К разряду объективных факторов, полагаем возможным отнести ряд существенных недостатков предшествующего образовательного опыта рядовых (среднестатистических) студентов. Проводимые опросы студентов первокурсников свидетельствуют о том, что в средней школе изучение предметов обществоведческого цикла (истории, обществознания, политической географии) сводится к прочтению отдельных абзацев, единственных учебников, допущенных государственными стандартами для изучения соответствующих учебных предметов. Как результат, будущие студенты, порой имеют лишь навыки поиска нужных параграфов и чтения вслух, без особого анализа, единственных точек зрения, не всегда высокого научного качества, материалов учебников, что, по сути, является «зубрежкой».

Информационные технологии, активно проникающие в современную социальную жизнь, как ни странно, тоже не всегда приносят положительного результата в обретении научных знаний. Школьники и студенты, используя информационное пространство Интернета, чаще всего, ограничиваются возможностями, которые запрограммированы интернет-браузерами, и довольствуются лишь, наиболее популярными сведениями, которые располагаются на верхних строках контента, где, как правило, группируется популярная, обезличенная, одиозная, стереотипическая информация, ненаучного содержания. Особенно, это чаще всего встречается в Википедии, Студопедии и других популярных интернет-ресурсах. Самая главная проблема заключается в том, что реципиенты склонны слепо доверять данным ресурсам, как объективной, подлинно научной информации.

Отсюда можно констатировать проблему отсутствия критического отношения обучающихся к предлагаемому контенту, отсутствие навыков констатации плюралистического видения социальных феноменов, и самое главное, обезличивание основных стереотипических представлений о теории государства и права.

Очевидно, что особой массовой симпатии, осознанной любви к теории государства и права, в количественном большинстве своем, студенты не испытывают. Можно даже констатировать, что основное число студентов первокурсников откровенно испытывает эмоции страха, боязни данной учебной дисциплины, полагая, что такое количество и качество абстрактного материала логически осознать в их возрасте невозможно, и, как факт, уделять должное внимание к предлагаемому преподавателем материалу торопиться не следует. Именно поэтому, чаще всего, реальное приобщение к учебному материалу откладывается «на потом», (день-два до экзамена) и сводится к вынужденным и бездумным (часто несистемным) попыткам запоминания целых массивов информации.

Кроме того, в последние годы в студенческих аудиториях все чаще наблюдается явление инфантилизма и потребительского отношения к образовательному процессу, отсутствие внутреннего дисциплинирующего понимания ответственности за самостоятельное постижение основ юридических знаний. Все чаще наблюдается

безразличное отношение студентов к результатам предстоящих экзаменационных испытаний, к выставляемым экзаменационным оценкам.

Вместе с тем, студенты испытывают интуитивное понимание величайшего предназначения науки теории государства и права и имеют не всегда осознанное, но в целом, пиететное к ней отношение.

Кроме того, культурные традиции, укоренившиеся в российском социуме, направлены на поддержание безусловного авторитета преподавателя вообще, и в нашем случае, преподавателя теории государства и права – в частности. Для студентов (особенно первого курса), преподаватель теории государства и права (несмотря на его реальные профессиональные качества, которые студенты оценить не способны) является фигурой «таинственной и непостижимой». *Соответственно, любая предлагаемая преподавателем информация воспринимается как истина в последней инстанции, аксиома, практически на веру.*

Очевидно, что в преподавательской среде присутствуют разные люди с разными профессиональными навыками и разным субъективным отношением к науке теории государства и права, к специфике преподавательской деятельности по данной дисциплине.

Полагаем возможным поделить мысль о том, что в данной части вопроса, опыт преподавателя, определяющего значения не имеет. Основным критерием в названном аспекте, по нашему мнению, является целостность восприятия предмета и добросовестность преподавателя.

На основании изложенных наблюдений, полагаем возможным сформулировать два вида когнитивных диссонансов присущих студентам, изучающим теорию государства и права: *первый* когнитивный диссонанс студентов связан со страхом объема материала и отсутствия навыков работы с ним; *второй* когнитивный диссонанс связан с доверием предлагаемым материалам и предположением о профессиональной состоятельности, добросовестности преподавателя.

Высказанные наблюдения, по нашему мнению, никакого решающего значения для настоящего профессионального отношения к образовательному процессу не имеют.

Основная ответственность за результативность реализации целей образовательного процесса лежит на преподавателе. Скорее всего, данный тезис является аксиоматическим и не требует специальной популяризации для правильных преподавателей.

Основной акцент размышлений выставлен нами в отношении неформальных требований, которые, по нашему мнению, должен учитывать, как ученый теоретик, адаптирующий научный материал для учебного процесса, так и преподаватель, транслирующий данный материал, всякий раз, адаптирующий его, непростой, чаще напуганной, реже просто инфантильной массовой аудитории студентов.

Феномен ученого, исследующего проблемы теории государства и права и преподавателя теории государства и права, ведущего образовательную деятельность – это неодинаковые феномены.

Очевидно, что преподаватель учебной дисциплины теории государства и права должен быть в достаточной степени подготовленным специалистом в области науки теории государства и права.

В данном вопросе, важно учитывать базовые параметры науки и учебной дисциплины теории государства и права. Исследователь научных доктрин, так или ина-

че, сталкивается с проблемой формирования собственной точки зрения на рассматриваемые вопросы. Конечно, в научной деятельности присутствует очень значимое влияние субъективного фактора (фактора интереса исследователя). Данный вопрос также является самостоятельным и требует отдельного рассмотрения.

Первый когнитивный диссонанс преподавателя связан с апробацией своей научной точки зрения в студенческой аудитории. Безусловно, наука не имеет временных, количественных и даже качественных показателей. Учебная дисциплина в процессе ее освоения, диаметрально противоположна науке. Имеет параметры времени, количества и качества оценки материала.

В данном аспекте мы сталкиваемся с когнитивным диссонансом преподавателя.

Недобросовестный (некомпетентный) преподаватель, по нашему мнению, - продукт недостатков предыдущего образовательного процесса, в целом не отличается от образа студентов, нарисованного выше, с той лишь разницей, что в результате необходимо приобретаемого опыта обладает большим количеством информации, которую реализует произвольно, не неся надлежащей социальной ответственности педагога.

Такой преподаватель непоследователен, не видит генетических связей между отдельными темами и в целом системой знаний (системой учебной дисциплины, её реальной связи с другими учебными дисциплинами, другими областями науки, влияния на реальное развитие юридической практики) теории государства и права.

Очень часто наблюдается несоблюдение последовательности в изложении материала без привязки к базовым темам о предназначении теории государства и права ее свойствах и функциях.

Безответственный преподаватель лишь единожды в начале учебного курса перечисляет черты и функции теории государства и права, а в последующих темах позволяет себе упрощенное, усеченное, узкое, непрофессиональное рассмотрение удобного для него материала. Такой подход наблюдается не только в образовательном процессе, но и в процессе подготовки учебных материалов. Например, рассуждая о взаимодействии государства, права, личности, экономики и культуры, авторы некоторых учебников напрочь забывают об основных значениях рассматриваемых понятий (государство в широком, узком смыслах, право естественное, объективное, субъективное, позитивное, личность в социальном и психологическом смыслах, экономика и культура в узком и широком смыслах и множество других аспектов, в динамике и в статике, в метафизическом и материалистическом понимании) и пускаются в пространственные рассуждения о том, какими должны, по их мнению, быть данные явления, а не такими, которыми они являются реально и тем более, не такими как их представляли себе на протяжении истории выдающиеся мыслители, и по сей день видят, дискутирующие друг с другом, авторы альтернативных концепций.

Нерадивые преподаватели теории государства и права поверхностно знают историю политических и правовых учений, очень часто ограничиваются лишь констатацией персональных данных авторов частных научных гипотез и теорий, не зная даже названий их основных работ, не говоря уже о самом их содержании, не зная содержания теоретических трудов позволяют себе пренебрежительные их оценки, и тираническое по отношению к студентам, требование цитирования исключительной правильности собственных взглядов, без альтернатив и даже без констатации существующего плюрализма мнений.

Проблема недобросовестных преподавателей чрезвычайно важна, и нуждается в самостоятельном рассмотрении. К данному контексту рассматриваемого материала необходимо лишь провозглашение принципа о том, что *недобросовестных преподавателей в учебном процессе быть не должно*.

Несоизмеримо больший когнитивный диссонанс наблюдается у добросовестных (компетентных) преподавателей.

По нашему мнению добросовестный преподаватель, постоянно находится под давлением ряда взаимоисключающих факторов.

С одной стороны, преподаватель постоянно накапливает научную информацию о разных научных закономерностях, проявлениях частных научных гипотез, доктрин и подходов. Добросовестный преподаватель оперирует сам и предлагает студентам инклюзивно работать с теоретическими концепциями и установками, никогда не останавливаясь на стереотипных константах ни в содержательном, ни в стилистическом форматах.

Вместе с тем, наличие внутренних исканий преподавателя по отношению к предмету теории государства и права, для реципиентов, которым она подается в формате учебной дисциплины остается за кадром, вне поля видимости. Студентам кажется загадкой, как преподаватель добился существенных результатов в понимании теории государства и права, как он сформировал толерантное отношение к научному плюрализму, как сформировал собственную точку зрения, и почему не настаивает на её исключительности по отношению к другим.

Преподаватели подвергаются искушению пропагандировать собственный тип понимания государства, права, явлений с ними связанных. Однако, здесь как раз и возникает тот самый водораздел, допустимости, достаточности влияния субъективных концепций на итоговое качественное содержание излагаемого научного материала, который предполагает констатацию именно различающихся точек зрения с определенной степенью объективности и достаточности по отношению к каждой из них.

Безусловно, если преподаватель злоупотребляет исключительно собственной концепцией понимания теории государства и права, и интерпретирует ее однозначно – это существенно облегчает жизнь студента, и он выполняет роль аутсайдера-ретранслятора в отношениях с преподавателем, пассивно излагая ограниченное видение теории государства и права, «пестуя гордыню преподавателя», который, не замечая ситуации, рано или поздно превращается в преподавателя недобросовестного.

Для добросовестного преподавателя проблема многообразия взглядов, сводится к тому, чтобы за ограниченное, кратчайшее время, с одной стороны успеть и суметь заинтересовать достаточно апатичных студентов и дать как можно большее количество сведений о различных научных доктринах, с тем условием, что передаваемая информация оставит свой максимально-объективный след в памяти и сознании студентов.

Именно данные взаимоисключающие обстоятельства обычно формируют условия, при которых требования, предъявляемые преподавателем к материалу по теории государства и права, оказываются непонятными студенту. Очевидно, что встречное качественное восприятие учебного материала от студента ожидать очень трудно.

Добросовестный преподаватель постоянно испытывает дефицит встречных реакций надлежащего, правильного отношения студентов к предмету теории государства и права, и от этого дефицита, длящегося имманентно, начинает формиро-

вать различные личностные деформации, приводящие его опять же к проблеме недобросовестного отношения к учебному процессу.

Для того, чтобы избежать подобного рода деформаций, по нашему мнению, преподаватель любого уровня и любой степени подготовки должен целенаправленно, последовательно и систематически готовиться к любым занятиям, продумывать цели, задачи и функций каждого занятия, тщательно отбирать содержание преподаваемых тем, работать над его структурированием, осознавать и работать с проблемами запоминания основных кластеров информации студентами, продумывать методики подачи материала, размышлять над техническими средствами обучения, последовательно работать с планами занятий, содержанием основных тезисов изложения тем.

Очевидно, что механическое переложение информации из сознания преподавателя в сознание студента не относится к числу основных задач в образовании. Студент не должен пересказывать выдаваемую преподавателем информацию. Скорее всего, добросовестный преподаватель в процессе изложения теории государства и права обязан сформировать принципы получения и обработки изучаемой информации, демонстрируя при этом, собственную профессиональную состоятельность, принципы, ориентированные на четкость и ясность постановки рассматриваемых проблем, как со стороны содержания, так и по форме. При этом любой из рассматриваемых вопросов должен находиться в системной взаимосвязи с другими темами курса, иметь как научную, так и практическую ориентированность.

Кажется, не нуждается в специальном доказывании то, что стилистика работы с материалом при проведении различных организационных форм обучения отличается: лекции от семинаров, индивидуальных собеседований, коллоквиумов, конференций, консультаций, самостоятельных занятий, зачетов, экзаменов. Но и тут присутствуют свои невидимые подводные камни.

Безусловно, что все формы работы (обучения) призваны к единым целям и должны одновременно выполнять ряд педагогических функций, но вот в живой педагогической практике выдержать данные формы оказывается очень трудной задачей.

Добросовестный преподаватель постоянно находится в состоянии выбора между выстраиванием ориентиров на обучающую, развивающую, образовательную, воспитательную и иные дополнительные образовательные функции, реализация которых предполагает демонстрацию целого ряда преподавательских навыков, таких как имманентная требовательность к качеству излагаемого материала в соотношении с его количеством, умение акцентировано излагать материал, умение непрерывно активизировать работу аудитории, умение организовывать процесс обучения, непосредственно в аудитории.

Такие навыки не являются самопроизвольными, они приобретаются в результате титанического труда в процессе работы в аудитории. А тут возникает одна очень важная проблема. Эффективность работы преподавателя теории государства и права напрямую зависит от того, насколько систематически он занимается преподавательской деятельностью. Иными словами, чтобы стать преподавателем, особенно, исключительно по нашему субъективному мнению, преподавателем теории государства и права, нужно как можно больше заниматься аудиторной работой. Для интенсивно практикующих в различных аудиториях (с различным количеством студентом и качеством их подготовки) преподавателей, не является секретом тот факт,

что ни одно занятие на другое не похоже, как не одинаковы последующие их результаты на основных формах контроля.

Повышение эффективности обучения непосредственно связано со стремлением преподавателя реализовать максимальное число функций, в неодинаковых межличностных и психоэмоциональных условиях.

По нашему мнению, в процессе преподавания теории и истории государства и права важнейшим является вопрос о том, как собрать материал, в достаточном количестве, соразмерном лимиту аудиторного времени, который можно использовать преподавателю для решения стоящих перед ним образовательных задач.

Другим обстоятельством, влияющим на формирование когнитивного диссонанса у преподавателей, являются разные, различающиеся, либо диаметрально противоположные научные и жизненные позиции «смежников».

В данном вопросе существует несколько самостоятельных аспектов: проблема взаимодействия между преподавателями, читающими лекции и принимающими экзамены (профессорами) и преподавателями, проводящими семинарские занятия, коллоквиумы, деловые игры (доцентами), проводящими консультации и индивидуальную работу (ассистентами); проблема взаимодействия теоретиков и отраслевиков; проблема теоретиков и практиков.

Очевидно, что все перечисленные проблемы являются извечными, в основе своей риторическими и бесспорно пагубными. Самым очевидным фактором формирования когнитивных диссонансов всех участников образовательного процесса является общая проблема взаимодействия добросовестных и недобросовестных преподавателей друг с другом.

Можно приводить много примеров, когда подвижническая самоотверженная деятельность одних низводится к нулю беспринципностью, циничным, поверхностным отношением, верхоглядством, одиозным подходом или элементарной недисциплинированностью других участников единого (являющегося самим по себе системой) образовательного процесса.

Полагаем возможным поделить еще одним небезынтересным наблюдением, - *восприятие положений теории государства и права представителями различных научных специализаций неодинаково.*

Очень много современных учебных пособий, внедряемых в учебный процесс, в качестве основной литературы по теории государства и права, по сути, являются исключительно марксистскими, несмотря на заявляемое намерение рассматривать окружающую действительность плюралистическими способами. Очень по-разному представлен социологический тип правопонимания в концепциях изложения курсов конституционного и гражданского права; озадачивает исключительная приверженность к нормативизму или позитивизму представителей науки уголовного права. Вряд ли студенты, получившие на первом курсе ориентиры на плюралистическое отношение к науке, чувствуют себя комфортно, переходя на исключительно-однообразное видение проблем интерпретации других образовательных дисциплин.

Как ни странно, но большинству профессиональных преподавателей, являющихся практиками в области учебного процесса, очень часто «недосуг», обратить внимание на динамично меняющиеся прикладные проблемы реальной правоприменительной деятельности, изменение основных тенденций, терминов, конструкций и категорий. И обратно – прикладники не удосуживаются обращать внимание на то,

что в бесконечной череде проблем практики, невидимыми нитями тянется череда очевидных общетеоретических закономерностей.

Вероятно, причина формирования классов теоретиков и практиков, их неодинакового отношения к вопросам восприятия формирования правовых и государственных феноменов реальной действительности заключается в научной значимости данной проблемы, в особой роли, которую данные обстоятельства сыграли и продолжают играть во всех сферах общественной жизни различных людей и народов. Очевидно, что плюрализм мнений для научной постановки вопроса является единственно приемлемым способом существования самой науки. Однако, для позитивно правового регулирования (правового регулирования в позитивно-правовом смысле) существование даже самой возможности произвольного восприятия, интерпретации и реализации правовых предписаний иначе как единообразно, неприемлемо. Например, наличие научного плюрализма по отношению к ключевым, фундаментальным научно-теоретическим категориям, по меньшей мере, влечет за собой формирование такого коррупционного фактора как юридино-лингвистическая неопределенность.

Добросовестные преподаватели спокойно относятся к юридино-лингвистической неопределенности отдельных социальных феноменов, понимая эволюционный характер развития общества и государства, закономерности развития права и его источников. Популисты же пытаются получать сомнительные с точки зрения допустимости источников, дивиденды, спекулировать на подобного рода проблемах, используя самый дешевый из возможных ресурсов – студенческую аудиторию.

Конечно, выбранный формат констатации цитируемых проблем чрезвычайно широк и ориентирован на достаточно узкую, понимающую аудиторию. Тем не менее, констатация когнитивных диссонансов, возникающих не только у студентов, но и у преподавателей, препятствующих результативной работе в аудитории и вне ее, по нашему мнению, необходима. В данном случае, речь идет не только о затруднениях, которые объективно испытывают как студенты, так и преподаватели, ученые, целенаправленно работающие в интересах образовательного процесса.

По-видимому, на сегодняшний день возник дефицит в критической оценке не только и не столько концептуальных, формально-юридических подходов к образовательной деятельности, но, особенно, назрела потребность в осознании подходов к качеству самого юридического образования, где теория государства и права играет важнейшую, судьбоносную, профессионально ориентирующую и непрерывно обеспечивающую, практико-прикладную роль. Полагаем необходимым, поставить вопрос о том, какие проблемы, нужно решать добросовестным преподавателям, совместно со студентами, для того, чтобы нелегкий труд по обретению профессиональных знаний сделать наиболее плодотворным.

Наиболее насущными, по нашему мнению, являются следующие обстоятельства, которые прозвучали в ходе представленных размышлений, и которые формируют немаловажные, по нашему субъективному мнению, соответствующие проблемы:

1) проблема снятия стресса со студентов, обладающих дефицитом знаний и учебных навыков;

2) проблема социокультурного свойства, исходящая от сформированных предубеждений, связанных с вульгарным, стереотипическим отношением к изучению данной дисциплины;

3) проблема обучения студентов не через зубрежку ограниченного количества материала (не искусственное сужение объемов учебной дисциплины теории госу-

дарства и права), а использование преподавательских методик, способных научить студентов воспринимать материал и мыслить образами и не бояться количества материала;

4) проблема создания и применения методик, позволяющих студентам утвердить критическое отношение к восприятию окружающей действительности;

5) проблема воспитательных технологий способных научить студентов толерантно относиться к научному плюрализму, обучить навыкам синтеза научной информации, привить вкус к эстетике изложения материала.

Библиографический список

1. *Бакарджиев, Я. В.* Теория государства и права в 2 ч. Учебник для прикладного бакалавриата / Я. В. Бакарджиев, Р. А. Ромашов, В. А. Рыбаков. – М.: Издательство Юрайт, 2016.

2. *Бялт, В. С.* Теория государства и права: учебное пособие для вузов / В. С. Бялт. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

3. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 504 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

4. *Коркунов, Н. М.* Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

5. *Лазарев, В. В.* Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

6. *Мухаев Р.Т.* Теория государства и права: учебник для бакалавров / Р. Т. Мухаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

7. *Перевалов, В. Д.* Теория государства и права: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / В. Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

8. *Пиголкин, А. С.* Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

9. *Протасов, В. Н.* Теория государства и права: учебное пособие для вузов / В. Н. Протасов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

10. *Рассолов, М. М.* Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / М. М. Рассолов. – М.: Издательство Юрайт, 2016.

11. *Селютина, Е. Н.* Проблемы теории государства и права: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Е. Н. Селютина, В. А. Холодов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

12. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В. К. Бабаев [и др.]; под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016.

13. Теория государства и права: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / А.П. Альбов [и др.]; под общ. ред. А. П. Альбова, С. В. Николюкина. – М.: Издательство Юрайт, 2016.

14. *Шершеневич, Г. Ф.* Избранные труды по общей теории права, гражданскому и торговому праву в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич; сост. В. А. Белов. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

В.Р. Гаипова*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ПИТАНИЕ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В рамках продовольственной безопасности актуальным становится вопрос о реализации и защите права человека на питание. Поскольку органы местного самоуправления играют немаловажную роль в механизме обеспечения продовольственной безопасности, автором предприняты попытки продемонстрировать реализацию права человека на питание на муниципальном уровне.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, право на питание, доступность, постоянство, стабильность, органы местного самоуправления.

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO FOOD AT THE MUNICIPAL LEVEL: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. Within the framework of food security, the question of the realization and protection of the human right to food becomes urgent. Since local governments play an important role in the mechanism of food security, the author attempts to demonstrate the realization of the human right to food at the municipal level.

Key words: food security, the right to food, accessibility, permanence, stability, local governments.

Одним из главных вопросов в продовольственной безопасности, как отдельного государства, так и мира в целом является обеспечение населения качественным и безопасным питанием, доступным каждому. Этот вопрос остается актуальным во все времена. Острая же необходимость в разрешении этого вопроса возникла в настоящее время, в виду огромного сбыта некачественной и вредной для человека продукции, которая, впоследствии, отражается на здоровье человека. Кроме того, потребляемое человеком питание говорит о качестве и уровне жизни в этом государстве. Ввиду чего, государства ставят перед собой задачу по защите прав человека на питание.

* Гаипова Вероника Рустамовна – ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. E-mail: www.veronika.gaipova@mail.ru

Gaipova Veronica Rustamovna, assistant Professor of theory and history of state and law at Ryazan state University named for S. A. Yesenin.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-03-00704 «Функции органов местного самоуправления в механизме обеспечения продовольственной безопасности».

В XX веке термин «право на питание» все чаще стал использоваться в научном мире. Впервые право на питание было включено во Всеобщую декларацию прав человека в 1948 г. Однако, как самостоятельный вид права он бы рассмотрен в Римской декларации о всемирной продовольственной безопасности [1]. В 2012 году Совет ООН отметил, что «Государства несут первостепенную ответственность за поощрение и защиту права на питание. Совет выразил серьезную обеспокоенность в связи с тем, что мировой продовольственный кризис, усугубляемый мировым финансово-экономическим кризисом, серьезно подрывает усилия по осуществлению права на питание для всех и, особенно, для шестой части населения мира, главным образом - в развивающихся и наименее развитых странах, которая страдает от голода, недоедания и отсутствия продовольственной безопасности» [2]. В этот период, под правом на питание подразумевалось обеспечение населения достаточным количеством питания. Однако, работа на количество не привела к успеху, а еще более развила проблему продовольственной безопасности. Необходимы были меры по улучшению качества питания. Ввиду чего был введен термин: «достойное питание».

Таким образом, в настоящий момент под правом на питание, подразумевается «право на обеспечение себя достойным питанием; право на достаточное питание – одно из основных международных прав человека, гарантировать которое обязались многие страны» [3]. Кроме того, в замечаниях общего порядка отмечено, что «право на достаточное питание реализуется в том случае, когда каждый человек - мужчина, женщина и ребенок - отдельно или совместно с другими в любое время имеет физические и экономические возможности для доступа к достаточному питанию или располагает средствами его получения» [4].

Основная роль по защите права на питание человека отведена государственной власти. В рамках поставленной задачи на государственном уровне принимаются нормативные акты, программы, стратегии по социально-экономическому развитию. Однако, участие нельзя исключать участие органов местного самоуправления в данном вопросе. Так, в Аргентине на законодательном уровне право на питание закреплено в Аргентинском продовольственном кодексе, законах, указах и распоряжениях правительства дополняющих указанный нормативный акт, а на нисходящей иерархии – в постановлениях муниципалитетов [5]. Между тем, данная компетенция органов местного самоуправления не в полной мере способствует реализации права на питание на местном уровне.

Необходимость участия органов местного самоуправления в реализации права человека на питание признается на международном уровне. Так, на Всемирной встрече на высшем уровне по проблемам продовольствия в Риме (1996 г.) обсуждалось, что в рамках проблемы продовольствия «необходимо сосредоточить внимание на разработке, поддержке и распространении существующих на местном уровне альтернативных моделей и дальнейших исследованиях в других новых парадигмах, способствующих участию людей и расширению прав и возможностей для всех». Кроме того, по мнению некоторых зарубежных авторов, ключевым приоритетом является возобновление политики голода и продовольственной безопасности на местном уровне, а также продолжение работы на национальном и глобальном уровнях. Без таких действий усилия по закреплению права на питание во внутреннем законодательстве вряд ли будут иметь какой-либо измеримый эффект [6].

1 июня 2017 года в Мадриде состоялась конференция по борьбе с голодом, организованная на местном уровне. Мероприятие, организованное муниципалитетом

Мадрида при поддержке платформы хартии по борьбе с голодом, продолжило работу, начатую на первой конференции по борьбе с голодом, состоявшейся в апреле 2015 года, где почти 40 субъектов, входящих в платформу, смогли официально оформить местный пакт против голода. Одной из основных проблем, выявленных аудиторией, была необходимость согласованных и скоординированных действий и более полного признания роли местных органов власти [7]. Таким образом, подтверждено не только участие органов местного самоуправления в защите прав человека на питание, но и необходимость его участия.

Исследуя право на питание как одну из концепций продовольственной безопасности Емельянова Н.Н. выделяет три элемента, определяющих основу этого права: достаточность, постоянство и доступность [8]. Аспект достаточность определяется как количественная характеристика отражающая необходимое количество продуктов для человека. По нашему мнению, достаточность питания сопряжено с наличием объема продовольствия. На местном уровне наличие пищевых продуктов определяется развитой инфраструктурой, налаженными взаимоотношениями между муниципалитетами, а также, объемом приобретаемых и произведенными домашними хозяйствами продуктов питания.

Доступность продуктов питания характеризуется, как возможность получать продукты питания. Причем доступность понимается как достаточность денежных средств на ее приобретение, наличие специально отведенных мест приобретения продуктов (магазинов, рынков) а также возможность покупки продовольствия любым человеком не зависимо от возраста, социального положения, пола или расы. Здесь органы местного самоуправления играют немало важную роль.

В Швейцарии, например, общины решают задачи, касающиеся общественного транспорта и водоснабжения [9]. В Италии, муниципалитеты вправе самостоятельно решать вопросы торговли и местного производства.

В России, органы местного самоуправления обладают соответствующими правами по обеспечению контроля за торговлей, качеством и безопасностью отечественных и импортируемых товаров, поступающих на потребительский рынок. Кроме того, практикуется создание органами местного самоуправления муниципальных предприятий, с целью обеспечения продовольствием малочисленные поселения.

Следующим элементом права на питание, по мнению Емельяновой Н.Н., является постоянство, под которым понимается доступность продовольствия как для нынешнего, так и для будущих поколений. Постоянство невозможно реализовать без достаточности и доступности продовольствия. Следует отметить, что доступность продовольствия на постоянном уровне достигнуть не так-то просто. В виду сезонности некоторых продуктов или климатической нестабильности (наводнения, засуха). В данном случае, на органы местного самоуправления возложена миссия по налаживанию взаимоотношений между муниципалитетами, а также, способствовать развитию торговли.

Поскольку, в настоящее время мировым сообществом под правом на питание понимается не только его доступность и достаточность, следует выделить еще один элемент права – качество и безопасность питания. Защита прав человека на питание в этой части всецело и полностью отдана на федеральный уровень и полностью контролируется государственной властью. Органам же местного самоуправления отведены полномочия в целях защиты прав потребителей.

Так, в Германии, органы местного самоуправления осуществляют контроль и надзор за предприятиями, полномочия соответствующих органов определяются предписаниями региональных министерств. В соответствии с Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» органы местного самоуправления осуществляют защиту прав потребителей. Ими осуществляется рассмотрение жалоб потребителей, консультирование их по вопросам защиты прав потребителей, обращение в суд для защиты прав потребителей. При этом Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» не содержит полномочий органов местного самоуправления в рамках реализации государственной политики в рассматриваемой сфере.

В Германии местными органами власти также проводится консультирование, однако, оно в первую очередь ориентировано на предоставление потребителю необходимой и достоверной информации о товаре или услуге до совершения покупки или заключения договора, то есть, когда потребитель еще только намерен что-либо купить или заказать какую-либо услугу и стоит перед сложной проблемой выбора.

Таким образом, можно сделать вывод, что органы местного самоуправления также наделены полномочиями по защите права человека на питание. Реализация данного права не возможна в полной мере, без взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. В мировом сообществе все чаще акцентируется на это внимание, в целях создания прочного и действующего механизма обеспечения продовольственной безопасности государства.

Библиографический список

1. См. подроб.: Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности и План действий Всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия // 2016, Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <http://www.fao.org/about/ru/>
2. По данным Центра новостей ООН // <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=17209>
3. Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций: <http://www.fao.org/right-to-food/ru/>
4. General Comment No. 28: The equality of rights between men and women // 2016, Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/Education/Training/Compilation/Pages/b%29GeneralCommentNo28Theequalityofrightsbetweenmenandwomen%28article3%29%282000%29.aspx>
5. Глобальное продовольственное законодательство: обзор, подготовленный Эвелин Кирштайгер-Мейери Тобиасом Баумгартнером, John Wiley & Sons, Incorporated, 2014. Pro Quest Ebook Central, <http://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/detail.action?DocId=1692002>.
6. Для голодающих городов: устойчивые городские продовольственные системы, под редакцией Мустафы Кок и др., Международный исследовательский центр развития, 1999. Pro Quest Ebook Central, <http://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/detail.action?DocId=266312>
7. См. подроб.: Право на питание – в центре внимания участников Второй конференции по борьбе с голодом, организованной муниципальными властями Мадрида: <http://www.fao.org/right-to-food/news/news-detail/ru/c/902513/>

8. Емельянова Н.Н. Право на питание как основа концепции продовольственной безопасности // Правозащитник. – 2016. – № 1 // <http://pravozashitnik.net/ru/2016/1/8>

9. Пособие по демократии. Функционирование демократического государства на примере Швейцарии. – М., 1994. – С. 28.

Э.А. Мизелифова*

К ВОПРОСУ О НОВОМ ПОРЯДКЕ ГОЛОСОВАНИЯ ПО МЕСТУ НАХОЖДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯ

Аннотация. Введение нового порядка голосования по месту нахождения существенно расширило возможности граждан осуществить свое активное избирательное право. Но данная система не может в полной мере реализовать право граждан избирать, в связи с возможными проблемами применения нового порядка голосования. Проведенное исследование выявило два возможных варианта решения возникающих проблем: внедрение электронного голосования и голосования по доверенности.

Ключевые слова. Новый порядок голосования по месту нахождения избирателя, субсидиарный порядок голосования, Электронное голосование, Комплексы электронного голосования, голосование по доверенности.

TO THE QUESTION ABOUT THE NEW VOTING PROCEDURE AT THE LOCATION OF THE VOTER

Annotation. The introduction of a new voting procedure at the location has significantly increased the opportunities for citizens to realize their active right to vote. But this system can not fully realize the right of citizens to vote, due to possible problems of the new voting procedure. The study identified two possible solutions to the problems: the introduction of electronic voting and proxy voting.

Keywords: New voting procedure at the location of the voter, subsidiary voting procedure, Electronic voting, Electronic voting systems, proxy voting.

В июне 2017 года в связи с принятием Федерального закона от 01.06.2017г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было существенно изменено избирательное законодательство [1] в части порядка голосования, а именно, вместо системы открепительных удостоверений, установленных в Федеральном Законе от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2] был введен новый субсидиарный порядок голосования по месту нахождения избирателя. Причины внедрения такого порядка голосования достаточно очевидны. Многие граждане не могут прийти на избирательные участки в связи с тем, что проживают не по месту своей регистрации, находятся в командировке или в отпуске, работают в режиме непрерывного цикла либо вахтовым методом. А для того, чтобы получить открепительное удостоверение, им опять-таки нужно было прибыть на избирательный участок по месту регистрации, что заведомо сложно.

* **Мизелифова Эльвира Абрудиновна**, магистрант Института публичного права и управления Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: elya13-96@mail.ru

Mizelifova Elvira Abrudinovna, master's degree student of The Institute of public law and management of the Moscow state law University named after O. E. Kutafin (MSAL).

Новый порядок голосования по месту нахождения включает в себя 4 возможных варианта подачи заявления: 1) в любую территориальную избирательную комиссию; 2) в любую участковую избирательную комиссию; 3) через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг; 4) через Единый портал государственных и муниципальных услуг. Период подачи заявлений начинается за 45 дней до дня голосования и заканчивается в 14 часов по местному времени дня, предшествующему дню голосования [2]. Порядок подачи заявлений о включении избирателя в список избирателей по месту нахождения на выборах в органы государственной власти субъекта РФ и на выборах Президента России устанавливается ЦИК России [3, 4].

На прошедших выборах Президента Российской Федерации заявление о голосовании по месту нахождения подали примерно 5,7 млн. человек [8], что является относительно высокими показателями применения новой системы голосования.

Но при реализации нового порядка голосования по месту нахождения могут возникать определенные проблемы. В-первых, возможно влияние работодателей на своих работников с целью обязать голосовать на определенном избирательном участке. Во-вторых, новый порядок голосования не учитывает особенного положения тех граждан, которые работают водителями большегрузных автомобилей, перевозящих грузы на дальние расстояния. Данная профессия не позволяет гражданам быть точно уверенными, где они будут находиться в определенный день, в силу чего данная категория лиц не может подать заявление о голосовании по месту нахождения и реализовать свое избирательное право.

Схожая ситуация возникает и в отношении тех лиц, которые находятся в день голосования в поездах или в самолетах, так как не на всех станциях и аэропортах образованы избирательные участки. В-третьих, проблемой также остается возможность подачи заявления только один раз. Очевидно, у многих избирателей могут измениться планы относительно места их нахождения в день голосования. В таком случае, они не смогут подать повторное заявление об изменении места своего нахождения в день голосования, если даже это позволят установленные законом сроки. Соответственно – не смогут и осуществить свое конституционное право голосовать на выборах.

Кроме того, не исключается вариант отсутствия граждан, подавших заявление в соответствии с новым порядком голосования, в списке избирателей при наличии у них на руках отрывной части заявления, как и не исключена возможность того, что члены участковых избирательных комиссий недостаточно осведомлены о процедуре нового порядка голосования и не предоставляют избирателю возможности проголосовать.

Отсюда вытекает еще одна проблема, – возможность обжалования таких решений участковых избирательных комиссий и выплаты компенсации морального вреда гражданам, лишенным права проголосовать. В связи с этим, возникает необходимость в обучении членов избирательных комиссий, а также системных администраторов Государственной автоматизированной системы «Выборы» новому порядку организации предоставления возможности гражданам голосовать по месту нахождения.

Повторю, что этот порядок голосования допускает подачу заявления через Единый портал государственных и муниципальных услуг, но в последние дни подачи заявлений возможны технические сбои на сайте ввиду его сильной загруженно-

сти. В итоге, это также может стать причиной невозможности подачи заявления либо потери информации по направленным заявлениям.

Еще одной системной проблемой является недостаточная осведомленность граждан о наличии у них права голосовать по месту нахождения. Особенно это важно для лиц с ограниченными возможностями, которые не могут прибыть на избирательный участок, тем более проживая не по месту регистрации.

Как известно, за пределами России создаются избирательные участки, где граждане могут проголосовать. Но, данные участки образуются не во всех странах или городах, а лишь там, где чаще всего отдыхают граждане РФ. По имеющимся данным, за границей на избирательных участках выстраивались огромные очереди, так что голосование занимало слишком много времени, что неудобно для избирателей [10].

Самостоятельной проблемой является то, что новый порядок голосования по месту нахождения может спровоцировать двойное голосование. Возможна такая ситуация, при которой гражданин, не включенный в список избирателей по месту регистрации, подает заявление о голосовании по месту нахождения в другую комиссию и соответственно там голосует. После этого, придя на свой избирательный участок по месту регистрации, он может быть включен в дополнительный список на основании регистрации в паспорте и проголосовать во второй раз. Проблема состоит в том, что избирательная комиссия не может проследить, где гражданин мог быть включен в список избирателей, т.к. изначально он отсутствовал в списке избирателей по месту регистрации.

Многие выявленные проблемы проявились в процессе проведения выборов Президента России в марте 2018 года, что нашло свое отражение в содержании жалоб, поступивших на сайт «Карта нарушений на выборах 2018» [9]. Структура и статистика нарушений такова. В разделе «Административный ресурс» было подано 1367 жалоб, в том числе, на давление начальства на избирателей, использование возможностей органов власти для создания преимуществ, использование бюджетных ресурсов и воздействие правоохранительных органов. А также, в день голосования была подана 331 жалоба на нарушения при проведении голосования по месту нахождения, «на дому» и незаконное голосование. 185 сообщений поступило относительно невключения в списки избирателей, непредоставления права голоса.

Эти факты требуют тщательного анализа и достаточно больших организационных усилий для совершенствования нового порядка голосования по месту нахождения. Одним из вариантов решения этой задачи является внедрение системы электронного голосования на выборах, которая активно применяется в зарубежных странах.

В марте на выборах Президента России 806 участков для голосования были оборудованы Комплексом для электронного голосования (далее по тексту КЭГ) [5]. В Постановлении ЦИК Российской Федерации от 22.03.2018 г. № 151/1254-7 «О результатах анализа обращений и иной информации, поступившей в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации со дня голосования на выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года» было указано, что в связи с допущенными нарушениями, не позволяющими с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей, были признаны недействительными итоги голосования на 14 избирательных участках в 9 субъектах Российской Федерации [6]. В перечень данных субъектов входят Кемеровская и Нижегородская области, некоторые участки которых были оборудованы Комплексом электронного голосования

(КЭГ). В Кемеровской области на двух участках итоги голосования были признаны недействительными из-за «вбросов бюллетеней» [11], но, по имеющейся информации, данные участки не были оборудованы КЭГ [7]. Такая же ситуация имела место быть и в Нижегородской области. Данные факты подтверждают надежность системы электронного голосования.

Внедрение электронного голосования в систему выборов позволило бы существенно расширить возможности российских граждан в плане их общественно-политического участия, достичь качественно нового уровня их активности. При помощи голосования через Интернет граждане могли бы выражать свою волю независимо от места жительства, что особенно важно для граждан, проживающих за пределами РФ. Но это – далеко не единственное преимущество. Данное голосование повысит интерес к участию в выборах у молодежи, среди людей с ограниченными возможностями, которые в силу своих физических ограничений не могут принять непосредственного участия в выборах; также могут быть значительно сокращены временные и транспортные затраты граждан.

Но, введение системы электронного голосования требует значительных финансовых затрат, что однозначно препятствует массовому использованию этой системы на всей территории РФ. Возможные сбои в электроснабжении могут привести к нарушениям в системе электронного голосования. Индия, разбираясь в данной проблеме, смогла найти ее решение. В этой стране многие избирательные участки находятся в тех регионах, где имеются проблемы с электричеством. И поэтому было решено применять автономные машины для голосования, которые работают от аккумуляторов (батарей). И даже, если происходит сбой в системе голосования, голоса, которые были поданы ранее, сохраняются в памяти; так что нет необходимости начинать голосование заново.

Также во многих государствах применяется такой субсидиарный способ голосования как голосование по доверенности. Если гражданин, в силу определенных обстоятельств, не может проголосовать в день голосования на «своем» избирательном участке, заранее выданная доверенность на другое лицо, дает ему возможность реализовать избирательное право. Голосование по почте также активно применяется в Великобритании, Франции, Германии, Китае, Швеции и Бельгии.

Но, в любом случае, для введения альтернативных (субсидиарных) способов голосования необходимо провести социологические исследования готовности избирателей воспользоваться новыми способами голосования. Возможно, голосование по доверенности и голосование с использованием информационно-коммуникационных технологий окажется весьма популярным.

Расширение возможностей и способов голосования на выборах напрямую влияет на реализацию принципа всеобщего избирательного права, на доверие к выборам, легитимацию власти, социальную стабильность и социальное благополучие общества в целом.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.06.2017 г. № 104-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 23. – Ст. 3227.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ

(с изм. и доп., вступ. в силу с 06.05.2018г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

3. О Порядке подачи заявления о включении избирателя, участника референдума в список избирателей, участников референдума по месту нахождения на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации, референдуме субъекта Российской Федерации и о проекте Порядка подачи заявления о включении избирателя в список избирателей по месту нахождения на выборах Президента Российской Федерации: Постановление ЦИК Российской Федерации от 09.06.2017г. № 86/739-7 // Вестник Центральной Избирательной Комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/documents/2017/06/09/28694.html> (Дата обращения: 21.05.2018г.).

4. О Порядке подачи заявления о включении избирателя в список избирателей по месту нахождения на выборах Президента Российской Федерации (с учетом изменений): Постановление ЦИК Российской Федерации от 01.11.2017г. № 108/900-7 // Вестник Центральной Избирательной Комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/documents/2017/11/01/28881.html> (Дата обращения: 21.05.2018г.).

5. Об использовании при голосовании на выборах Президента Российской Федерации комплексов для электронного голосования: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 17 января 2018г. N 129/1073-7// СПС «Гарант» – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71755970/> (Дата обращения 22.05.2018г.).

6. О результатах анализа обращений и иной информации, поступившей в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации со дня голосования на выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года: Постановление ЦИК Российской Федерации от 22.03.2018г. № 151/1254-7// Вестник Центральной Избирательной Комиссии Российской Федерации. – 2018. – № 8 (374). – С. 174.

7. О перечне избирательных участков, на которых при голосовании на выборах Президента Российской Федерации используются комплексы для электронного голосования: Постановление избирательной комиссии Кемеровской области от 01.02.2018 г., № 27/279-6 .

8. Сайт «Голос» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.golosinfo.org/ru/articles/142556> (Дата обращения 21.05.2018 г.); Сайт «Карта нарушений на выборах 2018 при поддержке движения «Голос» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kartanarusheniy.org/2018-03-18/stat> (Дата обращения 22.05.2018 г.).

9. Сетевое издание «360tv.ru» [Электронный ресурс]. – URL: <https://360tv.ru/news/tekst/vybory-zagranitsa/> (Дата обращения 22.05.2018 г.).

10. Федеральная экспертная сеть «Клуб Регионов» [Электронный ресурс]. – URL: <http://club-rf.ru/42/news/49746> (Дата обращения 28.05.2018 г.)

РЕЦЕНЗИЯ

**на монографию С.М. Воробьева «Дискредитация России:
сущность, распространение, предотвращение
(историко-правовое исследование). –
Рязань: Академия ФСИН России, 2018.**

Актуальность темы монографии не вызывает сомнений, в настоящее время дискредитация выступает одним из способов ведения информационной войны, с целью подрыва целостности и суверенитета государства. Дискредитация при этом рассматривается автором в качестве социально-политического явления в связи с тем, что с одной стороны она направлена на изменение мнения о действующей государственной власти со стороны населения, а с другой стороны связана с реализацией внутренней и внешней политикой.

В монографии с учетом изучения историко-правовых особенностей развития российского государства рассматриваются вопросы о диалектико-правовой сущности, причинах распространения, формах дискредитации государственной власти России со стороны западных политических институтов, а также внутригосударственные меры ее предотвращения. В работе констатируется, что дискредитация весьма сложный, многоуровневый и длительный процесс, развивающийся как в сфере, так и вовне отношений государственной системы управления. Актуальность избранной темы исследования также продиктована необходимостью изучения детерминант распространения дискредитации и необходимостью разработки государственно-правовых мер противодействия и нейтрализации дискредитации. Обоснованность положений, выводов и предложений по изменению российского законодательства, а также их достоверность в настоящей работе обеспечены достаточно хорошим уровнем теоретической аргументации, учитывающей широкий спектр познаний в области философии, права, политологии, психологии, истории, управления социальными процессами. С целью качественного анализа автором весьма успешно был адаптирован в работе закон материалистической диалектики – единство и борьбы противоположностей на примере политического противоречия двух противоположных социально-экономических систем капиталистической и социалистической, обусловившего распространение названного вида дискредитации в мировом сообществе, с учетом последовательных ступеней развития противоречия.

В целом в работе выдержана логика содержания, отражающая ее структуру, а также достижение определенной цели. Монография состоит из двух глав, объединяющих в себя 8 параграфов, материал которых обладает общим единством.

Первая глава посвящена анализу внешнеполитической дискредитации России с учетом ее диалектико-правовой сущности. При этом автор предпринял попытку изучения в работе дискредитации как способа противоборства Западных держав Советскому Союзу в период Второй мировой войны, особенности ее распространения против стран социализма в главных направлениях «холодной войны», а также антироссийская дискредитационная деятельность западных стран.

Вторая глава посвящена изучению вопросов связанных с внутривластной дискредитацией государственной власти в условиях функционирования российского государства. Автор подверг теоретико-методологическому анализу детерминанты

возникновения и распространения дискредитации государственной власти в России, ее формы распространения, а также внутригосударственные меры предотвращения дискредитации государственной власти в России.

Заключение содержит обобщение полученных результатов.

Полагаю, что монография отличается научной новизной, которая заключается в комплексном историко-правовом исследовании дискредитации государственной власти с учетом анализа исторических фактов доказывающих существование этого социально-политического явления. Научной новизной отличаются и разработанные автором предложения по совершенствованию российского законодательства в сфере противодействия распространения дискредитации государственной власти со стороны западных акторов.

Теоретическое и практическое значение материалов монографии состоит в том, что автор одним из первых в теории и истории государства и права предпринял попытку научного осмысления социально-политического явления дискредитации, осуществил анализ форм дискредитации, предпосылки и детерминанты способствующих ее распространению с учетом исторических особенностей развития российской государственности. Результаты исследования представляют собой новые научные знания, которые, несомненно, будут востребованы для дальнейшего развития теории антидискредитационной политики связанной с выработкой внутригосударственных мер направленных на предотвращение дискредитации государственной власти в России.

Таким образом, подготовленная С.М. Воробьевым монография на тему «Дискредитация России: сущность, распространение, предотвращение (историко-правовое исследование)» (Рязань, 2018) представляет собой научную работу, имеющую значение для развития теории и истории государства и права и на этом основании рекомендуется к опубликованию и в дальнейшем может быть использована в образовательном процессе.

Научный руководитель
Юридического института (Санкт-Петербург),
профессор кафедры
теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор
С.А. Комаров

С.А. Комаров*
Д.А. Липинский**

ЮБИЛЕЙ РУДОЛЬФА ЛЕВОНОВИЧА ХАЧАТУРОВА

Персоналия посвящена 80-летию известного российского ученого, специалиста в области теории и истории государства и права, доктора юридических наук, профессора Хачатурова Рудольфа Левоновича. В статье рассматриваются основные научные достижения юбиляра в области теории и истории государства и права, показывается личный вклад в развитие данных наук, а также в подготовку научно-педагогических кадров. Говорится о научной школе профессора Р. Л. Хачатурова, созданной им в г. Тольятти Самарской области.

Ключевые слова: Рудольф Левонович Хачатуров, юбилей, теория, история, биография, персоналия, этапы жизненного и научного пути, научная школа, научные достижения, научные работы.

ANNIVERSARY OF RUDOLF LEVONOVICH KHACHATUROV

The personalia is dedicated to the 80th anniversary of the famous Russian scientist and expert in the theory and history of state and law, doctor of legal sciences, professor Rudolf Levonovich Khachaturov. This article discusses the major scientific achievements of the scientist in the theory and history of state and law, shows his personal contribution to the development of these sciences, as well as to the training of teaching staff. The article also mentions the scientific school of professor R. L. Khachaturov which he has created in Togliatti, Samara region. The staff of the Institute of Law of Togliatti State University wishes him new scientific achievements, good health and personal well-being.

Keywords: Rudolph Levonovich Hachaturov, anniversary, theory, history, biography, personalia, stages of life and scientific career, scientific school, scientific achievements, scientific works.

5 марта 2019 г. юридическая общественность и Тольяттинский государственный университет отмечают юбилей одного из ведущих ученых-юристов страны – 80-летие со дня рождения *Рудольфа Левоновича Хачатурова*, доктора юридических

* **Комаров Сергей Александрович**, Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKkomarov2008@yandex.ru

Komarov Sergey A., President of the Interregional Association of theorists of state and law, scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), doctor of law, Professor.

** **Липинский Дмитрий Анатольевич** – профессор кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти), доктор юридических наук, профессор. E-mail: Dmitri8@yandex.ru.

Lipinsky Dmitry A., Professor of Theory of State and Law Department of Togliatti State University, Togliatti State University, Doctor of Legal Sciences, Professor. E-mail – Dmitri8@yandex.ru.

наук, профессора, Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации.

Р.Л. Хачатуров родился 5 марта 1939 г. в г. Тбилиси в семье рабочих, учился в школе, служил в рядах Вооруженных Сил СССР. В 1963 г. поступил на юридический факультет Иркутского государственного университета, который успешно закончил в 1967 г. По воспоминаниям, опубликованным на интернет-портале «Юридическая Россия», будущий профессор в студенческие годы активно занимался наукой, был членом различных кружков при кафедрах института. Еще студентом он готовил задел для кандидатской диссертации. По окончании университета Р.Л. Хачатуров был оставлен на кафедре теории и истории государства и права.

1967 году в центральном юридическом журнале «Советская юстиция» была опубликована его статья «Создание советских судов в Иркутске» [1]. В 1970 г. Р.Л. Хачатуров под научным руководством профессора Е.А. Скрипилёва (официальные оппоненты И.Д. Мартысевич, Ю.П. Титов, ведущий вуз – Красноярский государственный университет) в диссертационном совете Московского государственного университета защитил кандидатскую диссертацию на тему «Становление советского судебного аппарата в Восточной Сибири». В 1988 г. им была защищена докторская диссертация в Академии наук Украинской ССР (г. Киев) на тему «Становление древнерусского права». Ученое звание профессора присвоено в 1990 г.

С 1967 по 1975 г. Р.Л. Хачатуров работал в Иркутском госуниверситете преподавателем, старшим преподавателем и доцентом кафедры теории и истории государства и права. В 1975 г. был переведен в Омский государственный университет, где трудился пять лет. Последовательно занимал должности доцента, заместителя декана экономико-правового факультета, заведующего кафедрой теории и истории государства и права.

С 1980 г. работал 14 лет в Министерстве внутренних дел СССР, начальником кафедры общеправовых дисциплин Тбилисского факультета Московской высшей школы МВД СССР, начальником кафедры общеправовых дисциплин высшей школы милиции МВД Республики Грузия.

В 1994 г. Р.Л. Хачатуров переехал в г. Тольятти. Можно сказать, что «технократичному» городу повезло, что в него приехал жить и работать такой выдающийся ученый-юрист. На тот момент в городе был всего один кандидат юридических наук. Благодаря Р.Л. Хачатурову в Тольятти была создана юридическая школа, которая получила известность не только в Поволжье, но и во всей России. Им было подготовлено 37 кандидатов и 5 докторов юридических наук, из которых более чем две трети работают и проживают в Тольятти. Под его научным консультированием защитили докторские диссертации А. А. Гогин, С. В. Жильцов, Д. А. Липинский, В. Г. Медведев, Ю. В. Оспенников.

С момента переезда Р.Л. Хачатуров работал в Международной академии бизнеса и банковского дела профессором, заведующим кафедрой теории и истории государства и права, деканом юридического факультета, а впоследствии, с 1995 г., трудился в Волжском университете им. В. Н. Татищева профессором, зав. кафедрой теории и истории государства и права, проректором по научно-исследовательской работе.

В 2007 г. он был приглашен в Тольяттинский государственный университет для создания юридического факультета, где был профессором кафедры теории и истории государства и права, деканом юридического факультета, В 2011 году юридический факультет был преобразован в Институт права и Р.Л. Хачатуров занял долж-

ность директора института, а с апреля 2013 г. – зам. директора по научно-исследовательской работе. В настоящее время он успешно работает профессором кафедры теории и истории государства и права Института права Тольяттинского государственного университета, получившего статус опорного университета.

Р. Л. Хачатуров внес большой вклад в его становление, непосредственно под его руководством и деятельном участии созданы шесть кафедр, учебные лаборатории, ежегодно организовалась работа научных конференций различного уровня, успешно пройдена общественная аттестация и государственная аккредитация, выиграны федеральные гранты на проведение научных исследований. На различных кафедрах Института права Тольяттинского государственного университета работают его многочисленные ученики: А. А. Гогин, Э. А. Джалилов, С. В. Жильцов, Д. А. Липинский, В. Г. Медведев, А. А. Мусаткина, Г. А. Ожегова, И. В. Попрыдухина, В. В. Романова, О. Е. Репетева, М. В. Шавалеев, А. Н. Федорова и др.

Р.Л. Хачатуров ведет большую научно-методическую работу, он – автор свыше 400 научных, учебных и методических работ общим объемом свыше 1000 печатных листов. Он известен в научном мире как крупный специалист в области юриспруденции. Сферу его научных интересов составляют проблемы теории государства и права, истории государства и права и международного права. Личной заслугой ученого можно признать создание межотраслевой общей теории юридической ответственности как целостного правового явления.

В области истории государства и права личной заслугой Р. Л. Хачатурова является концепция становления древнерусского права, согласно которой это длительный исторический процесс, начавшийся в VI–IX вв. и завершившийся переходом от казуального к обычному праву. Правовое развитие на втором этапе выступает в виде писаного права. В X в. завершается переход от устного обычного права и законов к писаному праву, создаваемому правотворчеством Древнерусского государства.

Договоры Руси с Византией, заключенные в 911, 944 и 971 гг., – это, по концепции Р. Л. Хачатурова, не торговые, а мирные, международные договоры, регулировавшие большой комплекс вопросов мирного сосуществования. В области международного права личной его заслугой является авторское определение «международно-правовой ответственности» в качестве одного из средств международно-правового регулирования.

В число наиболее значимых работ Р. Л. Хачатурова входят: «Некоторые методологические и теоретические вопросы становления древнерусского права» [2], «Становление древнерусского права» [3]; «Договоры Руси с Византией» [4]; «Становление права» [5]; «Мирные договоры Руси с Византией» [6]; «Юридическая ответственность» [7]; «Византия и Русь» [8]; «Ответственность в современном международном праве» [9]; «Русская Правда» [10]; «Источники права. Вып. 1–25» [11]; «Правовые системы». Словарь-справочник [12]; «Юридические термины и понятия» [13]; «Краткий юридический словарь» [14]; «Общая теория юридической ответственности» [15]; «История государства и права: учебное пособие [20].

Наиболее плодотворными для Р.Л. Хачатурова стали последние 3 года с 2017 по 2019 гг., когда под его общей редакцией вышли в свет ряд крупных общетеоретических монографий, отражающих закономерные тенденции развития общей теории государства и права. Это, прежде всего «Юридическая ответственность: философский, социологический, психологический и межотраслевые аспекты» [21]; «Отрасли

законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты» [22]; «Общетеоретический и отраслевой аспекты нормы права» [23]; «Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции» [24].

Р. Л. Хачатуров является соавтором, ответственным редактором и руководителем авторского коллектива пятитомной «Антологии юридической ответственности» [16]. Он же соавтор, ответственный редактор и руководитель авторского коллектива трехтомной «Юридической энциклопедии для студентов всех специальностей» [17], автор пятитомной «Юридической энциклопедии» [18].

Под общей редакцией Р. Л. Хачатурова опубликовано 50 монографий. Особо следует отметить фундаментальный труд авторского коллектива под его редакцией, где он является также соавтором – 35-томное научно-учебное пособие «Памятники российского права» [19].

Р. Л. Хачатуров был ответственным редактором научного сборника «Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева» (вып. 1–67, Тольятти, 1998–2007), главным редактором научного журнала «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки».

Р.Л. Хачатуров – прекрасный педагог, известный ученый в области юриспруденции. Его активная организаторская деятельность, высоко квалифицированная учебно-методическая и научная работа способствуют развитию образования, фундаментальной и прикладной науки в России. За безупречную профессиональную деятельность и активное участие в общественной жизни имеет правительственные награды: 1985 г. – медаль «Ветеран труда», 1987 г. – медаль «За безупречную службу III степени», 1989 г. – нагрудный знак «За отличную службу в МВД», 2009 г. – Почетный работник высшего профессионального образования РФ, 2010 г. – Почетная грамота Министерства образования и науки Самарской области, 2013 г. – Почетная грамота губернатора Самарской области. В 2016 г. Указом Президента РФ было присвоено звание Заслуженный работник высшего образования. - Неоднократно награждался в вузах страны благодарностями, почетными грамотами, ценными подарками.

Р.Л. Хачатуров как человек, профессионал и руководитель пользуется заслуженным уважением и авторитетом среди коллег, студентов аспирантов. Ему присущи такие качества, как широкая научная эрудиция, профессиональное, педагогическое и лекторское мастерство, душевное обаяние, тактичность, общительность, стремление оказать помощь в любой ситуации.

Юбиляр полон энергии и творческих планов, о нём без преувеличения можно сказать – Учитель, Педагог, прекрасный Человек, признанный Мэтр отечественной юриспруденции.

Члены Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, преподаватели Института права Тольяттинского государственного университета, его ученики, студенты и все выпускники сердечно, от всей души поздравляют Рудольфа Леоновича Хачатурова с его юбилеем и желают ему крепкого здоровья, счастья, благополучия и новых творческих научных свершений!

Библиографический список

1. Хачатуров Р.Л. Становление советских судов в Иркутске: статья // Советская юстиция. – 1967. – № 21. – С. 14-15.

2. *Хачатуров Р.Л.* Некоторые методологические и теоретические вопросы становления древнерусского права: учеб. Пособие. [Текст]. – Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 1974. – 185 с.
3. *Хачатуров Р.Л.* Становление древнерусского права. – М.: ИНИОН, 1987.
4. *Хачатуров Р.Л.* Договоры Руси с Византией. – М.: ИНИОН, 1987.
5. *Хачатуров Р.Л.* Становление права: (На материале Киев. Руси). – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1988. – 260 с.
6. *Хачатуров Р.Л.* Мирные договоры Руси с Византией. – М.: Юридическая литература, 2008. – 256 с.
7. *Хачатуров, Р.Л., Ягутян, Р.Г.* Юридическая ответственность // Р. Л. Хачатуров, Р. Г. Ягутян. - Тольятти: А Print: Междунар. акад. бизнеса и банк. дела, 1995. – 196 с.
8. *Хачатуров Р.Л.* Византия и Русь. – Тольятти: Издательство ТГУ, 1996.
9. *Хачатуров Р.Л.* Ответственность в современном международном праве – Тольятти: Издательство ТГУ, 1996.
10. *Хачатуров Р.Л.* Русская Правда. – Тольятти: Издательство ТГУ, 2002.
11. *Хачатуров Р.Л.* Источники права, учебное пособие. Вып. 1-25 /Под ред. Р.Л. Хачатурова. – Тольятти: Издательство ТГУ, 1996-2007.
12. *Хачатуров Р.Л.* Правовые системы: Словарь-справочник. – Тольятти: Издательство ТГУ, 2007.
13. *Хачатуров Р.Л.* Юридические термины и понятия – Тольятти.
14. *Хачатуров Р.Л.* Краткий юридический словарь: учебное пособие. – Тольятти: Издательство ТГУ, 2007.
15. *Хачатуров Р.Л.* и др. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007.
16. *Хачатуров Р.Л.* Антология юридической ответственности. В 5 тт. /Под ред. Р.Л. Хачатурова. – Самара, 2012.
17. *Хачатуров Р.Л.* Юридическая энциклопедия для студентов всех специальностей. В 3-х тт. – Тольятти, 2011.
18. *Хачатуров Р.Л.* Юридическая энциклопедия. В 5 тт. /Под ред. Р.Л. Хачатурова. – Тольятти, 2003-2005.
19. *Хачатуров Р.Л.* Памятники российского права. В 35 тт. /Под ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2013-2017.
20. *Хачатуров Р.Л.* История государства и права: учебное пособие. – Тольятти: Издательство ТГУ, 2007.
21. *Хачатуров Р.Л. и др.* Юридическая ответственность: философский, социологический, психологический и межотраслевые аспекты /Под ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2017. – 600 с.
22. *Хачатуров Р.Л. и др.* Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография [Текст] /Под общей редакцией Р.Л. Хачатурова. – М.: Изд-во Юрлитинформ, 2017. 584 с.
23. *Хачатуров Р.Л. и др.* Общетеоретический и отраслевой аспекты нормы права: монография // Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 440 с.
24. *Хачатуров Р.Л. и др.* Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции: монография // Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 464 с.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2018 ГОД

Ф.И.О.	Наименование публикации	Номер, страницы
Альбиков Р.Ф.	Обучение и воспитание юридических кадров как средство реализации образовательной политики	№ 1, 8-16
	Муниципальный фильтр: не назначение и не выборы, или кто крайний в очереди на губернаторство?	№ 4, 134-141
Арзамасов Ю.Г.	Кафедра теории и истории права НИУ-ВШЭ	№ 1, 17-45
Беновицкая Е.Р.	В.М. Хвостов о правонарушении и защите права	№ 4, 14-17
Богатова Е.В.	Правовая культура товаропроизводителей в сфере сельского хозяйства	№ 3, 13-15
	Внешнее проявление правовой культуры: основные формы и методика установления	№ 4, 18-23
Володина Н.В.	Использование основных принципов методологии и основ научной методике в современной юриспруденции при исследовании преступности	№ 1, 46-52
Васильева И.О.	Влияние правовой системы России на романо-германскую правовую семью (на примере стран СНГ)	№ 2, 15-26
Верба Д.В.	Государственное устройство и система конституционного законодательства России: вопросы дисбаланса теории и практики правового регулирования	№ 2, 33-40
Винокуров В.А.	Свобода научного творчества и проблемы публикации результатов научных исследований в области права	№ 2, 12-14
	Отдельные проблемы конституционной обязанности физических лиц по уплате налогов	№ 4, 142-148
Галиев Ф.Х.	Соционормативная основа правового государства	№ 2, 46-52
	Правовизация и демократизация государственной и общественной жизни (к 80-летию со дня рождения и выходу в свет книги «Правовое обществоведение» Ф.М. Раянова)	№ 4, 161-169
Денисов С.А.	Методология исследования одного из аспектов социальной роли права конкретной страны	№ 4, 24-32
Дроздова А.М.	Влияние правовой системы России на романо-германскую правовую семью (на примере стран СНГ)	№ 2, 15-26
	Правовое образование личности в процессе формирования основ гражданского общества в России	№ 4, 33-36

Теория государства и права

Евсеенкова С.В.	Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: проблемы и перспективы	№ 2, 27-32
Енгибарян М.А.	Соотношение компенсации смежных правовых категорий	№ 1, 53-58
Жунусканов Т.Ж.	Еще раз о значении источников в формировании конституционного законодательства: научно-практический анализ на примере России и Казахстана	№ 1, 59-63
	Государственное устройство и система конституционного законодательства России: вопросы дисбаланса теории и практики правового регулирования	№ 2, 33-40
Залужный А.Г.	Личность религиозного экстремиста: теоретико-правовой анализ	№ 1, 64-68
Зорькин В.Д.	Справедливость – императив цивилизации права	№ 2, 67-80
Иванов С.А.	Проблемы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью	№ 4, 157-160
Ивлиев П.В.	Средства массовой информации в формировании правового сознания российских граждан: вопросы теории	№ 3, 16-21
	Влияние и роль СМИ в выборном процессе	№ 4, 128-133
Ирошников Д.В.	Теоретико-правовой анализ объектов безопасности и их отражение в российском праве	№ 4, 37-44
Кирюхина Л.	Перспективы развития электронной демократии в Российской Федерации	№ 3, 22-28
Ковалева А.С.	О человеке, личности и духовности	№ 3, 29-33
Ковальский Е.С.Ч.	Историческая эволюция идеи «права человека	№ 2, 41-45
Комаров В.С.	Историческая эволюция идеи «права человека	№ 2, 41-45
	Защита прав и свобод граждан Конституционным Судом Российской Федерации в процессе обжалования судебных решений судов общей юрисдикции	№ 3, 75-78
Комаров С.А.	Соционормативная основа правового государства	№ 2, 46-52
	Рецензия на монографию Ольги Эдуардовны Старовойтовой на тему «Тело человека и закон» / Старовойтова О. Э.; вступ. ст. Э. В. Кузнецова. – СПб., 2018. – 130 с.	№ 2, 81-82
	Правовизация и демократизация государственной и общественной жизни (к 80-летию со дня рождения и выходу в свет книги «Правовое обществоведение» Ф.М. Раянова)	№ 4, 161-169
Кондратьев П.О.	Правовое регулирование рынка юридических услуг	№ 3, 79-82
Крылова Е.Г.	Проблемы легализации правового статуса самозанятых в современном мире	№ 3, 34-39

Кузьмин И.А.	К вопросу об особенностях реализации юридической ответственности в контексте правового регулирования	№ 4, 45-49
Курмаев Р.М.	К вопросу понимания сущности правосознания и правовой культуры граждан	№ 3, 40-46
Лещенко О.В.	К вопросу понимания сущности правосознания и правовой культуры граждан	№ 3, 40-46
Литвинов А.М.	Основания досрочного прекращения полномочий члена парламента Российской Федерации на современном этапе	№ 2, 53-59
	Необходимость дополнительного нормативно-правового регулирования института досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы в связи с обязанностью по предотвращению и урегулированию конфликта интересов	№ 3, 64-70
Лукашенко В.С.	Избрание главы муниципального образования: прямые и косвенные инструменты демократии	№ 4, 123-127
Мамедов А.К.	Парадоксы глобальной безопасности: Ближний Восток	№ 4, 50-54
Мамитова Н.В.	Российский конституционализм: этапы становления и развития	№ 4, 109-114
Маркунин Р.С.	Значение системы юридической ответственности органов публичной власти в правовом государстве	№ 3, 71-74
Мицкая Е.В.	К вопросу о примирении по уголовным делам посредством медиации	№ 4, 149-156
Мурсалимов К. Р.	Правообразующая деятельность государства: методологический аспект	№ 4, 55-59
Мустафин И.Р.	Аксиологические аспекты построения законодательства Республики Башкортостан	№ 4, 60-63
Новиков Д.О.	Участие институтов гражданского общества в охране общественного порядка: история и современность	№ 3, 47-51
Пестов С.В.	Противоправное воздействие на детей и молодежь в киберпространстве	№ 4, 64-74
Печникова О.Г.	Об истории и проблемах современного нормативного регулирования развития топливно-энергетического комплекса	№ 3, 52-56
	Нормативное регулирование становления и развития топливно-энергетического комплекса в России	№ 4, 75-78
Попова А.В.	Аграрная теория С.Н. Булгакова: к вопросу о роли России в современной мировой системе хозяйствования	№ 4, 79-83
Пронина К.Ю.	Некоторые проявления правового нигилизма в сфере интеллектуальной собственности	№ 4, 84-89

Теория государства и права

Раянов Ф.М.	В отечественной теоретической правовой науке нужен прорыв	№ 3, 57-63
Ревнов Б.А.	Значение юрисдикции Конституционного Суда Российской Федерации для развития законодательства субъектов Российской Федерации	№ 2, 60-66
Сальников В.П.	Правовизация и демократизация государственной и общественной жизни (к 80-летию со дня рождения и выходу в свет книги «Правовое обществоведение» Ф.М. Раянова)	№ 4, 161-169
Середа Е.В.	Проблемы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью	№ 4, 157-160
Соловьёва И.А.	Защита прав и свобод граждан Конституционным Судом Российской Федерации в процессе обжалования судебных решений судов общей юрисдикции	№ 3, 75-78
Туранин В.Ю.	О необходимости систематизации юридической терминологии в условиях осуществления региональной законотворческой деятельности	№ 4, 90-94
Уваров В.Ю.	Миграционные процессы в Российской Федерации: основные тенденции	№ 1, 69-72
	Миграционная политика в западноевропейских странах.	№ 4, 115-119
Хабибулин А.Г.	Телеологические основания современной государственности в России	№ 4, 95-101
	Правовизация и демократизация государственной и общественной жизни (к 80-летию со дня рождения и выходу в свет книги «Правовое обществоведение» Ф.М. Раянова)	№ 4, 161-169
Хачатуров Р.Л.	Юридическая безответственность	№ 4, 102-104
Чепус А.В.	Ответственность как категория коллизионного права	№ 4, 105-108
Шамба Т.М.	Содружество Независимых Государств в условиях глобализации	№ 4, 120-122
Чупров В.М.	Обучение и воспитание юридических кадров как средство реализации образовательной политики	№ 1, 8-16
	Участие институтов гражданского общества в охране общественного порядка: история и современность	№ 3, 47-51

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 5–12 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

**ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ,
ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»**

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ АККРЕДИТАЦИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или **магистра**
(в зависимости от срока обучения)
и выдается **государственный диплом**
о высшем образовании

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим** и **высшим образованием** –
ускоренный курс обучения – 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
- 12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
- 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

GOLTSBLAT BLP

Goltsblat BLP – российская практика Berwin Leighton Paisner (BLP), ведущей международной юридической фирмы, штаб-квартира которой находится в Лондоне и офисы – в крупнейших коммерческих и финансовых центрах мира: Москве, Абу-Даби, Берлине, Брюсселе, Гонконге, Дубае, Париже, Пекине, Сингапуре, Франкфурте, Тель-Авиве и Янгоне.

В московском офисе **Goltsblat BLP** – более 100 юристов, квалифицированных специалистов по российскому, английскому праву и праву США, общее количество юристов в международных офисах BLP – более 800.

На сегодняшний день **Goltsblat BLP** является одной из ведущих международных юридических фирм, российской практикой глобальной фирмы, оказывающей правовую поддержку по крупным комплексным сделкам и проектам, как международным корпорациям, так и российским компаниям. Нашей ключевой специализацией является сопровождение сделок и разрешение судебных споров. При этом при реализации комплексных проектов мы используем возможности и ресурсы нашей многофункциональной команды, чтобы обеспечить всестороннюю юридическую поддержку по всем необходимым аспектам и наиболее эффективным образом отвечать потребностям каждого клиента и каждого конкретного проекта, что, безусловно, является нашим преимуществом по сравнению с другими юридическими фирмами.

Международная команда **Goltsblat BLP** обеспечивает правовое сопровождение сделок, связанных с инвестициями российских и иностранных клиентов в России и за рубежом, оказывая правовую поддержку при реализации корпоративных сделок, сделок по слиянию и поглощению, банковских и финансовых сделок, инфраструктурных проектов и сделок с недвижимостью, разрешения споров, а также иных комплексных проектов и представительства в делах, являющихся предметом нескольких юрисдикций.

Клиентами **Goltsblat BLP** являются более 1700 компаний, среди которых крупные международные инвесторы, работающие на российском рынке, российские и международные банки, финансовые организации и российские компании – лидеры в своих отраслях (130 компаний, входящих в рейтинг Forbes Global).

Goltsblat BLP является обладателем 25 национальных и международных наград за последние пять лет, включая:

- *Лучшая юридическая фирма в России* – **Chambers Europe Awards 2015** и номинант **2016–2017 гг.**;
- *Международная юридическая фирма года* – **The Lawyer European Awards 2014** и номинант **2015 года**;
- *Международная юридическая фирма года* – **Legal Business Awards 2010 / Legal 500** и номинант **2015–2016 гг.**;
- *Юридическая фирма года (лучший клиентский сервис)* – **Chambers Europe Awards 2014 и 2010 гг.**;
- *Топ-3 международных юридических фирмы в России по размеру выручки* – **рейтинг Право.ру 2016 года** и др.

Специализированные юридические награды Goltsblat BLP за 2017 год:

- *Лучшая фирма года в сфере антимонопольного права* – **Best Lawyers Awards 2018;**
- *Лучшая фирма года в области налогообложения в России* – **European Tax Awards 2017 / International Tax Review;**
- *Лучшая фирма года в сфере недвижимости* – **Best Lawyers Awards 2017;**
- *Юридическая фирма года – Сделки M&A* – **Corporate Live Wire M&A Awards 2017;**
- *Юридическая фирма года в России в области таможи и международной торговли* – **2017 Deal Makers Country Awards;**
- *Топ-100 лучших фирм мира в области антимонопольного права* – **Global Competition Review 100, 2014–2017;**
- *Топ-100 лучших фирм мира в области международного арбитража* – **Global Arbitration Review 100, 2017** и др.

Концепция»

Издательство «Концепция»

приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц
и оказывает услуги по изданию монографий, учебников,
учебных пособий, сборников материалов конференций,
методических рекомендаций, периодических изданий
и иной литературы, в том числе:

❖ Подготовка издания к печати, а также: профессиональное редактирование и корректура рукописей (в том числе диссертаций), оформление библиографических ссылок согласно требованиям ГОСТ; присвоение индексов ISBN, УДК, ББК, оформление титульного листа и выходных данных по ГОСТ, подготовка оригинал-макета книги.

❖ Печать различных видов изданий на современном оборудовании: доступны различные типы печати, широкий выбор бумаги, различные варианты переплета, обложки. По желанию клиента издательство работает с минимальными тиражами (от 1 экз.).

❖ Включение научной литературы (в том числе монографий) в систему Российского индекса научного цитирования с размещением текста в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru).

❖ Доставка книг по России и странам ближнего зарубежья.

Наша концепция: «От черновика до книги – один шаг».

Наш телефон: 8-800-250-73-02

E-mail: conception.rzn@gmail.com

редакторы **Н.Б.Чунакова, М.В.Старцева**
перевод **А.В.Саматов**
верстка **И.И.Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
Адрес издателя: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1.
E-mail: conception.rzn@gmail.com
Телефон: 8 (800) 250-73-02

Выход в свет 28.03.2019. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 16,73. Усл. п.л. 9,4. Тираж 500 экз. Заказ № 7.

Цена свободная

Отпечатано ООО «Издательство «Концепция».
Адрес типографии: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д.17, корп. 1.